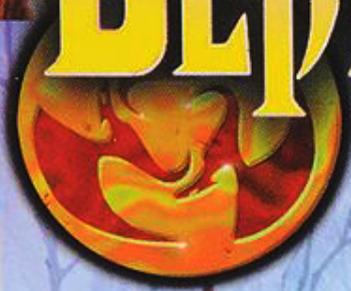

ВЕРА КАТТША

ТЁМНАЯ ЗВЕЗДА

ХРОНИКИ АРЦИИ

ЭКСМО

Хроники Арции

Вера Камша

Тёмная звезда

«Автор»

2001

Камша В. В.

Тёмная звезда / В. В. Камша — «Автор», 2001 — (Хроники Арции)

ISBN 5-04-007148-5

Боги, хранящие мир Тарры, покинули его. Изначальное зло, некогда побежденное ими и загнанное в преисподнюю, поднимает голову. Черда загадочных смертей обрушивается на Таянский королевский дом, подтверждая пророчество о конце света. Но истинная цель темных сил – Герика, королева Таяны, способная принести дитя, новое воплощение бога зла Ройгу. Раскрыть тайну, противостоять нашествию, спасти обитателей Тарры от уничтожения способны избранные – герцог Рене Аррой, прозванный Счастливым за невероятную удачливость, и эльф Нэо Рамиэрль, некогда разведчик в мире людей, а теперь его надежда и защита. Переработанная версия романа.

ISBN 5-04-007148-5

© Камша В. В., 2001

© Автор, 2001

Содержание

Пролог	6
Летопись первая	7
Часть первая	7
Глава 1	8
1	8
2	10
3	13
4	15
Глава 2	19
1	19
2	20
3	24
Глава 3	28
1	28
2	30
3	31
4	34
5	36
6	39
Глава 4	40
1	40
2	41
3	43
4	45
5	46
Глава 5	48
1	48
2	49
3	49
Глава 6	50
1	50
2	52
3	53
4	54
5	57
6	58
7	59
Глава 7	61
1	61
2	64
3	66
4	72
Глава 8	74
1	74
2	75
3	78

Глава 9	80
1	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Вера Камша

Темная Звезда

(Переработанная версия романа)

Автор искренне благодарит Юрия Бунакова, Александра Бурдакова, Ирину Гейни, Татьяну Григорьеву, Александра Домогарова, Марину Ивановскую, Майю Котовскую (Канцлера Ги), Данила Мелинца, Юрия Нерсесова, Ирину Погребецкую, Татьяну Щапovu, героическую Liothak и других, без помощи, поддержки, а иногда и претензий которых этой книге просто бы не случилось. По крайней мере в новом варианте.

*Год за годом все неизбежней
Запевают в крови века...*

Николай Гумилев

*Я искал границу бури,
а у бури нет границ...
Алькор¹*

Пролог

– Зачем вы двое тицитесь продлить агонию? Этот мир слишком несовершенен. Он должен погибнуть, чтобы с ним исчезла и вся пропитавшая его скверна. То, что достойно спасения, будет спасено и без вашего вмешательства...

– Ты вопрошаешь, но не ждешь ответа. Он тебе не нужен. Тот, кто присвоил себе право судить, зная лишь свою правду, не способен понимать.

– погоди, брат! Ты собрался «спасать» Тарру, Странник? Что ж, жди своего часа, если он наступит. Смотри, как множатся преступления и страдания, предвосхищая твое явление на развалинах, когда уже нечего защищать и можно покинуть пожарище. Подбирай тех, кто готов вцепиться в полы твоей хламиды, отряхнув с ног пепел сгоревшего дома. Спасай их, они достойны тебя, но предоставь тем, кто по доброй воле шагнет в огонь, делать свое дело.

– А ты многословнее своего мудрого брата. Но достойно ли обрекать своих избранных на вечные муки?

– Обрекаешь ты, ибо твое спасение не лучше небытия. Я лишь указываю дорогу тем, кто способен по ней пройти. Они вольны идти вперед, свернуть в сторону или же остаться на обочине и ждать тебя.

– Или вообще ничего и никого не ждать... Пойдем, брат, этот разговор не имеет смысла.

Летопись первая Темная Звезда

*Ничего, как смерть, не помня.
Ничего, как жизнь, не зная...*

Георгий Иванов

*Черное озеро, тени скользят в нем,
А под обрывом туман, туман, туман —
холодный, белый.
Ночь открывает дороги, по ним идем...
Небо бездонное, темень, туман, туман.
Круг замыкается, мне бы стоять вне,
Только дорога ночная опять ведет —
куда, не знаю.
Прошлого не было, будущего нет...
Небо бездонное, темень, туман, туман.
А за спиною песок и другой лес,
А между ними дорога длиною в год —
и черт бы с нею!
Важно лишь то, что сегодня, сейчас,
здесь —
Небо бездонное, темень, туман, туман.
Гаснет костер, догорает иной век,
И не щите меня на путях людей —
они кривые!
Темной звездою опять упаду вверх —
В небо бездонное, в темень, туман,
туман.*

Алькор

Часть первая Время нарциссов

Вот и сошлись дороги...
Марина Цветаева

Глава 1

2228 год от В. И. 9-й день месяца Медведя²

Арцийская Фронтера. Вольное село Белый Мост

1

– Как она?

– Молчит, дядечку.

– Я тебе не дядечка, а господин войт! Понятно, бестолочь?

– Понятно. – Долговязый парень с решительным курносим носом безнадежно глядел на черноусого здоровяка с медной цепью войта на едва ли не бычьей шее. – Тольки, проше дана³ войта, она все одно молчит...

– Но хоть поела?

– Да кто ж ее знает. Может, и поела, но что огня не разводила, точно. Она в углу сидит, я глядел...

– Давно?

– Как Бодька стадо пригнал, так и глядел.

– С ним вместе небось и тарачились! Любопытно им, видишь ли. У людей беда, а им любопытно... Ну, отпирай, сам гляну. – Господин войт уверенно вступил в низенькие сенцы, крепко пахнувшие сушеными травами. – Фу ты, Проклятый тебя побери!.. Зар-раза!

Бросившаяся под ноги гостям кошка шустро юркнула в приоткрытую дверь и исчезла. Войт знал, что никакая это не нечисть, а родимая дочь его рыжего Брыся, но под сердцем все одно нехорошо засосало. Рыгор Зимный, бессменный войт Белого Моста, не боялся ни бешеных собак, ни разъяренных быков, ни заезжего начальства, ни даже собственной жены, но колдовства не понимал, а потому опасался, хоть и признавал, что без хорошей ведуньи в селе не обойтись.

Что бы ни говорили крючкотворы из Розевского магистрата и сам господин барон Кузерг, не станешь же кликать из города печатного волшебника⁴ всякий раз, как припечет живность подлечить, роды принять або снять порчу! Дорого берут «печатники», ох, дорого, да и муторно с ними дело иметь. Потому-то и привечают на селах ворожей да знахарей, а власти, покуда все тихо-мирно, на это беззаконие закрывают глаза. Зато когда по милости «неучтенных ведьм» случается лихо, платят за него всем миром – почему не донесли да почему пользовались недозволенными чародействами... Кончается все, само собой, поборами.

Впрочем, войт Рыгор о судебных исполнителях нынче думал почти с нежностью. Ну, вывезли бы зерно, угнали б скотину – дело наживное, а вот как сгонят с насиженных мест, перепашут землю, на которой стоит село, да засеют ее волчцами, которым дурное из земли пять годов вытягивать... Зимный не любил лгать ни себе, ни другим – дело шло именно к тому. Выкрутиться можно было единственным способом – самим судить и покарать ведьму-

² **Великий исход** (В. И.) – начало летосчисления, принятого в **Благодатных землях** Тарры. **Месяц Медведя** – третий месяц весны. Месяцы Благодатного года длятся по 29 дней и названы по именам созвездий **Звездного Круга** (аналог земного Зодиака). Звездный Круг состоит из тринадцати созвездий: // **месяцы Весны**: Агнец, Иноходец, Медведь, Влюбленные; // **месяцы Лета**: Лебедь, Дракон, Собака; // **месяцы Осени**: Зеркало, Волк, Звездный Вихрь; // **месяцы Зимы**: Копьеносец, Вепрь, Сирена.

³ **Дан** (**данна**, **даненка**) – фронтерско-таянск. Вежливое обращение простолюдина к вышестоящему или дворянина к уважаемому простолюдину.

⁴ **Печатный волшебник** («печатник») – практикующий маг, имеющий грамоту с печатью Гильдии магов, заверенную Церковью и местными властями, о том, что имярек имеет право заниматься Дозволенной магией в пределах данной области и обязуется платить Церкви и государству установленный налог.

убийцу, а затем кинуться к барону: «Так, мол, и так, ясновельможный. Виноваты, да исправились! Ведьму утопили, гнездо ее поганое выжгли, вот церковная доля, вот то, что магистрату причитается, а вот и ваша, сосед дорогой! Вы уж нас, дураков окаянных, пожалейте, мы – люди темные! Вот вам мед, вот вам телятки, вот вам шкуры рысьи да волчьи, а уж вы за нас, горемычных, перед «синяками»⁵ заступитесь. Ведьму мы сами изничтожили, а вашей ясновельможности, хоть и вольные, отработаем!..»

Да, это был выход, но использовать его войту не хотелось до жути. Был Рыгор Зимный человеком справедливым и в невиновности деревенской колдуньи не сомневался. Как и в том, что, скажи он правду, ему ни за что не поверят. Просто не захотят. Куда как проще списать случившееся в соседней селу Ласкавой пуше на ведьмины происки, да еще и нажиться на этом. Белый Мост – село богатое, стоит у самого тракта. Коли Мост сроят, следящий за Старой Таянской дорогой Розевский магистрат по закону построит постоянный двор и немало с того наживется, а ежели строить решат на баронских землях, то и ясновельможный Кузерг внакладе не будет. Беломостцам же останется либо всем миром к барону в кабалу, либо в Таяну на Вольные земли подаваться. К чудищам под бок... Нет, нельзя такого допустить, а значит... Дело твое такое, назвал себя конем – полезай в хомут...

Войт трошки постоял в пропахших сушеными травами сенцах, собрался с силами и вошел в чистенькую залку. Пол, как всегда, был застелен вчерашней полынью, нехитрый скарб аккуратно расставлен на прибитых к стенкам (Зенек небось постарался) деревянных досках, а в плетеной ивовой клетке бойко прыгала однокрылая птаха. Рыгор совершенно не к месту вспомнил, что хозяйка как-то помирила калеку-малиновку со своей кошкой, теперь же он, войт Зимный, если хочет спасти Белый Мост, должен утопить ведьмачку за душегубство. Стало вовсе муторно, но Рыгор все же заставил себя глянуть в угол, где, забравшись с ногами на лежанку, сидела Лупе. Лупе, пришедшая в Белый Мост шесть лет назад, Лупе, спасшая не одну жизнь, в том числе и его, Рыгора, дочку, покусанную бешеной лисицей.

– Эй!.. Эй, ты меня слышишь?

Скорчившаяся фигурка не шевельнулась.

– Лупе, ты... Ты хоть ела?

Нет ответа. Войт пересек залку, тяжело ступая по вянущей траве, опустился на сбитую перинку.

– Лупе, да что с тобой? – Женщина молчала. Не из упрямства и не с обиды – она не слышала. Широко расставленные зеленые с золотистыми крапинками глаза смотрели сквозь гостя куда-то в стену, на бледном треугольном личике застыло выражение ужаса и удивления, руки судорожно сжимали какие-то травки. Лупе напоминала пойманного бельчонка, что Зенек приволок прошлой весной своей тетке.

Войт осторожно коснулся пепельных волос; ведунья не шевельнулась, и вот тут-то Рыгору стало по-настоящему страшно. Знаменитый на всю округу храбрец и весельчак пулей выскочил из залки. Правда, оказавшись за дверью, он быстро напустил на себя приличествующий войту важный вид, но торчащего на пороге Зенека это не провело:

– Ну как, дядечку? Жуть, да? Так и сидит, и смотрит... Вот страх какой. Я так думаю, дядечку, не она все это натворила, зато она знает, что за жуть к нам заявила. Ее-то она и боится, а не нас с вами и не «синяков».

– Умный больно...

– Умный, не умный, а так оно и есть.

⁵ «Синяк» – простонародное название рассматриваемого дела о Недозволенной магии следователя **Тайной канцелярии арципской короны**. Название, видимо, пошло от лиловых мантий, в которых ходят служащие (другое название – фискалы) Тайной канцелярии. Формально «синяки» при принятии решений советуется с Церковью, на деле же выполняют только указания вышестоящих. Имена высших фискалов, во избежание заклятия именем, тщательно скрываются. Характерно, что на территории Святого города Кантиски деятельность фискалов находится под запретом.

– Ты мне лучше, Зенек, вот что скажи, – ушел от ответа Рыгор. – Что тетка твоя? Дома?
– Да куда она денется? У нее ж хозяйство, гости...
– А выпить у ей есть?
– Есть, конечно. Ой, дядечку, к нам сегодня такой постоялец завернул – лошадь у него расковалась... Как раз к обеду поспел. Знатный господин, а уж лошадки! Сроду таких не видел – не гнедые, не буланные, а такие... такие... ну, словом, как ваша цепь, а бабки, грива и хвост черные.
– Знатный гость, говоришь?
– А то нет! Все честь по чести. И шпага – тычься, не хочу, и плащ со знаком этим, и денег не считано. Только слуг нету...
– А что хоть за консигна-то?⁶
– Квитка якась, белого цвета. Точно не ромашка... А сам плащ темно-синий.
– Видать, точно издалека. Я эдакого знака не припомню.
– А я что говорю! И коней таких у нас не водится.
– Ладно, разберусь. А ты карауль хорошенько. Как Грешница⁷ взойдет, тебя Збышко сменит.
– Ты к тетке Гвенде идешь? А что войтихе сказать, коли спросит?
– А то и скажи, что у нас тут приезжий нобиль случился, я с ним потолковать хочу. Если он свидетелем станет, «синяки» отстанут, особливо коли он слово нобилия даст...
– Дядечку, а дядечку...
– Ну, чего еще?
– Жалко Лупе, не она это! Панка сама вляпалась, и поделом! Змеюка ж была, а не девка. Чего из-за нее огород городить? Закопать тихохонько, и делов-то!
– Ты, дурья твоя башка, видать, в крепостные наладился? А то, может, к Последним горам с лежачей матерью подашься? Брат-то Килинин, забодай его мыша, у Кузерга вторым управляющим! Он же за сестрину дочь нас всех замордует. Да и сама Килина стервь еще та! Вот и выходит, что волшбу, прячь не прячь, найдут, а за сокрытие недозволенной волшбы, да еще злокозненной, мы все к Проклятому в зубы пойдем. Молчишь? Вот то-то же! Жалеть – так все горазды, а решать – так мне! Потом по селу пройти не дадите, жалельщики. А отпусти я ведьмачку, как примутся за нас, небось меня же и на вилы – почему отпустил? Тьфу, непотребство! – И господин войт, не в силах продолжать спор, нашел спасение в бегстве.

2

Роман че Вэла-и-Пантана задумчиво отодвинул чистую занавеску, расшитую буйными розанами. За окошком виднелась часть немощеной улицы, забор и стоящий напротив дом с увитым хмелем забором. Во дворе, вывалив язык, изнемогал от жары цепной пес; в двух шагах от него равнодушно вылизывал поднятую заднюю лапу желтый котяра, в пыли сосредоточенно копошились куры. День клонился к вечеру, но весеннее солнце все еще заливало Белый Мост ярким светом. Роман зевнул и потряс головой, прогоняя остатки сна. Он терпеть не мог спать

⁶ **Консигна** – личный (в отличие от родовой **сигны**) герб, который дворянин (иначе **нобиль**) обязан носить на плаще и оружейной перевязи. Консигна также обязательно наносится на седло. Ношение чужой консигны или самовольное присвоение ее недворянином считается одним из самых тяжких преступлений в Благодатных землях. Нобиль, принявший на службу простолюдина **достойных занятий** (мага, медикуса или телохранителя), может даровать ему **первичную консигну**, обладатель которой еще не является дворянином, но уже получает некоторые дворянские привилегии. Если первичная консигна даруется трем поколениям, даровавший консигну нобиль может обратиться к царствующему дому с ходатайством о переходе первичной консигны в потомственную, после чего ее обладатель становится вассалом своего сюзерена и пользуется всеми дворянскими привилегиями.

⁷ **Грешница (Церида-страсть)** – название **Адены**, одной из семи блуждающих звезд, когда она идет за солнцем. Когда она идет впереди солнца и видна на небе перед рассветом, она носит название **Праведницы (Аморы-благоговения)**. В астрологии Адена – покровительница искусств и наслаждений, а в гороскопе мужчины говорит, кого и как человек полюбит.

днем, но бессонные ночи в седле бесследно не проходят. К счастью, он успевал – тот, с кем надлежало «случайно» встретиться, появится не ранее завтрашнего полудня.

Дальше Роман не загадывал. Все зависело от того, каким окажется Счастливчик Рене, то есть Первый паладин Зеленого храма Осейны⁸, высокородный Рене-Руис-Аларик рэ Аррой, герцог Рьего сигнор че Вьяхе, всесильный дядя коронованного пьянчужки, знаменитый адмирал, непревзойденный мастер клинка и прочая, и прочая, и прочая... Про эландца говорили всякое, но Роман очень надеялся на правоту тех, кто считал адмирала человеком порядочным и напроочь лишенным предрассудков.

Было общеизвестным, что Счастливчик Рене в молодости слыл одним из самых дерзких вольных капитанов, а вот любители прикидывать зубодробительные политические комбинации третьего сына герцога Рикареда не принимали в расчет. Между тронном и Счастливчиком стояло восемь жизней, а сам он только и думал, как проскочить на своем трехмачтовике Ревущее море и добраться до пресловутых Золотых берегов.

О Рене уже тогда ходили легенды. Его корабль, украшенный фигурой вздыбившейся рыси, знали во всех портах от Эр-Атэва до Гверганды. В те поры молодой маринер⁹ жил играя, и ему все удавалось. Неповоротливые корабли ортодоксов¹⁰ ничего не могли поделать со стремительным «Созвездием Рыси» и его полоумным капитаном. Счастливчик ввязывался в совершенно немислимые авантюры и всегда выходил победителем. Он надолго исчезал, вновь появлялся, привозил диковинные вещи, кидался в любовные приключения, вновь все бросал и уходил в море, а потом не вернулся к назначенному сроку.

В гибель «Созвездия» долго не верили, потом стали поговаривать, что судьбе надоело сносить выходки нечестивца, не раз и не два переступавшего Запретную черту¹¹, но капитан вернулся в свою Идакону. Один. Ему не было и тридцати, и он почти не изменился, только темно-каштановые волосы стали белоснежными.

Суеверные моряки с ужасом вылупились на воскресшего, затем выпили за его счет и за его удачу, а потом... вышли с ним в море на новом корабле, которому Аррой дал прежнее название. Поход оказался удачным, маринеры добыли немало бесценного черного жемчуга и перьев каких-то невозможных сиреневых птиц, за которые арцийские франты заложили бы душу если не Проклятому, то ростовщику, а Счастливчик вновь поднял паруса. Все вернулось на круги своя, но капитан так никому и не сказал, где его носило.

Одни клялись, что Аррой нашел-таки Золотые берега, его спутники не захотели покидать земной рай, а Счастливчик заскучал и исхитрился вернуться. Другие утверждали, что корабль погиб, а Рене спасла его вошедшая в поговорку везучесть. Нашлись и такие, кто считал, что капитан заплатил за спасение жизнями и душами своих людей.

Не прошло и года, как пересуды затихли, во многом потому, что Счастливчик оставался прежним – был весел, открыт, вспыльчив, любвеобилен и неудержим. Его новую эскападу в очередной раз объявили безумием, но «Созвездие Рыси», назло дурным пророчествам покинув гавань накануне осенних штормов, вернулось по весне целым и невредимым. Эта экспедиция

⁸ **Паладин Зеленого храма Осейны** – первоначально моряк, признанный одним из сорока лучших из живущих ныне мореплавателей. В древнем Эланде палadini Зеленого храма составляли Совет Зеленого храма и выбирали из своей среды Первого паладина, наделявшегося королевскими полномочиями, которые прекращались либо со смертью, либо по воле самого Первого паладина. Затем власть над Эландом стала передаваться по наследству; в описываемые времена звание П. П. означает лишь признание не превзойденных ныне живущими морских подвигов.

⁹ **Маринер** – первоначально вольный моряк, иногда – торговец, иногда – наемник, иногда – пират. В описываемые времена маринерами называли либо эландцев, либо моряков, находящихся с ними в открытом или негласном союзе.

¹⁰ **Ортодоксы** — представители созданных святой Циалой церковных воинских формирований, призванные следить за соблюдением Запретов, в частности за тем, чтобы корабли не пересекали Запретную черту, а путешествующие не пытались преодолеть Последние горы. В XXIII веке от В. И. в относительно боеспособном состоянии находились только морские ортодоксы, функции сухопутных в Арции перешли к императорским фискалам.

¹¹ **Запретная черта** – морская граница Благодатных земель.

в жизни маринера Рене стала последней. Зимой Идакону посетила странная зараза, выкосившая самые знатные семьи. Из Арроев уцелел лишь сын старшего брата Рене, юный Рикаред. Счастливчик неожиданно для себя самого оказался регентом при коронованном племяннике.

Правитель из капитана вышел отменный. Рене Аррой заставил с собой считаться не только переживавшую не лучшие годы Арцию, но и матерых хищников Эр-Атэва и Канг-Ха-Она. Несколько неожиданных походов отбили охоту замахиваться на эландское наследство. Удача, взявшая Рене под крыло, выказывала редкостное постоянство. Впрочем, даже недоброжелатели молодого адмирала признавали, что удача – только полдела, остального Рене добивался сам...

В дверь постучали, и Роман приветливо откликнулся. Ладить с людьми у него давно вошло в привычку. Это было куда проще и полезнее, чем убивать. Убивать Роман, кстати говоря, умел превосходно, хотя старался оным умением не злоупотреблять без крайней на то необходимости. Сейчас же он никакого подвоха не ожидал. И действительно, вошла хозяйка, вполне заслужившая прозвище Красотка Гвенда. Улыбнувшись мило, но отнюдь не поощрительно, женщина сообщила, что в общей зале все накрыто к обеду. Впрочем, если ясновельможный хочет откусать у себя, то...

Ясновельможный тоже улыбнулся и покачал головой. Нет, он не будет кушать у себя, он с удовольствием спустится поболтать с селянами. Решение заезжего нобилия хозяйку явно обрадовало – похвастаться подобным постояльцем не мог даже хозяин «Золотого кабана», мимо которого гость, без сомнения, проезжал пару часов назад. Мысли трактирщицы были столь незатейливы и очевидны, что Роман усмехнулся и тут же себя одернул. Негоже расслабляться – выдать себя в придорожной харчевне еще глупее, чем в королевском дворце. Нобиль одернул темно-синий колет, отцепил шпагу, оставив только кинжал в ножнах за спиной, и легко сбежал по крутым ступенькам в общий зал.

Посетителей по весеннему времени собралось достаточно, только выглядели они какими-то растерянными и чуть ли не виноватыми. Перед многими стояли кувшины, и Роман заметил, что пьют молча и сосредоточенно, словно задавшись целью напиться. Появление чужака привлекло настороженное, угрюмое внимание. Странно, жители Фронтеры, насколько он знал, жили более чем благополучно и славилась радушием и общительностью. Вероятно, в Белом Мосту случилось нечто неприятное.

Вошедшее в привычку умение скрывать свои мысли заставило Романа «не заметить» чужую настороженность. Он весело спросил ужин, и Гвенда опрометью бросилась выставлять на отдельный небольшой стол всяческую снедь.

– Любезная хозяйюшка, я приехал один, а вы принесли столько всего, что хватит на дюжину «синяков», не к ночи будь помянуты.

Шутка повисла в воздухе.

– Я сказал что-нибудь не то?

– Нет-нет, проще дана. – Здоровенный мужчина лет сорока, с вислыми усами, неспешно подошел к гостю. – Коли ласка будет, прошу за мой стол.

– Охотно, дан войт. Я вижу, вы любите кабанью охоту?

– О, дан охотник?

– Иногда. А иногда – воин или лекарь. Но всегда бродяга.

– Дан хочет сказать, что живет как либер?¹²

¹² **Либер** (либр, либро, в зависимости от особенностей местного наречия) – человек благородного происхождения, избравший одну из семи профессий, не считающихся позорными для дворянина (моряк, наемный воин, маг, священник, бард, медик, ученый). Либеры добровольно отказывались от своих феодалов, освобождались от вассальной присяги, но сохраняли все не связанные с земельными владениями дворянские привилегии и подчинялись лишь кодексу Розы. Для либеров была характерна замена в титуле названия феодала на название области (государства), из которой либер происходил.

– А я и есть либер. Я бард. В моей семье мужчины не расстаются с гитарой, а значит, и с конем. Сейчас еду в Тарску, а повезет, так дальше, к Последним горам.

– О, так я ж дана знаю! – всплеснула руками Гвенда. – Коли б мне вчера сказали, что сам Роман Ясный до нас будет, я б со смеху вмерла. А то дан и есть? То-то я гляжу, консигна у дана такая необычная. То ведь Романова Роза?

– Она самая. После ужина я это докажу, только пусть кто-нибудь принесет мою гитару, а то вы все такие грустные. Уж не поселился ли рядом, упаси святой Эрасти, людоед?

Смеха вновь не последовало, причем Роман готов был присягнуть, что войт от шутки вздрогнул. Больше бард не сомневался – в селе что-то стряслось. Что именно, он решил пока не спрашивать.

3

Рыгор Зимный с надеждой рассматривал приезжего. Красавец, любо-дорого посмотреть, но не размазня. С кинжалом не расстается и, похоже, знает, куда ударить, если что. Да и глаза на месте – сразу углядел, что шрам на войтовой руке от кабаньих клыков. Надо с ним по душам поговорить, вдруг да согласится выступить ходатаем за Белый Мост? К слову барда прислушаются даже «синяки». Если дан Роман не поможет, не поможет никто. Рыгор рискнул прервать затянувшееся молчание:

– Проше дана, чи можно звернуться до ясновельможной милости!

– Чем могу служить, почтеннейший войт?

– Дозвольте полюбопытствовать, откуда ясновельможный путь держит?

– Из Старой Мезы. Знаете, где это?

– Ой, далеко, там, где Проклятый свой перстень загубил¹³.

– А мне говорили, он его потерял в ваших краях. Мы, барды, народ любопытный. Я всю жизнь колечко Проклятого ищу, а добрые люди, вот такие, как вы, меня туда-сюда и гоняют...

На этот раз рассмеялись все. Очень хорошо, значит, дело не в нем, просто он невольно задел чужие раны. Ничего, разберемся. А войт странно на него посматривает, словно прикидывает, просчитывает. Может, спросить о чем хочет. Только при всех разговора не выйдет.

– А что, вино здесь хорошее?

– У хозяйки, у Гвенды то бишь, лучшие настойки на всю Фронтеру. А уж царка¹⁴ у нее! – Войт мечтательно закатил глаза. – Нигде такой не получите – огонь с лаской!

– Вот и славно. Пусть несет свою царку. И спросите, может, она с нами посидит, а я спою.

Вечер удался на славу. Гость сумел подобрать ключики ко всем. Языки развязались, заезжий нобиль и не думал чваниться. Нет, никто из сельчан не посмел бы ударить его по плечу или заговорить с ним по-простому, без «проше дана», но настороженная крестьянская почтительность уступила место симпатии, перешедшей в простодушное восхищение, едва гость взял в руки гитару.

Все шло как надо – скоро вся Фронтера узнает, что проездом из Старой Мезы в Таяну в Белый Мост завернул Роман Ясный, сын Золотого Романа. Конь его выючный расковался, вот бард и заночевал в селе. Оставалось спеть песню повеселее и распрощаться, но барда все сильнее занимал войт. Зимный со вкусом пил в самом деле отменную царку и громче всех смеялся забавным историям, которые рассказывал приезжий, но Роман не мог избавиться от мысли, что здоровяк не так весел, как хочет казаться. Не укрылось от барда и то, что пару раз

¹³ **Проклятый** — лжепророк и Преступивший, предавшийся Антиподу и восставший против Триединого и Церкви Его Единой и Единственной. В устной речи упоминание Проклятого аналогично упоминанию черта в земных языках. Выражение «где Проклятый кольцо потерял» – эквивалент «куда Макар телят не гонял».

¹⁴ **Царка** – фронттерский и таянский горячительный напиток. Зерновой спирт, настоянный на дубовой коре и травах и вполовину разбавленный родниковой водой с небольшим количеством меда.

сельчане замолкали, словно кто обрывал их на полуслове, и смотрели на Рыгора. С намеком: дескать, не поделиться ли с заезжим даном бедой? Что ж, пусть поделится, это может оказаться интересным.

До полуночи оставалось около часа. Гости почти разошлись – в зале оставались десятков-полтора самых крепких. Роман объявил последнюю балладу и запел о тарскийском юноше, ушедшем в Последние горы за золотом, которого требовал отец его возлюбленной. Войт залпом допил царку и крикнул. Решился, вот и молодец.

Шум на улице заставил Рыгора вскочить. Судя по звукам, в Белый Мост пожаловал целый отряд, причем немалый. Бард песни не прерывал, зачем? Тренированное тело и так готово, случись что, оттолкнувшись от лавки, перелететь через низкий стол и приземлиться у лестницы, ведущей наверх. А там шпагу в руку, через окно на крышу конюшни, и ищи степного ветра. Коней, способных догнать Топоза и Перлу, в Благодатных землях¹⁵ не видели. Хотя чего раньше времени волноваться? Войны нет уже который год, по дорогам Фронтеры волен ездить всякий, кто заплатит пошлину, и все-таки... Все-таки стук копыт в ночи вызывает чувство тревоги, особенно если тебе есть что скрывать. Пусть сегодня пожаловали не по твою душу, тебе чужаки все равно не нужны.

Роман не желал нового общества, но от него ничего не зависело. Дверь распахнулась, и на пороге возникли три фигуры в плащах, за которыми толклись фискальные стражники. Бард заметил, как на войтовых скулах заходили желваки, а лежавшая на столешнице ручища сжалась в кулак. Прочих селян ночные гости тоже не обрадовали; впрочем, последних это не волновало. Они всюду входили как к себе домой.

Во время скитаний по землям империи Роману попадались всякие фискалы, случались среди них и люди редкого ума и порядочности, но нынешняя троица выглядела отвратительно. Собственно «синяками» оказались двое, третий, судя по одежде, к тайной службе отношения не имел. Маленький, узкоплечий, с остренькой мордочкой, он вьюном вился вокруг рослых, плотных спутников, получая видимое удовольствие от пресмыкания пред столь влиятельными особами.

Для либера парочка провинциальных «синяков» и прилепившийся к ним холуй никакой угрозы не представляли, но вошедшая компания Роману не понравилась. Бард решил ее не замечать и продолжил петь как ни в чем не бывало. Непривычные к подобному обращению «синяки» растерялась – неизвестно откуда взявшийся нобиль путал им все карты. Роман стал выпевать последние строчки куплетов дважды. Балладный влюбленный добыл-таки требуемое золото, только возлюбленная его к тому времени превратилась в седую старуху, тотчас же помершую на руках любимого от радости.

Виноваты, разумеется, были Горные Хозяева, продержавшие беднягу в зачарованной пещере пятьдесят четыре года, показавшиеся тому за одну ночь. Хорошо хоть отец невесты, спровадив голодранца, выдал дочь за серьезного мужчину. К возвращению разбогатевшего возлюбленного у бывшей красавицы как раз подросла внучка, похожая на бабку в юности. Поскольку герой золото принес, все сладилось. Старушку похоронили и тут же сыграли веселую свадьбу, посрашив возжелавшую сыграть над людьми злую шутку нечисть.

Сообщив присутствующим, что не приглашенные на празднество Горные Хозяева три дня со злости грызли невкусные камни, Роман, прижав ладонью струны, огляделся и вежливо осведомился у пышущего здоровьем мужчины с круглым лицом и круглыми же, почти совиными глазами:

– Что вы думаете об этой балладе, почтенный? Я слышал, что в Мунте ее исполняют на другой мотив.

¹⁵ **Благодатные земли** – земли между Последними горами и Запретной чертой, где, согласно утверждению Церкви, дозволено жить людям.

Конфуз, случившийся с Горными Хозяевами, произвел на «синяков» угнетающее впечатление. Дар речи они, во всяком случае, потеряли. Первым пришел в себя старший, лысоватый мужчина лет пятидесяти с бледным рыбьим, но, к несчастью, умным лицом.

– Проше дана либера, – вежливо осведомился лысоватый, – давно ли вы приехали в Белый Мост и что думаете о совершенном здесь преступлении?

– Я не люблю отвечать на подобные вопросы без крайней на то необходимости.

– Проше либера, это очень важно. Прошлой ночью в селе с помощью Недозволенной магии было совершено убийство, кое мы должны расследовать на месте. Если вы стали свидетелем одного злодейства, следствие должно заслушать ваши показания.

– Сожалею, данове, но я приехал сегодня днем и ничего об убийстве не знаю. Надеюсь, вы успешно исполните свой долг, а я ничем вам помочь не могу. Я и так потерял целый день из-за расковавшейся лошади. Завтра поутру я с вашего разрешения выезжаю в Таяну.

– Не смеем задерживать дана. Но следствие не уверено, что окрестности Белого Моста безопасны для одинокого путника. Вам лучше взять в провожатые троих стражников или же дожидаться конца дознания.

– Я привык путешествовать один, но благодарю вас за заботу. Прощайте, данове, я устал и хочу спать.

Поднявшись к себе, Роман, однако, ложиться и не подумал. Происшествие занимало его все больше и больше. Появление «синяков» с отрядом стражников и каким-то мерзавцем из местных могло означать лишь одно – в Белом Мосту произошло что-то выдающееся, причем связанное с Недозволенным. То, что это совпало с его, Романа, приездом и с ожидаемым появлением эландского посольства, могло быть обычной случайностью, но бард совпадений не любил.

Роман грыз себя за то, что развлекал сельчан песнями, вместо того чтобы по душам поговорить, пока было время. Предавался самоедству в своей хате и почти не слушавший женины укоры войт. Догадаться он, Рыгор, перекинуться с либером парой слов прежде, чем Проклятый принес «синяков», тот наверняка бы помог, а так вышла сплошная дурь. Застигнутый врасплох бард признал, что ничего не знает, а значит, не может быть свидетелем в пользу Белого Моста. И еще этот клятый Гонза... Ясно-понятно, кто озаботился донести. Выкрутимся – найдем на паршивца управу. Если, конечно, выкрутимся.

Надо было или сразу казнить Лупе и слать гонца к барону, или... или отправить дуреху с Зенekom куда подальше и руками развести: мол, ведать не ведаем, куда ведьма делась. А теперь Гонза с сестрицей сделают все, чтобы и Лупе, и его, Рыгора, признали виновными. Со всем селом. Войт со злой тоской посмотрел на стражников, якобы охраняющих хату от нечисти. Теперь остается только ждать.

4

Роман не удивился, когда в дверь к нему кто-то поскребся, – бард ждал чего-то подобного. По всему выходило, что или войт, или Красотка Гвенда должны его проведать, но на пороге молча стоял долговязый паренек лет семнадцати. Роман припомнил, что видел его днем – парнишка был родичем хозяйки и таскал ей воду. На лестнице послышалось характерное звяканье – фискал задел своим снаряжением какой-то угол. Бард втащил гостя в комнату и закрыл дверь.

– Как тебя зовут?

– Зенек, проше дана. Я племянник хозяйки.

– Я так и думал. Ты хотел со мной поговорить. О чем?

– О Лупе. Она не виновата, и мы никто не виноваты. Это, проше дана, або волк, або еще кто... А она Панку пальцем не тронула, та сама была дура!

– Постой, кто такие Лупе, Панка, при чем тут волк, кто в чем виноват? А ну говори по порядку.

– Так я ж и говорю, эта светлой памяти стерва сама во всем виновата. А Лупе, она добрая, она даже курицы не обидит, не то что человека. Та сама...

– Остановись, Зенек. Я никогда не бывал у вас и ничего не пойму. Кто такая Лупе?

– Знахарка.

– Откуда она взялась?

– Пришла.

– Давно? Да не заставляй из тебя клещами слова тянуть, я ж не «синяк». Какая она, эта твоя Лупе, где раньше жила, как к вам попала?

– Красивая она, худая только... Совсем не как наши, а вроде как из ясновельможных. Я малым был, она у тетки остановилась, а тут Катре рожать... У Катри до того двое мертвых родилось, и свекруха ейная говорит, или помирай, или чтоб сын был...

– Значит, Лупе помогла Катре, потом кому-то еще, потом еще, а потом у вас осталась?

– А откуда дан знает? – изумленно выдохнул Зенек.

– В мире мало нового. Про что болтали «синяки»?

– Ночью якась зверюга на мелкие шматочки разодрала тую Панку.

– Что за Панка?

– Та Аглая она была, по правде... Дочка Килины. Ну, тощей такой, кричит еще вечно.

– Видел таких. И что Килина?

– Та ее брат Гонза «синяков» и приволок.

– Тот мелкий, что на мышшь похож?

– Вот-вот, на мышшу! Он помоганец эконома у его ясновельможности барона Кузерга. Так Килина сбегала до братца, а той сгоняв до Розева и привел «синяков».

– А Лупе при чем?

– Так они ж Лупе ненавидят, Панка с Килиной всем кричала, что то Лупе Панку спортила, что никто с парней на нее и через порог смотреть не хотел.

– А она спортила?

– Да чего ее портить, сама уродилась такой. И маманька ее такая ж была, когда б не деньги, Тодор никогда б на ней не женился, а Панка еще худыша за мамашу.

– Значит, Панку кто-то убил, а свалили на Лупе?

– Не просто убили, говорю же, на шматочки разорвал! А Лупе ей вчера ввечеру и скажи, чтоб в пуцу не ходила, а то, мол, плохо будет.

– Какая пуца?

– Ласкава. За Белым Мостом. Мы туда все ходим, особливо молодые... Ну если на ночь... То есть зимой нет, но сейчас ходим уже...

– С кем Панка туда собралась?

– С одним из Замостья, хилый такой...

– А он вернулся?

– Та откуда ж нам знать? Панку вранци нашли. Я зверье тутешнее добре знаю. Никто такого б не сотворил. Даже зимку, а уж по весне...

– А люди?

– Люди не смогут, тут чудище какое-то.

– А сам говорил, волк... И тебе еще ведьму жалко?

– Да не виновата она. И мы все не виноваты. А теперь через ту Панку и ее семью змеиную нас всех разогнать могут, а то в крепостные, если не признаем, что Лупе все по злобе наколдовала... Панка та...

– Помолчи...

Роман задумался. Парнишка покорно заткнулся, вжавшись в стену, одни лишь голубые глаза безотрывно следили за либером. А паренек очень даже славный и не по-крестьянски шустрый. Из него выйдет толк, только больно уж курносый, засмеют. Ерунда, чуток Недозволенного, и никто не заметит...

Нет, славный парень, надо же, не боится – то ли любовь свою первую защищает, то ли за справедливость борется. И то и другое почетно и среди крестьянского сословия редкость. Зенек стóит того, чтоб его приручить, но что ж это за людоед тут завелся? Или людодёр?

Что бы ни говорили умники из Академии¹⁶, разодрать человека в клочья при помощи магии очень-очень сложно, а для деревенской колдуньи и вовсе невероятно. Если только Лупе деревенская колдунья, а не одна из Преступивших¹⁷, что нет-нет да попадают на земных тропах, вопреки стараниям всех «синяков» Благодатных земель.

Чушь! Поймать Преступившую не по силам ни испуганным сельчанам, ни фискальным стражникам. Может, она сама решила попасть в Тайную канцелярию? Тогда его долг – досмотреть представление до конца. Если же Лупе простая знахарка, не миновать разбираться со шляющейся по окрестным лесам нечистью. Куда ни кинь, везде клин, а эландцы ждать не станут.

Конечно, Топаз не подведет, если нужно, он догонит герцога и на таянской границе, но «случайностью» такое уже не представишь. Тракт тут один, по заболоченным лесам и горным тропам вперед не забежать. Положеньице...

– Положеньице, – вслух повторил Роман, и Зенек тут же встрепенулся:

– Проше дана либера, вы поможете Лупе, а я...

– Что «ты»?

– Я могу к вам за это слугой забесплатно, ряд¹⁸ подпишу на десять лет...

– Да на что мне слуга, без него спокойнее. Ладно, что-нибудь придумаем.

Но думать им не дали. В дверь опять постучали, на сей раз настойчиво. «Синяки» не могли позволить некстати взявшемуся либеру вмешаться в их дела. Они будут вежливы, но без присмотра чужака не оставят до тех пор, пока судьба колдуньи не будет решена. Если гость захочет уехать, удерживать не станут, но пяток провожатых навяжут. Отделаться от них легче легкого, но это значит раскрыть себя, не говоря о том, что оплошавшие стражники наплетут невесть чего, лишь бы выгородить себя в глазах начальства. Шум же в планы Романа сейчас никаким боком не вписывался. Стук повторился, и бард раздраженно крикнул:

– Не заперто.

«Синяки» явились в полном составе, не забыв прихватить мышевидного Гонзу. Роман, не глядя на поздних визитеров, с пренебрежением, которому позавидовал бы самый гоноровый нобиль, кинул оторопевшему Зенеку:

– И чтобы было готово... А теперь убирайся. И не вздумай подслушивать... *под дверью*.

– Проше дана либера, не стоит беспокоиться. На лестнице дежурит стражник, – заметил высокий «синяк» и, обернувшись к Зенеку, рявкнул противным начальственным голосом: – Пшел вон!

Парнишка, испуганно вжав голову в плечи, исчез.

– Садитесь, данове. – Роман сел, небрежным жестом указав на два оставшихся стула. Мышевидный остался стоять, но «синяки» с готовностью уселись. Кругломордый упивался

¹⁶ Академия Всех наук духовных и светских учреждена императором Арции Анхелем Светлым и находится под покровительством Церкви.

¹⁷ Преступившие – маги, преступившие порог Дозволенного, строго регламентированный как Церковью Единой и Единственной, так и мирскими законами. Истинных Преступивших насчитывались единицы, причем обнаружить и обезвредить их обладающие весьма ограниченными познаниями фискалы были не в состоянии. По обвинению в нарушении Дозволенного, как правило, преследовали практикующих без разрешения знахарей или печатных магов, незначительно нарушивших предписанные правила.

¹⁸ Подписать ряд — добровольно на оговоренных в специальном договоре условиях поступить в крепостную зависимость.

собственной значимостью. Его лысоватый спутник с интересом рассматривал небрежно развалившегося на стуле синеокого красавца.

– Если не ошибаюсь, перед нами непревзойденный Роман Ясный?

– Не ошибаетесь, – улыбнулся Роман, – это я, только не называйте меня непревзойденным. Я лишь слабая тень собственного отца, который, в свою очередь, уступал своему. Что поделаться, все вырождается, мы, барды, не исключение. Однако чем обязан?

– Мы представляем закон и право Арцийской империи.

– Я догадался.

– В селе совершено убийство с помощью Недозволенной магии. Преступница – местная ведьма. До конца расследования никто из крестьян не смеет покидать Белый Мост. К вам это, разумеется, не относится, но, как мы поняли, вы не намерены уезжать немедленно.

– Не намерен. Я уже говорил, что хочу спать.

– По закону, если до окончания следствия хотя бы один конь, или же мул, или же осел, – терпеливо продолжал лысоватый, – принадлежащий жителю Белого Моста, переступит границу селения, тот, кто был верхом или в повозке, а также хозяин животного со всеми домоладцами и иждивенцами объявляются пособниками преступницы.

– Ну и? – Бард зевнул, показав самые здоровые и красивые в Благодатных землях зубы.

– Вы приехали одуконь, ваши лошади представляют безусловный интерес для того, кто задумает сбежать, но не захочет подвести родных или друзей. Любой из сообщников ведьмы...

– Глупости, – пренебрежительно махнул рукой Роман, – мои кони прекрасно выезжены. Никто, слышите, никто не сможет их оседлать, если я того не захочу. Вы думаете, что среди крестьян найдется ловкач, который сможет взнуздать мою, – бард сделал многозначительную паузу, уповая, что мальчишка все-таки подслушивает, пусть не за дверью, но за окном с крыши сарая, – *Перлу, которая приучена слушать лишь того, кто назовет ее по имени?* Вы не представляете, какая она умница, эта Перла. И тем более невероятно, чтобы кто-то взялся защитить преступницу, да и *что он может сделать?* Ведьму крепко стерегут, на помощь со стороны надеяться и вовсе не приходится. Я поверю в чудеса, *если кто-то сможет удрать ночью из Белого Моста, встретит утречком на тракте какой-нибудь отряд с коронной сигной, добьется аудиенции у принца крови и уговорит того вмешаться.* Да и кто станет слушать сумасшедшего селянина? Разве что *он догадается сослаться на меня.* А если б кто и догадался, то вы же сказали, что, выехав из села, он окажется вне закона, назад ему дороги нет. Ему остается рассчитывать только на то, что *какой-нибудь безумный либер вроде меня подпишет на него ряд и возьмет в слуги.* Нет, господа, можете спать спокойно, никто спасать вашу ведьму не отважится.

– Допустим, но конюшни мы все-таки постережем.

– Как будет угодно, только я вашим красавцам ни арга¹⁹ за это не дам. А пока, раз уж вы все равно пришли и к тому же обо мне наслышаны, предлагаю выпить, а я спою вам что-нибудь свое и, для сравнения, отцовское...

¹⁹ Арг – серебряная монета, принятая во всех частях Благодатных земель.

Глава 2

2228 год от В. И. 10-й день месяца Медведя

Арцийская Фронтера. Вольное село Белый Мост

1

Утро, как нарочно, выдалось ясным и солнечным. В прозрачном синем небе заливался жаворонок, и либер попробовал отыскать крошечного певца. Человек нипочем бы не заметил живую точку в океане слепящего света, но для Романа это было детской забавой. Он следил за жаворонком ровно столько, сколько требовалось, чтобы успокоиться и придать лицу приличествующее странствующему барду чуть ироничное выражение, после чего открыл калитку и вышел на узкую сельскую улицу. До суда оставалось не более получаса, и сельчане, лишённые, несмотря на весеннюю страду, права покидать пределы Белого Моста, вяло стекались на центральную площадь. Никто ни с кем не разговаривал, люди шли, уставившись в пыльную землю, словно бы избегая друг друга. Оно и понятно – судьба всех висела на волоске, но, если село в целом оправдают, понадобятся виновные. Пособником ведьмы может оказаться любой; будь ты хоть святее самого Архипастыря, всегда найдется тот, кто донесет, что ты не так посмотрел, не то сказал, не то подумал...

Пробиться в первый ряд Роману удалось с легкостью, но оставался он там недолго. Углядевший либера лысоватый пригласил ясновельможного собутыльника на коронный помост²⁰. Как мило и как умно! Заняв место на коронном помосте, чужак в глазах сельчан окажется заодно с «синяками» и будет должен либо подтвердить приговор, либо выступить против, тем самым проявив свою нелояльность. И все равно бард согласился – с возвышения он мог видеть ведьму, свидетелей по делу, собравшихся крестьян и, что его особенно занимало, видневшуюся в конце улицы Старую Таянскую дорогу. Тракт был пуст, и Роман от нечего делать принялся рассматривать площадь.

Слева от коронного помоста, на пяточке, наспех огороженном натянутой меж деревянных рогаток веревкой с навязанными на нее тряпочками, было место обвиняемой, ее утешителя²¹, роль которого навязали растерянному седенькому клирику, и свидетелей защиты, каковых не наблюдалось. Справа на деревянной скамье чинно расселись свидетели обвинения, среди которых выделялась худая, но грудастая тетка в темно-зеленом траурном²² платке. Тетка усиленно терла сухие глаза, время от времени злобно зыркая на соседей.

Справа от вредной бабы, старательно от нее отодвигаясь, ерзала девчонка лет двенадцати (наметанный глаз барда определил, что через три-четыре года она вырастет в настоящую красавицу), слева маялись двое сельчан постарше и помладше, похоже, отец и сын. Взгляды, которые они кидали на соседку, не отличались нежностью. Своего несостоявшегося приятеля-войта ни на свидетельском месте, ни в толпе Роман не заметил, равно как и курносого Зенека, что обнадеживало. Красотка Гвенда, хмурая, как сама осень, но в свежей, расшитой мальвами кофте и пышной красной юбке стояла в первом ряду; к трактирщице жалась худенькая молодая женщина с огромными карими глазами. Рядом высился настоящий великан в слишком теплой по нынешней погоде чумарке; похоже, толстое сукно скрывало нож, а то и топорик. Помост

²⁰ **Коронный помост** – в Арции специальное возвышение на главной площади населенного пункта, служащее для проведения официальных публичных церемоний.

²¹ **Утешитель** – защитник по назначению на судебном процессе, грозящем обвиняемому смертной казнью.

²² В Благодатных землях цвет траура – темно-зеленый и серый для простолюдинов, багряный – для дворянства. Цвет траура Волингов – лиловый, маринеров – белый.

и свидетелей окружали стражники. Роман с удивлением отметил, что в Белый Мост их припоздаловало не меньше сотни. Дело ведьмы кого-то серьезно заинтересовало.

2

Появился Рыгор Зимный. Войт оделся во все лучшее, но помятое лицо говорило о том, что ночь для него прошла без сна. Обойдя майдан по кругу, Рыгор поднялся на помост и хрипло произнес:

– Ясновельможные! Творите суд скорый, честный и милосердный, мы покорны вашей воле, на чем я за всех целую Посох²³.

Клирик суетливо выскочил вперед, путаясь в складках своего балахона, взобрался наверх и сунул простенький деревянный посох в руки войту. Зимный тяжело бухнулся на оба колена и прикоснулся губами к раскрашенному дереву. Сельчане нестройно прижали обе ладони к губам. Старший из «синяков» оглядел притихшую площадь и возвестил:

– Суд скорый и честный!

«Опустил-таки, мерзавец, «милосердный», – подумалось Роману. – Значит, неизвестная Лупе уже приговорена, и речь пойдет лишь о том, какую виру затребуют с села».

«Синяк» указал Рыгору место на скамье, и сидящий справа от кругломордого Роман потерял войта из виду. По закону судей должно быть пятеро. Так и есть. Двое «синяков» и их мышевидный Гонза всяко составляют большинство, а они с войтом изображают нелицеприятность. Подонки!

Роман вновь попытался найти взглядом жаворонка, но тот улетел. И правильно сделал, нечего над таким петь. Либер вернулся на грешную землю и увидел обвиняемую, которую чуть ли не на руках волок длинный стражник. Ноги женщины заплетались, на лице застыл ужас. Роман подумал, что ведьма боится казни, но, приглядевшись, понял – душа Лупе заблудилась в иных мирах и не могла найти обратной дороги.

В своих скитаниях Роман повидал всякое, но с подобным столкнулся лишь единожды. Такое лицо было у молодого «печатника», неудачно изгнавшего вселившуюся в ребенка злобную бестелесную сущность. Захватчика парень изгнал, причем столь успешно, что его собственную душу утянул поднятый удиравшим духом астральный поток. Либер помнил, какого труда им со стариной Уанном стоило вырвать беднягу из жутких грез. Неужели здешние дураки не видят, что Лупе во власти «черного сна», и собираются ее судить?! Олухи проклятые! Именно это они и собираются делать. Кругломордый встал и торжественно провозгласил:

– Зрим ли мы перед собой нареченную Лупе, каковая Лупе явилась в вольное село Белый Мост в месяце Волка 2222 года от Великого Исхода?

Лупе, разумеется, промолчала. Она просто не понимала, где находится, кто перед ней, о чем ее спрашивают. Следователь же оказался не в состоянии уразуметь, что обвиняемая невменяема. И чему их только в Академии учат? Доносы друг на друга писать, что ли...

А суд уже катился по проторенной дорожке.

– Нареченная Лупе, злонамеренный отказ отвечать на вопросы суда влечет за собой то, что тебя будут судить как безгласную. Отныне за тебя говорит твой утешитель. Поняла ли ты это?

Подсудимая продолжала смотреть в злобную бесконечность, дрожащий клирик кивнул. Как цыпленок зерно клонул.

– Достопочтенные, – трубил «синяк», – я даю слово обвинению. Говорит Гонза Когуть, третий управитель барона Кузерга.

²³ **Посох, обвитый плющом** – символ Церкви Единой и Единственной. Символизирует опору, которая необходима всем – и людям, и растениям.

Мышевидный поднялся и начал. Говорил он бойко и с таким удовольствием, что Роман с трудом сдерживал идущее от чистого сердца желание удавить доносчика. В изложении Гонзы история выглядела складной и совсем простой. Колдунья Лупе затаила злобу на девицу Аглаю и всячески ей вредила, отваживая женихов. Несмотря на происки ведьмы, Аглаю полюбил парень из соседней деревни. Свидание было назначено в Ласкавой пуще. По дороге Аглая встретила Лупе, каковая Лупе запретила ей идти к любимому. Аглая не послушала, тогда Лупе вызвала тварь, которая и разорвал девицу Аглаю на куски.

Гонза требовал признать Лупе виновной в убийстве посредством Недозволенного колдовства, а жителей деревни – в потворстве беспечатной ведьме.

Стражники получили приказание открыть предусмотрительно поднятый на помост гроб. Роман с интересом заглянул внутрь и обомлел. Такого в своей жизни (а родился он не вчера) бард еще не видал. Собственно говоря, никакого тела не было, было какое-то месиво из клочков мяса и обломков костей. Не будь кусочков ткани, никто б не разобрал, чьи это останки – человека или животного. Отдельно лежала голова, аккуратно разломанная на две половинки. «Синяков» и Гонзу затошнило, Роман удержался, но сердце царапнула тревога. Что бы ни завелось в пуще, оно имело материальную природу и не являлось демоном, в том смысле как его понимают клирики.

Если тварь призвали из каких-то непонятных бездн, то сделал это очень сильный маг, но магии Призыва Роман не чувствовал вообще. Чудище, разодравшее девицу Аглаю, похоже, действовало самостоятельно, и это могло быть очень опасно. Когда все закончится, нужно будет осмотреть место, где нашли... тело.

Последние слова Роман, оказывается, произнес вслух, и оправившийся от потрясения Гонза немедленно начал рассказывать, что там нет ничего интересного и что покойницу нашли пришедшие за лозой отец и сын Варухи, которые ждут на скамье свидетелей. Вернувшиеся «синяки» (назвать младшего румяным сейчас было бы большим преувеличением) взгромоздились на помост, и суд пошел своим чередом. Зареванная девочка показала, что Лупе действительно не велела Панке ходить в пушу, корзинчики рассказали, как нашли покойницу в кусте лозняка, худая старушка неохотно подтвердила, что последние два дня Лупе была сама не своя. Подсудимая ни на один обращенный к ней вопрос не ответила, зато грудастая баба в трауре, оказавшаяся той самой Килиной, добрый час расписывала колдуньины злодеяния.

Войт сидел, уставившись на носки своих сапог, старший «синяк» дремал на солнышке, младший с горящими глазами дирижировал судилищем, мышевидный подобострастно ему помогал, священник, когда к нему обращались, бляял что-то о милосердии, стражники гоняли мух. Дело неспешно ползло к развязке, Роман с тоской понял, что дознаватели столь безграмотны, что объяснение о вызванном демоне представляется им единственно верным. Вступить с ними в богословские споры было глупо, либер лихорадочно думал, что можно сделать, и даже вздрогнул от неожиданности, услышав голос младшего «синяка»:

– Проше дана либера, не желает ли он задать свои вопросы?

Решение пришло само собой. Задать вопросы? Конечно, желает!

– Я хочу слышать войта.

Рыгор торопливо встал, комкая так и не надетую шапку.

– Дане войт, сколько лет живет колдунья в Белом Мосту?

– Пять с половиной.

– Рождались ли за это время двухголовые телята или жеребята?

– Не, не рождались.

– Может быть, около Белого Моста появились дневные волки?

– Нет.

– Не боялись ли колдуньи собаки и кошки?

– Да нет, они к ней все ластились.

- А мухи?
- Что мухи?
- Не было ли на ее подворье множества мух, не насылала ли она их на своих врагов?
- Да какие мухи, прошу дана! У нее ж чисто все...
- А много ли народу, кого Лупе пользовала, умерло?
- Да почитай никто.
- Почитай?
- Старый Ян помер, так ему все одно помирать пора была.
- Я правильно понял, дан войт? За годы, которые обвиняемая прожила в Белом Мосту, здесь не произошло ничего, что свидетельствовало бы о применении Недозволенной магии?
- Войт оживал на глазах:
- Вот-вот, это я и хотел сказать!
- И вреда Лупе своими снадобьями никому не принесла?
- Никому.
- Да что ты врешь, старый пень! – взвилась со своего места Килина. – А я?! А моя Аглайка бедолашная?! Житья нам от ведьмы нет!
- И что она делала? – кротко осведомился Роман.
- Как что?! Гадила.
- У вас пала скотина?
- Нет.
- Вы болели?
- Да здорова она, как та кобыла, – зло откликнулся кто-то из толпы. Люди постепенно приходили в себя и с надеждой поглядывали на золотоволосого красавца-либера – может, не даст свершиться несправедливости, может, не сгонят с насиженного места, не обдерут до нитки?
- Хорошо, – продолжал вошедший во вкус Роман, – мы установили, что в селе не происходило ничего, что позволяло бы думать о Недозволенной магии, значит, сельчане ни в чем не виноваты. Теперь вернемся к обвиняемой. Какой именно вред она нанесла девице Аглае до вчерашнего утра?
- Она ее сглазила.
- Как?
- В девках оставила.
- Ничего не понимаю. Она что, ее изуродовала?
- Да какая Панка была, такой и померла. – Войт впервые позволил себе улыбнуться.
- Может, захворала она или норовом переменялась?
- Куда там! Как была дурищей, так и... А уж склочная, хуже матери, а та, прости святая Циала, навроде бешеной суки! – выкрикнула из толпы кареглазая женщина.
- Помолчи, Катря, – цыкнул войт и обернулся к Роману: – А вообще-то Катря дело говорит. От Панки все парни шарахались и до того, как Лупе к нам пришла.
- А с чего они тогда на нее показывают?
- А вот я все сейчас расскажу! – выскочила кареглазка. – То дело об осени было, моему Тымку как раз год сравнялся. У Килины кошка окотилась, спряталась под домом, котят потопить не успели. А как те вылезли, светлой памяти сучка их половила и в собачий закут закинула.
- Чтоб собаки порвали, – пояснила зареванная девчонка, – я то сама видела. А Лупе мимо шла, на псов цыкнула, те ее послушались. Та котенков забрала, а Панке сказала, что ее, коли она и дали так буде, никто в жены не захочет.
- И что?

– И пошла себе, а Панка в слезы и ну собак пинать. Рудый ее укусил даже. Панка ж, она тогда на Левка глаз положила, а он с того дня на Панку и смотреть не желал.

– Тогда скажите, была ли Лупе первой, кто предрекал покойной, что ее никто не возьмет замуж, или это ей мог сказать кто-то еще?

– И говорили! – выкрикнул с места маленький усач.

– Говорили, значит? И кто ей это сказал первым?

– Да разве вспомнишь кто, – задумалась Гвенда. – Может, и я. Панка совсем малая была, а я только-только замуж вышла... Муж мой покойный не из бедных был, вот Панка и раскричалась. Вроде как я не по любви, а с корысти. Ясное дело, за матерью повторяла, только я возьми ей да и скажи: мол, будешь такой поганкой, на тебе никто не женится. У колодца то было, слышали люди... И мать ее слышала.

– С этим понятно, – подвел черту под воспоминаниями Роман. – Теперь ты, девочка. Можешь вспомнить, что сказала Лупе Аглае во время их последней встречи? Только точно.

– А как же! Мы с ней, с Лупе, с поля шли, а Панка навстречу. В шелковой юбке, – мечтательно протянула оборванная девчужка. – Панка мимо прошла, а Лупе вдруг остановилась, ровно прислушалась... И как бросится догонять.

– Догнала?

– Конечно, она ж швидко бегают.

– И что сказала, только точно говори? – почти крикнул войт.

– Сказала, – девочка подумала, – сказала, что, если та идет в пущу, чтоб не ходила, потому нехорошо там.

– А Панка?

– Панка как крикнет, что куда хочет, туда и идет. А Лупе нахмурилась и тихо-тихо так: «Ну иди, раз решила, только как бы беды не было».

– По-моему, все ясно, – заметил Роман, улыбаясь войту. – Покойную в селе не любили многие, в пущу та пошла по своей воле, никто ее не заманивал. Лупе, наоборот, хотела ее спасти, потому и предупредила. Она хорошая знахарка, вот и почувствовала опасность. Вряд ли Лупе понимала, что происходит, просто чуяла, что в пуще «нехорошо». Когда же ей показали, что осталось от тела, она приняла такой удар зла, что впала в состояние «черного сна» и сейчас ничего не понимает. Ее надо спасать, а то она просто умрет от истощения. Лупе надо оправдать, а потом... Я мог бы отвезти ее в Таяну и показать магу-медикусу.

– Данове, либер мает рацию, – возвестил войт, к которому вернулась бывлая степенность. – Я вважаю, Лупе ничего такого не делала, а в пущу надо послать охотников.

– Или стражников, – выкрикнула Красотка Гвенда, – а то нагнали дармоедов... Пусть хоть ту зверюгу выловят.

– Молчать! – неожиданно тонким голосом завопил кругломордый, после чего вступил лысоватый.

– Ведьма виновата, – тихо и невыразительно сказал он. – Не спорю, дан Ясный очень нам помог. Он показал, что Белый Мост невиновен в укрывательстве Преступившей. Пока невиновен. Ибо упомянутая Лупе до вчерашнего дня скрывала свою сущность. То, что покойную в селе не любили, еще не дает никому права ее убивать. Ведьма вызвала демона, но не справились с ним, вследствие чего пребывает в таком состоянии. Мы должны признать ее виновной и забрать в ближайший дюз²⁴, где проведут обряд изгнания демона, после чего ведьма будет отвечать перед законом.

– Быть по сему! – с подобострастием выдохнул Гонза.

²⁴ Дюз — в Арцийской империи небольшой монастырь-тюрьма, принадлежащий равно Церкви и светской власти, где велись формально находящиеся в их совместном рассмотрении дела о недозволенном колдовстве, оскорблении властей и богохульстве. В большинстве случаев клирики в дела следователей не вмешивались, автоматически утверждая приговоры.

Лысоватый встал, торжественно надел лежащий перед ним черный, словно бы обрубленный сверху колпак и возвестил, что жители Белого Моста признаны невиновными в сокрытии Преступившей, однако за то, что шесть лет пользовались услугами беспечатной ведьмы, им надлежит выплатить виру. Нареченная Лупе признавалась виновной в злонамеренном убийстве посредством Недозволенной магии, но в связи с невозможностью провести полное расследование дела на месте казнь откладывалась на неопределенное время, обвиняемая же препровождалась в Розевский дюз. Немедленно.

Роман взглянул на «нареченную Лупе». Та по-прежнему пребывала во власти кошмара. Гвенда о чем-то быстро перешептывалась с Катрей, раз за разом поглядывая на синеглазого либера. Посрамленная Килина чуть ли не с кулаками набросилась на девчонку-свидетельницу, младший корзинщик вступился и бабу отпихнул. Двое красномордых мужиков вылупились на зрелище, остальные смотрели кто на Лупе, кто на «синяков», кто на Романа, словно ждали чего-то еще. До людей постепенно доходило, что они чудом выбрались сухими не просто из воды – из кипятка. «Синяки» в Белом Мосту не задержатся, им нужно поскорее отвезти добычу в Розев, а назначенная вира оказалась весьма скромна: лысоватый был кем угодно, только не вымогателем.

Раздался визг – Килина, подбоченясь, наступала на корзинщиков, все еще загораживавших девчущку. Сельчане вмешиваться не спешили, и тут раздался властный голос:

– Неужели фискальная стража Арции не в состоянии справиться с этой женщиной? – Спрашивавший явно привык получать ответы немедленно.

3

Роман, не веря собственным глазам, уставился на седого всадника, умело управлявшегося с вороным жеребцом цевской породы, незаменимой при длинных переходах. Рядом юноша в темно-синем бархате вздымал знамя с нарциссами, а узкую деревенскую улицу заполняли молчаливые, хорошо вооруженные всадники. Рене Аррой для своего появления на сцене более удачного времени выбрать просто не мог.

Приободрившийся было кругломордый сник. Похоже, ему еще не случалось навлекать неудовольствие Волинга²⁵. Поганец Гонза незаметно отполз в сторону, но лысоватый присутствие духа не потерял.

«Эта тварь умна и знает законы, – с тоской подумал Роман. – Герцог проезжает через земли империи с небольшим отрядом, он никогда не нарушит Дорожную Нотацию²⁶, а право Крови почти забыто».

Лысоватый же, не дожидаясь вопросов, уже пустился в объяснения. Надо отдать ему должное, говорил он четко, понятно и убежденно. Рене Аррой слушал, слегка склонив седую голову к правому плечу. Роман, пользуясь случаем, рассматривал человека, для встречи с которым и забрался во Фронтеру. Герцогу шел сорок восьмой год, то есть по людским меркам его молодость осталась в прошлом; судьба наградила его правильными чертами и неожиданными для дома Арроев пронзительно-голубыми глазами. В сочетании со снежной сединой и темными бровями это производило странное впечатление.

Когда-то Рене был темноволос, но таким его помнили немногие; что до теперешней жизни герцога, то Счастливчик принадлежал к тем людям, про которых, кажется, известно все и вместе с тем не известно ничего...

²⁵ **Волинги** – потомки **Воля**, легендарного короля, первого повелителя Благодатных земель, от которого произошли все царствующие дома. Все, в чьих жилах текла кровь Воля, обладали так называемым правом Крови, которое в описываемые времена практически не использовалось.

²⁶ **Дорожная Нотация** – трехсторонний договор между Эландом, Таяной и Арцией, согласно которому эландцы и таянцы получали право на свободный проезд через арцийскую территорию от Гверганды вдоль Лисьих гор до Гремихинского перевала.

Эландец спокойно выслушал лысого, оглядел судей и сельчан, ни на ком не задержав взгляда, даже на Лупе. Лицо адмирала оставалось невозмутимым, но Роману показалось, что решение Аррой уже принял.

Герцог спрыгнул с коня и направился к помосту, небрежно бросив: «Я хочу видеть останки!» Зажмурившийся стражник покорно сдвинул крышку гроба. Если Рене и потрясли окровавленные лохмотья, он умело скрыл свои чувства.

– Обвиняемая не ответила ни на один вопрос?

– Да, монсигнор²⁷.

– А мнения судей в части, касающейся виновности колдуньи, расходятся?

– Да, монсигнор, двое против троих, но...

– Вы, как я понял, настаиваете на том, что обвиняемую нужно подвергнуть допросу, а затем казнить.

– Именно так, – с достоинством произнес лысоватый, и уважение к нему Романа резко возросло.

– Вы не допускаете мысли, что она лишь жертва стечения обстоятельств?

– Ни на мгновение!

– Хорошо. – Аррой вновь обвел взглядом площадь. На этот раз голубые глаза задержались на лице барда. Роман почувствовал, что это неспроста, и оказался прав.

– Что ж, три против двух – небольшое преимущество. Мне не хотелось бы, чтобы пытке подвергли невинную и тем более недееспособную. По праву Крови повелеваю: предать подсудимую Божьему Суду. Приготовьте место. – И герцог отвернулся от «синяков», показав, что дальнейшее его не касается.

Вот оно что. Божий Суд! Против этого не возразишь.

– Но упоминания о Божьем Суде сохранились лишь в древнейших из хроник, – выказал сомнение лысоватый.

– Если мне не изменяет память, демона с целью убийства вызывали примерно в те же времена, – невозмутимо парировал эландец. – Если женщина невинна, стрелы не причинят ей вреда. Если правы вы, обвиняемая умрет, и никого из нас не будут мучить сомнения, не обрекли ли мы на смерть невинную. Не правда ли, благородный Роман?

Роман вздрогнул от неожиданности:

– Я верю в высшую справедливость, монсигнор. Вы *уже* знаете мое имя?

– Я рад, что мы верим *в одно и то же*, а связать имя с лицом не так уж трудно. Тем более я вспомнил о вас *прошлой ночью*. Что ж, положимся на высшую справедливость.

Подготовка вышла недолгой. Трясущийся клирик прочитал молитву, окропив святой водой стрелы. Два десятка стрелков из числа эландцев, фискалов и деревенских молча проверили луки и арбалеты – пистолы, торчавшие за поясом у многих эландцев, для Божьего Суда не годились. Над майданом повисло сосредоточенное молчание. Гонза и кругломордый «синяк» кусали губы, но спорить не пытались. Лысоватый присел на краешек скамейки, всем своим видом давая понять, что он свое дело сделал, и хорошо, а дальнейшее его не касается. Лупе покорно встала там, где ее поставили стражники, войт быстро шептался с Красоткой Гвендой. Роман напряг слух и разобрал: «Бедолага... так лучше... судьба такая...»

– Как странно, – Аррой словно бы думал вслух, – никто из них не сомневается в существовании Триединого и в том, что тот всемогущ, всезнающ и всемилостив, но при этом никто из них не надеется, что Он обратит свой взор именно на их село и спасет несчастную женщину. – Адмирал пожал плечами и, взяв Романа под руку, направился к помосту, на котором деловито топтался кругломордый и сидел, словно шест проглотил, лысоватый.

²⁷ Монсигнор – обращение к особе королевской крови или к главе независимого герцогства.

– Я давно мечтал услышать Золотой голос Благодатных земель, и вот счастливый случай. – Герцог, привычным жестом придержав шпагу, опустился на почетное место, словно не замечая «синяков». – А наши друзья, похоже, ищут Недозволенную магию. Можно подумать, кто-то из поселян способен заколдовать хотя бы воробья. Как скучно... они даже Всевышнему не доверяют. – Правильное лицо герцога осветила озорная мальчишеская улыбка, совершенно на судной площади неожиданная. Наверное, так улыбался молодой Счастливчик, находя выход из очередного безвыходного положения. Роман немедленно улыбнулся в ответ. Адмирал интриговал барда все больше, и интерес, похоже, был взаимным. Надежды Романа на понимание эландского владыки сбывались стремительно, маленькую колдунью стоило спасти уже за одно это.

Тучный фискальный стражник и невозмутимый пожилой маринер доложили, что все готово. Святой отец обратился с малопонятным напутствием к обвиняемой, та, разумеется, не услышала.

– Вот уж воистину овечка господня, – шепнул Аррой. Роман не ответил, ему было не до разговоров.

Стрелки расположились полукругом в двадцати шагах от Лупе. Что ж, если не случится чуда, ее смерть будет быстрой и куда более легкой, чем на костре или в омуте. Даже если сельчане и известные своей меткостью эландцы решат промахнуться, ожидать подобного великодушия от фискалов не приходится, а Творец, который должен все видеть, хранит тысячелетнее молчание.

С тетивы сорвалась первая стрела, вторая, третья, и... Творец все-таки ответил! Не долетев до понуро стоящей женщины пары шагов, стрела замерла и вспыхнула ослепительным белым пламенем. Та же участь постигла другие стрелы, хоть и не все. Семь стрел словно бы раскололи день и исчезли в сверкнувшем звездами черном небе; из разрывов потянулись завитки темно-синего огня. Пламя ночи слилось с серебряным светом пылающих стрел; в воздухе повисло светозарное ожерелье, стремительно стянувшееся в сверкающую корону над головой обвиняемой. Зрелище было изумительным и скоротечным. Пламенный венец ослепительно вспыхнул и исчез, оставив странный волнующий запах, словно над майданом прокатилась незримая гроза. Ошеломленные зрители и не менее ошеломленные фискалы воззрились на озирающуюся по сторонам Лупе. Знахарка явно не понимала, ни как оказалась на площади, ни что тут делают все эти люди.

– Божий Суд! – Резкий писклявый выкрик послужил сигналом, селяне и стражники разом заголосили, а виновница происходящего зашаталась и упала б, не подхвати ее подоспевший войт.

– Что с ней? – спросил Роман.

– Сомлела. Не видел бы – не поверил. Ни одна стрела не долетела. Ну, теперь «синяки» могут убираться восвояси.

– Действительно. – И Роман звонким сильным голосом певца выкрикнул: – Судимая Божьим Судом Лупе оправдана!

Самой умной оказалась Гвенда, пославшая кого-то за царкой для Лупе и не только. Гонза и его грудастая сестрица убрались подобру-поздорову, «синяки» собирались последовать их примеру. Роману не понравился взгляд, которым лысоватый окинул столпившихся селян.

– Мне кажется, монсигнор, господин судебный маг чем-то озабочен.

– Он неглуп, да, неглуп, – как-то невпопад ответил Аррой. – И, что еще удивительней, честен. Однако я не отказался бы узнать, что тут произошло на самом деле. Не нравится мне здешний потрошитель... Вы, я полагаю, не намерены задержаться в селе дольше, чем необходимо?

– Более того, я хочу сократить эту необходимость, елико возможно.

– Тогда мы просто обязаны путешествовать дальше вместе и... разобраться с этим делом.

- Мне не хотелось бы бросать нашу обвиняемую.
- Да, пока она здесь, она будет вызывать неприятные воспоминания. К тому же я хотел бы ее порасспросить.
- Но согласится ли она уехать?
- Думаю, да. Человек, побывавший во власти «черного сна», обычно старается убраться подальше от места, где его застигла напасть.
- Монсигнор знает и об этом?
- Чего только я не наслушался за свою жизнь... Мы, моряки, на берегу горазды хвастать увиденными чудесами. Но давайте поговорим с ней.
- Я бы хотел сходить за лошадьми.
- Думаю, ваш слуга уже это сделал...
- Слуга?
- О, это славный парень и очень исполнительный. Если б он не подписал ряд с вами, я взял бы его к себе вторым аюдантом. Первого мне, увы, навязывают родственные обязательства. Как-никак незаконный внучатый племянничек, но, кроме глупостей, я от него ничего не видел...
- Что ж, если Зенек согласится, ничего не имею против. Я – одинокий волк, а обучить двадцатилетнего крестьянина музыке труднее, чем фехтованию.
- Барды обычно неплохо фехтуют, а военные порой пишут романсы. Впрочем, я понимаю вас. Будь у меня возможность хоть иногда обходиться без свиты, я не преминул бы ею воспользоваться. О, кажется, наша красавица приходит в себя.
- Лупе действительно очнулась. Ее била запоздалая дрожь, лицо женщины было даже не белым, а каким-то синюшным, но крапчатые, словно камень-лиственник, глазищи смотрели осмысленно, она даже умудрилась сесть, опираясь на руки Гвенды и Катри.
- Мое имя Рене-Руис-Аларик рэ Аррой и Рьего. – Адмирал представился деревенской колдунье так же, как представлялся бы королеве. – Я направляюсь в Таяну и могу взять вас с собой. После того, что вы пережили, оставаться в Белом Мосту – безумие.
- Почему?! – запротестовала Катря. – Лупе, оставайся, мы тебя в обиду не дадим...
- Помолчи, – перебила кареглазку Гвенда, – мы не можем ходить за ней с арбалетом, а от Гонзы каких только пакостей не дождешься. Нечего ей тут делать. Дан берет ее с собой, он за ней и присмотрит... Мы премного наслышаны про вас, проше дана. Вы – справедливый человек, и вы... все правильно решили. Лупе, посиди здесь, я вещи соберу...
- Я ничего не хочу брать, я... вы... Да, пожалуйста, увезите меня отсюда. Гвенда, дорогая, пусть будет, словно я умерла...
- Ты что, ничего не возьмешь? Совсем?!
- Совсем...
- Так тебе ясновельможный дан и позволит без ничего кататься!
- Отчего же не позволит, – блеснул глазами Рене. – Но я бы все-таки взял кое-что из одежды и, может быть, какие-то травы. Вы не представляете, как часто воины нуждаются в хорошем знахаре.
- Я поняла, – прошептала Лупе, – мы с Катрей все соберем.
- Вот и хорошо. Диман, – герцог обратился к поджарому командору, – пошли кого-нибудь с женщинами, а потом догоняй нас, мы поедем шагом.
- Не прошло и часа, а о разыгравшихся в Белом Мосту небывалых событиях напоминала лишь клубящаяся в воздухе пыль. Вскоре опустилась на землю и она.

Глава 3

2228 год от В. И. 10–12-й день месяца Медведя

Арцийская Фронтера

1

Молоденький нетопырь, старательно трепеща крылышками, перелетел большую бледную луну. Роман проводил существо взглядом. Интересно, почему люди так боятся превращения в жаб или летучих мышей, ведь те не так уж и плохо живут. Набивать брюхо, производить себе подобных, не ломать голову над судьбами мира – разве не таким видит счастье множество двуногих?

Бард потянулся и перевернулся на бок. Костер давно догорел, но ночь выдалась теплой, к тому же для Романа дорога давно стала жизнью, а жизнь – дорогой. Ночевать под звездным небом он любил, но сегодня отчего-то не спалось, и дело было не в ночной росе, а в событиях, обрушившихся на него в последние дни. Роман еще и еще прокручивал в памяти случившееся и так и не мог понять, было ли это вереницей случайностей или же он оказался втянут в чью-то игру. Последнее раздражало – Роман привык, чтобы под его гитару плясали другие. Беспокойно и появившееся в пуще чудовище.

Бард и адмирал долго расспрашивали Лупе, оказавшуюся слишком грамотной и изысканной для деревенской колдуньи... Что ж, каждый имеет право на свои тайны. Если ведьма захочет пооткровенничать, он с готовностью выслушает ее историю, наверняка связанную с разочарованиями в любви и желанием посвятить себя страждущим, но сейчас главное – пуща, которая, по словам Лупе, и в самом деле была ласковой.

Там под кленами росли медоносные травы, журчали ручейки со вкуснейшей водой, а в самой глубине пряталось озеро, облюбованное множеством птиц. На юго-западе пуща смыкалась с Кабаными топиями – заповедным болотом, тянувшимся на юго-восток до самых Последних гор, а на западе сливавшейся с родной Роману Озерной Пантаной. Люди в топях пропадали, не без этого, но обычно по собственной дурости и не чаще, чем в любом другом болоте.

За пять прожитых в Белом Мосту лет Лупе ни о каких лесных людоедах не слышала. Зверье в пуще и дальше к Лисьим горам водилось в изобилии, но олени, косули, кабаны, даже волки или спятивший медведь сотворить такое, да еще поздней весной не могли. Лупе вдоль и поперек излазила ближайший к селу кусок пущи в поисках трав и корней и чувствовала себя там в полной безопасности. До недавнего времени.

Все началось, когда знахарка пошла собирать первые в этом году медунцы и вдруг почувствовала себя неудобно. На следующий день она не смогла заставить себя пройти дальше опушки. Лупе не была суеверной, но своим чувствам привыкла доверять. Колдунья присела на пригорок и попробовала понять, что же изменилось. Вскоре ей стало ясно, что она не слышит птиц; куда-то пропали и белки. Тишину нарушали только кружащиеся над цветами пчелы, да и тех было куда меньше, чем неделю назад. Лупе еще немного подумала и полезла на дерево, в дупле которого, как она точно знала, жили пестрые дятлы. В гнезде лежали остывшие яйца. Конечно, родителей мог прикончить удачливый хорек или сова, и Лупе осмотрела все известные ей гнезда – хозяев не оказалось нигде. Знахарка разбила несколько яиц и поняла, что кладки давно брошены. Может быть, как раз в тот день, когда ей смертельно не захотелось идти в лес. Ночью в Белом Мосту завывали собаки, и это Лупе совсем уже не понравилось.

Сельчане были заняты в полях, лежавших в стороне от пущи. Забрести туда могли разве что ребяташки, и Лупе решила предпринять еще одну попытку, а потом переговорить с войтом. Она знала Рыгора и верила, что тот к ее словам прислушается. Хуже было другое: колду-

нья не могла придумать никакого объяснения. Увы, в пущу, несмотря на всю свою решимость, Лупе войти не сумела. Ноги отказывались слушаться, сердце бешено колотилось, в ушах звенело. Женщина постояла среди первых деревьев и побрела назад. По дороге она встретила наладившихся за цветами девчонок и не пустила их дальше, а потом наткнулась на Панку, которую терпеть не могла. Девушка принарядилась, и колдунья поняла – спешит на свидание. Свидания же окрестная молодежь привыкла устраивать в пуще на Земляничном пригорке. Лупе поколебалась, но все же попробовала уговорить дуру вернуться.

Дело кончилось ссорой. Лупе отправилась домой, ей стало плохо. Она сварила себе маковый отвар и провалилась в тяжелый сон. Пришла в себя только на площади. Что ей снилось, она не помнит, осталось лишь ощущение холодной жути. Может, Панка, поняв, что ее ждет, вспомнила предупреждение и мысленно закричала, призывая ведунью. Лупе услышала, но проснуться из-за зелья не смогла, вот и заблудилась между явью и бредом.

Знахарка давно уже спала, свернувшись калачиком на мужском плаще, а Роман и Рене обсуждали местные страхи, старательно обходя Божий Суд. Из разговора Роман вынес, что герцог – человек умный, наблюдательный и говорит далеко не все, что знает. Приемлемого объяснения лесного безобразия они не нашли и сошлись на том, что соваться на ночь глядя в пущу не стоит, но на рассвете надо идти и искать. Что бы там ни бродило – раз оно способно разодрать человека на куски, у него есть когти и зубы, а значит, и следы. На этом и закончили. Герцог заговорил со своим командором, а Роман, пользуясь случаем, ушел. Он еще не был готов отвечать на вопрос о загоревшихся в полете стрелах. И дело не только в том, что в ход пошла Недозволенная магия высочайшего уровня, – результат превзошел ожидания барда и, что греха таить, умение.

Роман не мог понять, откуда взялись звездные провалы и куда канула половина стрел. Не мог он объяснить и то, каким образом удалось вырвать Лупе из «черного сна». Проще всего было предположить, что суд в самом деле оказался Божьим, но Роман в такое не верил. Равнодушие Творца к судьбам детей Его было слишком очевидно. Скорее ведьму спасал кто-то еще, чье чародейство, наложившись на заклинания Романа, зажгло синий огонь. Роман не мог припомнить ничего похожего, хотя волшебством владел более чем сносно. Пожалуй, только Преступившие и его собственные отец и дядя могли его обойти, к тому же «синяки» тщательно следили за тем, не творится ли рядом какая волшба. Сам Роман рискнул лишь потому, что стоял рядом с Кристаллом Поиска²⁸, находясь в мертвой зоне, значит... Значит, таинственный колдун стоял рядом с ним! Это могла быть сама Лупе, которая всех обвела вокруг пальца; если же это не она, то кто-то из «синяков» или... Счастливчик!

Последнее объясняло все – и решение назначить Божий Суд, и желание увезти Лупе из села, и взгляд лысоватого. Тот наверняка догадался, в чем дело, только разве докажешь... Подтверждало догадку и появление эландцев, уж больно тихим и внезапным оно вышло. Пусть все были взволнованы и заняты судом, но воинский отряд не кошка, а Роман Ясный – не глухарь на токовище, чтобы совсем уж ничего не слышать! Другое дело, если Рене, расспросив Зенека, принял меры, но тогда нужно срочно понять, как смертный, пусть и Волинг, овладел заклятиями такой силы и точности.

Роман невольно покосился в сторону герцогской палатки. У входа горел костер, освещая сидящего человека с серебристыми волосами: адмиралу Аррою тоже не спалось. Ну и ладно... К разговору по душам Роман готов еще не был. Если он поймет, что эландец – друг, то расскажет все, если нет – постарается исчезнуть. До Гелани почти неделя пути, и он, Роман Ясный,

²⁸ Кристалл Поиска – магический инструмент, изготовленный из кристаллов дымчатого кастеора, применяемый для того, чтобы узнать, не творится ли рядом волшба. К. П. снабжаются «синяки» достаточно высокого ранга. Недостатком К. П. является то, что они не чувствуют заклинания, произносимые в непосредственной близости от них.

должен раскусить спутника прежде, чем за спиной захлопнутся ворота знаменитого Высокого Замка.

2

Очевидно, Роман все-таки заснул, так как не заметил, когда началась суматоха. Виновиком ее оказался командор Диман Гоул. Маринер был вне себя. Оказывается, ночью один из воинов, находившийся к тому же под особым надзором второго «я» адмирала, отправился-таки на поиски приключений. Молодчик стоял в карауле со стороны пуши, и на рассвете его преемник обнаружил пустое укрытие. Исчез и конь. По утренней росе удалось проследить беглеца до зарослей лещины, где след терялся окончательно. Рене молча выслушал доклад и только потом осведомился:

– Кто-нибудь вчера заметил за Инрио какие-то странности сверх его обычных выкрутасов?

– Наоборот, после Фекры он вел себя прилично.

– Мне тоже так казалось. На очередную интрижку не похоже, не в Белый же Мост он вернулся... Как думаешь, куда он мог отправиться?

– Ну, уж точно не в Таяну, – подсказал еще один маринер. – Знай Инрио, где нашли покойницу, я б поставил якорь против булавки, что балбес охотится на здешнее чудище.

– И то верно. После того как он оскандалился в прошлый раз, парень спит и видит совершить подвиг, а тут людоед девицу загубил...

– Инрио, похоже, здорово обиделся, что ты взял к себе этого... Зенека, вот и решил нос всем утереть.

– Ну, попадись мне этот дурень...

– Будем надеяться, попадется, – кивнул Рене и обратился к возникшей словно из цветущих трав Лупе: – Вы можете показать нам короткую дорожку в пушу?

– Конечно. Через эту рощу. На юге она как раз смыкается с Ласкавой... Речка, из которой сейчас поят лошадей, вытекает из Лебязьего... Из озера в чаще. Вдоль берега идет тропа, которой может пройти конь... Правда, за озером придется спешиться – очень густой подлесок...

– Подождите нас здесь. Я оставляю в лагере поклажу и при ней охрану.

– Нет, я пойду с вами...

– Как угодно...

Тропа весело бежала вдоль речки. Щебетали птицы, остро пахли влажные цветущие травы. Мрачные ночные мысли испарялись вместе с утренней росой.

– Нет здесь никакого людоеда, – выразил общее мнение Диман, – а этому красавцу я задам. Будет при мне до самой Идаконы, и никаких отлучек!..

– Проклятый бы побрал этого паршивца, – откликнулся Рене Аррой, рассеянно следя за стрекозами. – Хоть бы следы какие оставил.

– Жаль, у нас нет собак, – внес лепту в общий разговор и Роман. – Лупе, вы можете сказать, где нашли Панку?

– С того края пуши, что примыкает к Белому Мосту; туда мы доберемся только после полудня.

Но следы нашлись намного раньше. Первыми забеспокоились кони, потом и всадники почувствовали сладковатый запах, тянущийся из густых зарослей лещины.

– Надо посмотреть, – неохотно проговорил Рене.

Двое воинов повернули к кустарнику, однако адмирал их опередил. Подъехав вплотную к кустам, он раздвинул ветки, затем махнул рукой, приказывая остановиться. Маринеры послушно замерли, но либеры не знают приказов. Диман тоже не подчинился, а может, командор имел какие-то привилегии.

Трое стояли среди словно бы померкшей зелени и молчали. Зрелище, открывшееся их глазам, поражало какой-то злобной нелепостью. Не так давно в кустах была лежка оленя, теперь же бедное животное являло собой кучку клочков мяса и костей. Череп с мягкими весенними рожками разломали так же, как и череп Панки, мозг не тронули. Оленя растерзали дня два назад, причем, насколько можно было судить, не пропал ни один кусок мяса. Более того, на дармовое угощение не зарились не только мелкие зверушки, но даже муравьи и мухи. Самым же страшным было то, что рядом с оленьими останками лежали свежие куски мяса, еще ночью бывшие молодым нобилем и его конем. Единственное, что отсутствовало, – человеческая голова.

– Бедный дурак. Он наконец встретил своего дракона, но тот оказался ему не по силам, – прошептал Диман. Роман потрясенно молчал. К действительности его вернул голос Арроя:

– Надо посмотреть, есть ли тут след, и как-то похоронить... останки. Думаю, все надо сжечь.

– Но по закону...

– Закон велит сжигать тела погибших от заразы. Это тоже зараза – зараза жестокости и безумия. Если даже муравьи не могут к этому прикоснуться... Диман, распорядись насчет костра, и пошли нам Великие Братья забвенью того, что мы видели. Роман, вы со мной?

Либер искать умел. Не были новичками и сам Рене, и молчаливый крепыш, носивший кинжал Первого ловчего Идаконы, но все найденные следы принадлежали либо несчастному оленю, либо лошади погибшего. Зато отыскался меч, отброшенный чудовищной силой в самую гущу кустарника, и меч этот так и не покинул ножен. Ни следов монстра, ни головы несчастного искателя приключений нигде не было. К полудню поиски прекратили.

– Что бы это ни было, оно ушло отсюда, ведь лес вокруг кишит живностью...

– Но живность эта не пересекает какую-то известную ей черту. Да и птиц почти не видно.

– Зато мы все черты пересекли и ничего не заметили. Неужели оно все время тут сидело после того, как убило оленя?

– Непохоже. Панка погибла совсем в другом месте. Думаю, если как следует пошарить по пуще, мы найдем еще кого-нибудь.

– Легко сказать, хорошо пошарить...

И тут Роман решил. Он отозвал Рене в сторону и в ответ на вопросительный взгляд признался, что знает, как вызвать Хозяина пуши.

3

Признаваться герцогу в умении колдовать было верхом неосторожности, и тем не менее Роман признался, немало дивясь своему доверию к человеку, встреченному меньше суток назад. Адмирал же при известии о том, что лесные духи все же существуют и скоро, если получится, он увидит одного из них, и бровью не повел. Только велел Диману увести отряд к месту ночевки и не искать их без крайней на то необходимости. Командор выслушал приказ с неодобрением, но смолчал.

Какое-то время Роман колебался, потом велел Лупе уйти со всеми. Герцог и бард съехали с тропы, пробрались через заросли буйно цветущего барбариса и остановились на небольшой круглой полянке, заросшей отцветающей земляникой. Что-то подсказывало Роману, что страшный гость пуши уже далеко и не смотрит в их сторону. И вправду, будь он поблизости, птицы бы смолкли.

– Хорошее место, – заметил Рене и замолчал.

– Да, – согласился либер, – хорошее. Чистое.

Вообще-то лесные духи давно считались несуществующими. Так же как эльфы и прочая нелюдь, но, если с ними заговаривали на языке Светорожденных, Хозяева откликались. Роман

сосредоточился и произнес древние, как сами леса, слова. Зная норы Хозяев, он был готов звать не раз и не два, постепенно усиливая силу заклятья, но ответ пришел мгновенно. Прощелестел легкий ветерок, и на поляну вышел невысокий кряжистый юноша в серо-коричневой тунике. Кроме непривычной одежды, от людей его отличали лишь темно-зеленые блестящие волосы и избыток пальцев на руках.

– Я Хозяин пуши, имя мое Кэриун-а-Роэбл-а-Дасто. Ты звал меня, и по слову Звезд я пришел.

– Я хочу спросить тебя, Кэриун-а-Роэбл, что за чудовище пряталось в твоём лесу?

Юноша совсем по-детски мигнул серо-зелеными глазами и прошептал:

– Я не знаю.

Будь целью Кэриуна удивить Вопрошающего, он бы ее достиг. Известно, что Лесной хозяин видит глазами всех живых существ, обитающих в его лесу, и слышит всеми ушами. Да, когда его вызывают, он обретает почти человеческое тело и вынужден отвечать на заданные вопросы (не более семи) – и, хотя делает это не слишком охотно, солгать не может. Но *не знает*, что произошло у него под носом, Хозяин *не может* еще больше.

Роман был далек от того, чтобы предположить, что среди духов завелись лжецы, и он растерялся, как растерялся бы человек, столкнувшись с горячим снегом или водоплавающей бабочкой. Выручил адмирал. Рене, не зная как того, что Хозяин не может чего-то не знать, так и того, что Вызванный отвечает только Вопрошающему, вмешался в разговор. Бард опешил еще раз: Кэриун с готовностью заговорил с человеком и рассказал, что Хозяином пуши он стал лишь на рассвете этого дня, наследовав прапрапрадеду.

Поскольку Хозяином пуши мог стать только младший Брат Дуба, а дубы в этих краях – большая редкость, ему, Кэриуну, несмотря на юный возраст, пришлось взвалить на себя бремя ответственности за Ласкаву пушу, а это очень тяжело и страшно. Нет, что случилось со старшим родичем, он не знает. Просто вдруг перестал его чувствовать и осознал, что того больше нет. А до этого на рошу нахлынули страх и безумие. Кэриун никогда не чувствовал себя хуже, ему казалось, что его поглощает, растворяет в себе какая-то неодолимая сила.

Это было как поздней осенью, когда лес теряет листву, но намного страшнее, быстрее и безжалостнее. Кэриун еще услышал призыв старого Хозяина ко всем подвластным ему Хранителям²⁹ и содрогнулся от силы нанесенного ими удара... После этого он ничего не помнит.

Странное оцепенение схлынуло совсем недавно. Кэриун стал звать Хозяина и Хранителей, но никто не откликнулся. Они все мертвы. Брат Дуба это знает столь же точно, как и то, что Осенний Ужас покинул Ласкаву пушу. Что это такое, ему, Кэриуну, не понять, а спросить некого. Хуже всего, что он уверен – жуткий пришелец ушел не потому, что был побежден Хранителями и Хозяином, а потому, что взял, что хотел.

Кэриун оказался единственным выжившим из родни прежнего Хозяина. Вероятно, потому, что его не призвали, ведь последних не зовут. Теперь Хозяин пуши в ответе не только за деревья и зверье, как прапрапрадед, но и за озеро, камни, птиц и насекомых, которыми всегда занимались Хранители и с которыми надо как-то управляться, а как – он не знает.

Казалось, Кэриун вот-вот расплачется, хотя плакать лесным духам вроде и не положено. Роман слушал эту невероятную историю с возрастающим волнением. Какой же силой должен обладать этот Осенний Ужас, чтобы сгубить защитников целой пуши?! Горе молодого Хозяина было барду понятно: блюстители земель приходились ближайшими родичами Светорожденным, а эльфам знакомы и страх, и боль, и горечь. Лесные владыки к тому же совершенно не переносили одиночества, живя в окружении подчиненных им Хранителей. Лишившись близких, молоденький Хозяин повел себя как любое мыслящее и чувствующее создание – он растерялся. Первыми, кто с ним заговорил, оказались люди. Ничего удивительного, что лесной

²⁹ **Хранители** – духи, привязанные к тому или иному месту. Находятся в подчинении у Хозяина.

обитатель вцепился в них мертвой хваткой, тем паче что Рене оценил положение, в котором оказался новоявленный Хозяин, по-своему.

Герцог говорил с Кэриуном ласково и уверенно. Упомянув, что и ему, Рене Аррою, после гибели отца и братьев пришлось возглавить осиротевший дом, он настойчиво втолковывал лесному духу нехитрую человеческую истину насчет того, что глаза страшатся, а руки делают. Затем адмирал и Брат Дуба углубились в деловой разговор, из которого явственно следовало, что дела государственные и дела лесные ведутся примерно одинаково. В конце концов Роману сообщили, что в ночь назначено прощание с прежним Хозяином Ласкавой пуши и коронация нового, куда, помимо соседей, приглашены и они.

Рене явно не знал, что людям и даже эльфам на сборищах лесных духов не место. Знал ли это Кэриун, оставалось тайной, но дубовичок был таким трогательным, что Роман оставил свои сомнения при себе, объясняя собственную сговорчивость тем, что во время праздника можно узнать что-то важное. К сожалению, ожидания оправдаться не спешили.

Собравшиеся на закате соседи явились в человечесьем облики, что Роману страшно не понравилось. Гости были озабочены трагедией, терялись в догадках, но, кроме неясной тревоги, тем более сильной, чем ближе к Ласкавой находились их владения, окрестные Хозяева не помнили ничего. Духи сходились на том, что Осенний Ужас покинул округу, и утверждали, что он не проходил через их владения, а просто исчез. В то, что прежний Хозяин, погибая, прихватил с собой и осеннее зло, не верил никто, хотя попытки убедить в этом себя и других предпринимались. Пока не заговорила госпожа Кабаньих топей, которые здесь по старинке называли Тахеной.

Болотница явилась в облике сгорбленной старухи с грубым буро-коричневым лицом и неожиданно прекрасными глазами цвета весенней листвы. Матушка вызвалась, пока суд да дело, приглядывать за осиротевшим озером и лесными ручейками, за что снискала огромную благодарность Кэриуна.

Во время поминального пира, устроенного у корней увядающего на глазах неохватного дуба, побратима покойного хозяина и вместилища его силы, болотница помалкивала, хитро оглядывая неожиданных гостей. Роман готов был поклясться, что старуха что-то знает. Другие гости, а собралось их не так уж и много, чувствовали себя неудобно. Страшная судьба соседей потрясала и пугала. Может, впервые за минувшие со времен Войны Монстров века духи Фронтеры столкнулись с угрозой и растерялись. Их мир, казавшийся таким простым и незыблемым, мир, которому могли угрожать только люди, да и то не сейчас, дрожал и рассыпался. Неудивительно, что так же, как утром Кэриун, они признали за пришельцами право встать рядом.

Ночь перевалила за половину, когда Роману и Рене удалось кое-что выудить. Хозяйка Соснового холма – высокая, стройная, с янтарными глазами и роскошным плащом серебристо-зеленоватых волос – вспомнила, как ее бор заволокли тысячи чужих птиц. Крылатые беглецы были перепуганы, в их головах запечатлелись туманно-серые змеи, вползающие в гнезда, выпивающие яйца, душащие за шею.

Водяной, обитающий в речке Быстрице, куда впадал вытекающий из Лебяжьего озера ручей, чуть не задохнулся от принесенного с водой страха, стоившего жизни немалому числу рыб и рыбешек. Всей его силы, а Быстрица – река немалая, едва хватило, чтоб обезвредить отраву. Погибшую рыбу пришлось отослать вниз, Хозяину Больших Вод, потому что даже самый заваливающий рак не желал ее есть.

Владелец Каменной осыпи рассказал о промчавшихся в страхе оленях и кабанах. Но самое главное сообщил живущий на проезжей дороге пылевичок. Бродяжка поведал, как однажды утром вдоль тракта скользнуло *Некто*. Что это было, Хранитель пыли не понял, но его охватила смертная сырость, от которой бедняга оправился только вчера.

4

Выговорившись, дүхи успокоились, как дети, рассказавшие о беде старшим, которые теперь все исправят. Кэриун прищелкнул пальцами, и меж корней засыхающего дуба прорезалось холодное голубое пламя, мгновенно охватившее гигантский ствол. Молодой Хозяин вскочил, выбежал на залитую мечущимся колдовским светом поляну, на какое-то время замер, а потом резко подпрыгнул, приземлился на одно колено, вскинул руки вверх и вновь подпрыгнул, перекувыркнувшись в воздухе и издав пронзительный звенящий вопль.

Роману, привыкшему к изысканным эльфийским балетам и веселой человеческой пляске, прыжки Кэриуна показались дикими и нелепыми, но только сначала. Танец захватывал. Хозяин пуши издавал резкие ритмичные крики, которым стали вторить остальные. С места вскочил водяной и присоединился к пляске, двигаясь на свой манер, но странным образом его быстрые текущие движения сочетались с прыжками Кэриуна. Ритм убыстрался, все больше Хозяев втягивалось в танец. Образовался круг, в середине которого бесчинствовал Кэриун. Другие отплясывали кто во что горазд, придерживаясь, однако, заданного дубовичком темпа.

Роман изо всех сил сдерживал себя, чтобы не присоединиться к разошедшимся Хозяевам, Рене же счел скромность излишней. Бард с удивлением смотрел, как адмирал, оказавшись между пылевичком и водяным, обнял соседей за плечи, заставляя двигаться в едином ритме. Водяник с готовностью обхватил за шею Хозяйку сосен, та, потрянув серо-зеленой гривой, положила точеную руку на плечо Хозяину осыпи, в свою очередь облапившему соседа. В мгновение ока круг замкнулся. Танцующие понеслись в безумном хороводе, выкрикивая одним им понятные слова, а посередине продолжал взлетать к небесам в прихотливых прыжках новый Хозяин Ласкавой пуши.

Роман не отрываясь следил за невероятным зрелищем, в глубине души презирая себя за предрассудки, не дающие ему слиться с хороводом, и дивясь странному единению духов и человека.

– Кто бы мог подумать, не правда ли, эльф? – Роман вздрогнул от неожиданности. Рядом с ним на залитой голубым светом траве сидела старая болотница – единственная, кто остался на месте, не считая его самого. – Кто бы мог подумать, – повторила старуха, – что человек поведет пляску Ночи...

– Он не обычный человек, матушка, – откликнулся Роман.

– Хорошо, что ты это понимаешь...

– Но откуда о нем знаешь ты?

– Знаю, и все. Когда я вас увидела, то поняла, что началось...

– Что началось, матушка?

Болотница какое-то время не отвечала, следя глазами за безумствующим хороводом, потом повернулась к Роману и властно сказала: «Идем!»

Бард спокойно вложил пальцы в протянутую ему сморщенную широкую ладонь – он уже ничему не удивлялся. В глаза бросились звездные брызги, раздался тонкий мелодичный звон, как от гитарной струны, и они оказались на поляне, заросшей ровной мягкой травой и желтыми пушистыми цветами.

Яркий лунный свет заливал окрестности, и Роман увидел, что поляна постепенно переходит в бугристую равнину, местами заросшую гибким тростником. Неистовая луна позволяла рассмотреть на краю луга серебристые метелки путеводной травы илиссиса, растущей на болоте там, где человек может пройти, не рискуя утонуть. Они находились в самом сердце топей, внизу – бездонная пропасть, заполненная вязкой грязью, а прелестные золотые цветы – не что иное, как слезы елани, вырастающие, как гласят легенды, из глаз утонувших. И все равно ноги Романа даже не вязли, хотя к зеленой магии он не обращался.

– Верно, арр, мы в самой середке. Сюда иногда добирались люди, но без моего разрешения еще никто не выходил. Это место все еще принадлежит мне, и только мне! Свет, *ваи* Свет сюда не проникал даже в лучшие ваши годы.

– Значит, ты из Прежних?

– Просто я *тогда* уцелела. – Старуха нехорошо засмеялась. – Вы о нас еще помните, это приятно.

– Помним, но считаем не более чем легендой.

– Для людей вы тоже не более чем легенда.

– Это правда. Зачем мы здесь? Мне не кажется, что ты хочешь мстить одному за всех, хоть и назвала меня арром.

– Не будем вспоминать, что было... Или не было. И называть тебя арром я больше не стану; я хотела понять, чего от тебя ждать. Я поняла. Поговорим о том, что есть. Вернее, о том, что может случиться. Меня мало волнует, за что убивают друг друга люди, почему и куда делись эльфы, кто из духов жив, а кто ушел в небытие... Любая часть мира вольна исчезнуть или измениться, но сам мир должен жить... Даже без нас. Даже без вас...

Старуха требовательно уставилась на Романа, и тот пробормотал что-то вроде: «Да-да, я понимаю».

– Ничего ты не понимаешь! Вот поживешь с мое, тогда, может быть... Короче, я чувствую: что-то сдвинулось, и не успеет эта трава поблекнуть и покрыться снегом, как все повиснет на волоске. То, что произошло утром, – первое дуновение пробуждающейся беды. Я не уверена, что узнала ее. Все очень расплывчато, только корни, как им и положено, таятся в прошлом, а раз так, мы его постигнем. Правильно ли я поняла, что тот человек, которого убил... м-м-м... Осенний Ужас, – родня твоего друга?

– Адмирал Аррой мне еще не друг.

– Друг до последнего дыхания, ты это знаешь не хуже меня. Так кто был погибший?

– Как будто внебрачный сын его племянника.

– Значит, кровь одна. Можешь назвать меня выжившей из ума ужихой, если тварь не подстерегала герцога Арроя. Чудище обманулось, но его хозяева быстро поймут, что произошла ошибка. Готовьтесь к худшему, оно просыпается.

– Но чем им мешает Рене? Если бы речь шла о политике, я бы понял, но магия... Какое оно к ней имеет отношение?

– Сейчас мы с тобой договорим, и я приведу сюда еще и Рене. Возможно, удастся узнать о нем даже то, чего он сам о себе не подозревает, а пока закончим с тобой.

Болотница что-то невнятно пробормотала, и трава расступилась, явив окно черной блестящей воды. Затем озерцо взволновалось, вода с тихим плеском расступилась, и из глубин поднялся камень. Белый, полупрозрачный, с фиолетовыми прожилками и точками. Болотница пробормотала еще что-то, и камень окутался холодным лиловым огнем. Эльф не мог отвести взгляда от танцующих языков пламени, он почти не почувствовал, как ему на плечи легли руки старухи.

Невиданный костер разгорался, рвался вверх, потом в лиловом вихре стали проступать очертания фигуры. Она становилась все более четкой, отделяясь от породившего ее огня. Роман уже различал высокого осанистого воина в странных доспехах. Можно было разглядеть надменное лицо, обрамленное волнистой бородой, руку, лежащую на рукояти меча, и даже богатую насечку на панцире.

Воин молчал. Он явился из такой тьмы веков, что проживший не одно столетие эльф рядом с ним ощутил себя бабочкой-поденкой, родившейся нынче утром. Пришелец молчал, глаза его были закрыты; наконец тяжелые веки дрогнули и приоткрылись.

– Ты вовремя призвала их, Верная. Еще немного, и я не смог бы говорить.

– Кто ты? – хотел спросить Роман, но губы не послушались. Позже он так и не смог понять, действительно ли слышал все эти слова, или кто-то иным образом навеки впечатал их в обнаженную душу, вырванную на время из тела и увлеченную в какое-то немислимое место, где нет ничего и где начало всему.

– Я – тот, кого вы, Светорожденные, зовете Ушедшими, хотя все это ложь! – В бездонных глазах полыхнула тысячелетняя ярость. – Мы не Ушедшие, мы – уничтоженные вашими хозяевами, которые затем бросили наш мир на произвол судьбы и подло бежали! Ты – искупление своего народа, и тебе предстоит увидеть восход Темной звезды. Проклятие древней крови и ее благословение... Если не угадаете, впереди ждет лишь пустота, наполненная страданием, ибо никто не встанет за этот мир без богов. Мы не можем спасти его, ведь нас больше нет. Остались лишь позор и боль. А теперь смотри, эльф. Смотри и запоминай!

Ушедший поднял щит, неожиданно сверкнувший зеркальным блеском, и Роман увидел себя. Растрепанные волосы, удивленные глаза, прицепившийся к колету листок. Изображение помутнело, а затем в зеркале возникло другое лицо.

Человек, а это, без сомнения, был человек, а не эльф или дух, умирал. Он был жестоко изранен, темные пряди липли к испачканному лицу, из полуоткрытого рта стекала струйка крови. Раненый лежал, привалившись к потрескавшемуся серому камню, и, по-видимому, находился в глубоком обмороке. Хлынул ливень, смывая грязь и кровь. Человек пошевелился, приходя в себя. Раскрывшиеся глаза были необычного золотисто-зеленоватого цвета, в них светились воля и ум. Безуспешно пытаясь подняться, незнакомец повернулся к наблюдателю боком, щит вновь пошел рябью; последнее, что заметил Роман, – четкий профиль умирающего.

Горную расщелину сменил берег моря. Темнело ночное небо, по нему плыла огромная луна, ее свет лениво скользил по спокойной бесконечной глади. Вдоль берега медленно шли двое. По плавным, грациозным движениям и особой соразмерности пропорций, не встречающейся больше ни у кого из двуногих, Роман узнал соплеменников, но эльфы были слишком далеко, чтобы можно было различить лица. Один что-то настойчиво втолковывал другому, тот в ответ лишь качал головой. Наконец первый выхватил кинжал. Его собеседник перехватил занесенную руку, вырвал оружие и зашвырнул в море, после чего отпустил противника, повернулся и быстро зашагал прочь. Оставшийся опустился на напоминающий черепаху камень и закрыл лицо руками.

Щит погас и вновь вспыхнул, выхватив из неведомых бездн величественный чертог, в котором застыли в разных позах семеро непередаваемо прекрасных мужчин и женщин. Один, рыжеволосый и чернородый, словно бы привставал с высокого трона, сжимая рукой невиданное, но, без сомнения, грозное оружие. Напротив него, гордо вскинув голову, высился воин с обнаженным мечом, плечом к плечу с ним стояла женщина с золотыми волосами, а чуть в стороне в смущении и страхе наблюдали за поединком взглядов еще четверо. Потолка над чертогом не было – вверху клубились черные облака, прорезаемые молниями, но зал заливали нестерпимо яркие предгрозовые лучи. Чересчур яркие даже для эльфа...

5

Роман очнулся на той самой поляне, где Кэриун праздновал свое вступление на лесной престол и поминал сгинувшую родню. Небо светлело, короткая весенняя ночь близилась к концу. Старый дуб исчез, словно его и не бывало, но посреди поляны шелестел только что распутившимися листьями молодой кряжистый дубок. Несмотря на ночные неистовства, густая трава под ним не была даже примята. Либер потряс головой, прикидывая, уж не приснилось ли ему все: Рене Аррой, ведьма из Белого Моста, растерзанные тела, пляска Ночи, старуха-болотница. Кто-то тронул его за плечо, Роман оглянулся и увидел Лупе и Кэриуна.

– Ты проснулся? – Брат Дуба был серьезней проклюнувшегося желудя.

- Да.
- Твоего друга увела Болотная матушка. Она велела их дожидаться.
- А то я бы встал и ушел... Давно я тут лежу?
- Нет.
- А где... твои гости?
- Глаз Иноходца³⁰ скрылся за верхушками, и наше время кончилось...
- А ты?
- Я – другое дело. Ты меня призвал, но не отпустил. Да и не мог же я оставить ее одну. – Дубовичок указал на молчащую Лупе. – Она пришла на рассвете – искала вас.
- Как же вы ушли от Димана?
- Он не знает, что я ушла, он меня видит. То есть видит он березку, но ему кажется, что меня.
- Вы умеете насыпать мороки?
- Только очень простые и редко. После этого я несколько дней не могу даже зубную боль унять, но... Что все это значит?
- Не знаю, Лупе. Что-то очень скверное, и мы должны с этим совладать, потому что больше никому, только я не знаю как...
- А герцог, он тоже не знает?
- Герцог, Лупе, непостижимый человек. Простите за игру слов, но я не знаю, что он знает, а что – нет.
- Маленькая волшебница мечтательно улыбнулась:
- Я никогда не думала, что увижу даже одного из вас. Золотой голос Благодатных земель и Первый паладин Зеленого храма... И где?! Здесь, во Фронтере. Мир в самом деле сходит с ума.
- Я и раньше догадывался, а теперь это мне очевидно. Вы знаете слишком много, чтобы быть всего-навсего деревенской знахаркой.
- Все вышло просто и глупо. Не надо об этом. О, хвала Эрасти...
- Болотная матушка и адмирал появились неожиданно. Мгновение назад у молоденького дубка никого не было, потом из этого «ничего» вышли двое. Болотница даже не пыталась скрыть волнение, Рене с трудом переставлял ноги и тяжело дышал, но лицо оставалось спокойным.
- Берегите его, – потребовала старуха, обращаясь к Роману и Лупе, – он должен дожить до восхода Темной звезды, иначе она не взойдет и все утонет в тумане. Навсегда.
- Это самое непонятное пророчество из всех, которые я слышал, особенно если добавить к этому увиденное мною.
- А слышал ты немало, так узнай еще одно – Судьба над твоим другом не властна, но его будущее в руках его спутников, а в его руках будущее всех. Осенний Ужас это знает и спешит. Первый удар не попал в цель – охотник ошибся. Следующий удар нанесет человеческая рука, и очень скоро.
- Ну, к ударам я привык, – подал голос Аррой, кривовато улыбаясь. – Одним больше, одним меньше.
- Будем надеяться, что от ножа ты уберешься, но есть еще и яд, – сухо напомнила Хозяйка Тахены. – С жабым камнем ты будешь чувствовать себя спокойнее.
- А разве он есть, жабий камень? Я думал, это сказки.
- То, что люди про него болтают, и впрямь – сплошные глупости. Камней в жабьих головах нет и быть не может, как и философских камней, которые все, чего ни коснутся, в золото

³⁰ Самая яркая звезда в созвездии Иноходца.

превращают. И сотворить их никакой колдун не сможет, как бы ни старался... – Старуха внезапно улыбнулась, и Роман решил подыграть:

– Матушка, ты нас совсем запутала. Согласен, философских и жабьих камней нет, но ведь что-то есть, иначе ты о них не заговорила бы.

– Есть философские жабы. Любое в любое превращают. Могут опилки в золото, могут яд – в противоядие. Одна беда, поболтать любят, и имена у них – язык сломаешь, но твари добрейшие. Тут поблизости живет одна семейка, так младшенький только и думает, как бы мир посмотреть. Его я с тобой и пошлю – с таким спутником любую отраву кубками пить будешь, не заметишь. И не спорь.

Рене и не думал спорить. Болотница кивнула Кэриуну, и тот с довольным видом разжал корявую ладонь, на которой спокойно сидела небольшая, словно бы высеченная из кровавика жабка со сверкающими прозрачно-голубыми глазами.

– Это Андр... Андрио... Анд...

– Андриаманзака-Ракатуманга-Жан-Флорентин, – с достоинством представилась жаба, вернее, жаб. – К вашим услугам.

Надо отдать должное Рене, он умудрился сохранить серьезность:

– Я рад, что вы согласились нам помочь.

– Можете называть меня просто Жан-Флорентин. Это имя мне нравится, оно звучит достаточно рыцарски. Наши имена для невечных существ труднопроизносимы и непривычны. Даже Величайшая Хранительница Самого Великого Болота и та не произносит их полностью.

– Хорошо, я буду звать вас Жан-Флорентин, а вы можете называть меня Рене. Вы действительно можете превратить простой металл в золото?

– Могу, но не хочу, ибо почитаю сие бессмысленным. А называть вас я буду «мой адмирал». Это более достойно искателя истины. Если у вас возникнет острая необходимость в презренном желтом металле, можете рассчитывать на мою помощь. Ибо никакие принципы нельзя доводить до абсурда.

– К счастью, золото у меня свое. Болотная матушка полагает, что мне предстоит столкнуться с ядом.

– Это намного интереснее, ибо мне предстоит узнать, что заставляет одушевленное создание желать смерти ближнему. Вопрос жизни и смерти всегда будет волновать мыслящие существа...

– Манзака, – перебила госпожа Тахены, – наши гости успеют насладиться твоим красноречием по пути. Постарайся не втягивать их в философские споры, у них есть дела поважнее!

– Что может быть важнее поиска истины?! – возмутился Жан-Флорентин, однако тут же перешел к делу: – Есть ли у вас браслет, адмирал?

– Нет, да и зачем мне он? Побрякушки – это для женщин и придворных бестолочей.

– Вы правы. В мире множество вещей, которые нам не нужны. Я думаю, мы легко пойдем друг друга, но в нашем конкретном случае браслет не роскошь, а средство защиты. Он нужен из соображений вашей безопасности. Будьте добры сорвать вот это ползучее растение и обмотать его несколько раз вокруг правого запястья. Вот так. Очень хорошо.

Философский жаб с достоинством переполз с руки Кэриуна на руку герцога и устроился на сорванном побеге. По блестящему тельцу пошла сияющая рябь, изо рта вырвалась ликующая весенняя трель. Рене ощутил легкий толчок и обнаружил у себя на руке браслет червонного золота. Неведомый ювелир удивительно точно скопировал плетъ лесного вьюнка, не упустив даже самых тонких прожилок на листьях.

– Ну вот, – удовлетворенно сказал Жан-Флорентин. – А говорят, Мидас, Мидас... Вот как надо.

– Ну и зачем мне эта роскошь? – Выяснить, что есть Мидас, Аррой счел излишним, но жаб все равно возмутился:

– Странный вопрос для обладающего разумом. А как я, интересно, буду незаметно нырять в ваш кубок, если у меня возникнет предположение, что содержащаяся в нем жидкость содержит компоненты, опасные для жизни? Чтобы произошла трансформация, я должен вступить в непосредственный контакт с трансформируемой средой. Теперь же я буду восприниматься окружающими как логическое завершение ювелирного изделия. – В подтверждение своих слов философский жаб испустил еще одну трель, и в золото браслета выросла золотая же жабка с алмазными глазами.

– Ну, теперь, если меня не убьют разбойники, чтоб разжиться золотишком, я могу быть спокоен за свою жизнь, – заметил Рене. – А вам удобно?

– Удобно, но в любом случае благодарю за заботу. Я преисполнен уверенности, что мы прекрасно дополним друг друга.

На этот раз адмирал не нашелся что ответить.

6

В лагерь возвращались молча. Все слишком устали, чтобы обмениваться впечатлениями. Рассвело. Кони продирались сквозь кусты, задевая боками мокрые от росы ветки, капли падали на путников, но их прикосновение не было неприятным. Вдалеке заржала лошадь, и вороной адмирала откликнулся на приветствие.

– Подъезжаем, – заметил Аррой, – и хорошо, а то я промок насквозь.

Эландец задумчиво смотрел куда-то вперед. Роман гадал, скажет он что-то важное или подождет. Рене повернулся к собеседнику:

– Хозяева оказались настолько вежливы, что предстали перед нами в почти человеческом облики, а не в виде каких-нибудь коряг или булыжников.

– Нет, монсигнор, они не были вежливы. Они были настолько напуганы, что не скрывали свой истинный облик. Вы вряд ли знаете, что когда-то Хозяева и эльфы были одним народом – Светорожденными. Потом их дороги разошлись. Большинство... – Роман запнулся, потому что чуть не сказал «большинство из нас». – Большинство эльфов предпочли вести ту же жизнь, что и люди. Возникали поселения и города, развивались ремесла, плелись интриги...

Светорожденные отгораживались стенами от дикой природы, душой которой они были изначально, но некоторые становились отшельниками, храня и оберегая те места, в которых жили, – леса, холмы, реки, озера... Постепенно они отдалились от себе подобных, растворившись в окружающем их мире. Хозяева обретали все больше черт, роднящих их с местом, которое поклялись оберегать их предки. Даже сама внешность эльфа им опротивела, они стали менять свой облик в соответствии с тем, что их окружало, а теперь вдруг вернулись к прежнему. И это, и оказанный нам прием – знак чего-то малоприятного. Вы – политик и воин, адмирал Рене, скажите, когда возможны союзы между недрузьями?

– Когда всем грозит один и тот же враг.

– Нам сейчас угрожает нечто такое, что Хозяева забыли свой тысячелетний раздрай не то что с эльфами – с людьми! Они по своей природе куда более чутки. Страшно даже вообразить, что могло их бросить к нам...

– Но их помощь не помешает.

– К несчастью, Хозяева теперь слишком неповоротливы, слишком привязаны к своему обиталищу, которое дает им силы и саму жизнь. А угроза пришла откуда-то извне, и действовать предстоит... – Роман запнулся, но пока не стал обрушивать на Арроя свою собственную историю и закончил: – Нам, людям...

– Ну, мы тоже в стороне не останемся, – заверил Жан-Флорентин.

– Знаешь, друг Роман, – герцог натянуто улыбнулся, – если мы в начале нашей дороги нашли Болотную матушку и имеем честь путешествовать в обществе философской жабы, что ждет нас в конце? Золотые драконы с голубыми глазками?

– Не знаю, – медленно и очень серьезно ответил либер, – не знаю, но все может быть...

Глава 4

2228 год от В. И. 16-й день месяца Медведя

Таяна. Высокий Замок

Старая Таянская дорога

Таяна. Гелань

1

Роман Ясный обошел всю Арцию, но в Таяне не бывал никогда и теперь с нескрываемым интересом рассматривал холмистую равнину, узкие извилистые речки, утопающие в садах села, обсаженные по краям высокими тополями. К востоку местность повышалась, а на горизонте виднелась серебристая гряда. Обычные люди могли принять ее за облака, но Роман различал даже отдельные горные вершины. Латский хребет, один из отрогов Варты, называемой также Последними горами. Восточная стена мира, окраина населенных людьми Благодатных земель.

Считалось, что за первым высоким хребтом скрываются два других пониже, заросших темным хвойным лесом, а дальше начинается бескрайняя степь, в самом сердце которой упрянтано древнее зло, спящее, но не мертвое. Роман поправил перевязь и отвернулся от вдруг показавшихся опасными гор. К Проклятому разыгравшееся воображение! Надо выкинуть из головы болтовню Примеро и заняться делом. И вообще, что зло для Примеро, для прочего мира вполне может оказаться добром.

Роман заставил себя сосредоточиться на окрестностях. Дорога петляла меж холмов, которые в других краях сошли бы за невысокие пологие горы. Поздняя весна окропила сочную зелень кровью – немилосердно цвели маки. Обогнув очередную вершину, путники невольно замерли, замороженные открывающимся видом – над дорогой, струящейся меж двух холмов, застыли в полете гигантские всадники. Залитые утренним солнцем, они гнали куда-то своих лошадей, припав к гранитным гривам. Могучий каменный жеребец, едва коснувшись задними копытами серебристого камня, взмывал в небо, служа, в свою очередь, опорой товарищу. Они были камнем, эти двое, и стояли на месте. Они были живы и летели навстречу врагу!

«Так вот они какие, Всадники Горды, – подумалось Роману. – Одно из Девяти Чудес Ушедших Веков, над которым не властны ни время, ни ветер, ни вода, только память...»

– Говорят, если Тарре будет грозить гибель, они оживут... – Роман вздрогнул от неожиданности. Но заговорил с ним не ветер, а Рене Аррой. – Никак не могу к ним привыкнуть, – как бы оправдываясь, признался адмирал и, тряхнув седой головой, сменил разговор: – А вот и встреча. Так и знал, что нас будут ждать именно здесь. Стражи Горды вызывают у гостей уважение к хозяевам, чем Марко и пользуется; впрочем, так и надо.

Роман кивнул. Мелькнула уже привычная мысль – окажись адмирал врагом, справиться с ним было бы тяжело даже с помощью магии, а эландцы уже готовились к торжественной встрече. Воинский отряд на глазах превращался в придворную кавалькаду. Разворачивались знамена, всадники набрасывали на плечи темно-синие, подбитые белым шелком плащи, украшенные Полнолунием – личной консигной герцога, на которой седой волк задирает голову к огромному серебряному диску.

Сам герцог менять походный наряд нужным не считал, только пригладил растрепавшиеся волосы и откинул плащ так, что стало можно рассмотреть цепь Первого паладина Зеленого храма Осейны. Очень странную, к слову сказать, цепь.

– Опять я политик и дипломат. Ой, тоска-тоска-тоска! – Герцог засмеялся, потом лицо его посерьезнело: – Роман, прошу тебя, приглядишься повнимательнее к тем, кого увидишь. Я слишком давно всех или почти всех знаю. Свежий глаз надежнее.

– Монсигнор имеет в виду...

– Что времена сейчас непростые. Все, подъезжают. Поговорим после. Жить будем в одних комнатах, на этикет плевать. Вперед, встаем сразу за Диманом и его людьми.

2

Посольство Эланда медленно спускалось по склону холма. Сначала – юноши-оруженосцы со знаменами Эланда, идаконских Волингов и личными консигнами Рене Арроя, затем ветераны с обнаженными клинками и только потом сам герцог в окружении свиты. Роман держался слева от адмирала, слегка придерживая Топаз, чтобы тот не шел голова в голову с герцогским вороным. На сей счет Аррой не сказал ничего, но либер не считал нужным добивать и так изрядно пострадавший этикет – каким бы знаменитым бардом ни слыл Роман Ясный, рядом с правителем Эланда ему было не место. Ставки, однако, взлетели так высоко, что оглядываться на обычаи стало непозволительной роскошью. Роман не мог покинуть адмирала не только потому, что не хотел упустить что-нибудь важное, но и потому, что болотница и Ушедший в один голос утверждали, что Рене грозит опасность. Магия в таком случае надежнее кольца воинов, тем более что Эланд и Таяна были в союзе и охрана не могла проявлять чрезмерную подозрительность.

Бард изобразил на лице самую любезную из имевшихся в его арсенале улыбок, что никоим образом не мешало делу, то есть плетению охранных заклятий и заклятий-проверок. Сейчас он поймет, кого из таянцев следует опасаться, кто не тот, кем кажется, кто в последние дни грешил колдовством и не использовалось ли это колдовство против Арроя, а вот про них с Рене не узнают *ничего*. Роман сосредоточился и набросил на себя и Рене Синюю Тень, не позволявшую заметить их недавнее соприкосновение с магией.

Заклятие было нетрудным, но, если так можно выразиться, тяжелым: чтобы его поддерживать, требовалось немало сил. Либер сознавал, что к вечеру смертельно устанет, а угроза на первый взгляд казалась надуманной. Считать магические следы умели только эльфы и Преступившие, каковые среди таянских нобилей водились вряд ли. И все же Роман, сам не зная почему, решил соблюдать предельную осторожность.

Когда либер закончил свои приготовления, таянцы были уже рядом. Кавалькады сближались очень медленно, и Роман получил возможность рассмотреть шикарную процессию в подробностях. По этикету встречающих возглавлял наследник короны, но Стефан уже полгода не садился в седло, и навстречу эландцам выехали младший принц Марко, его сестра Анна-Илана, кардинал Иннокентий и старый друг короля и его вернейший союзник герцог Михай Годой Тарскийский.

Если кого-то из них и удивило, что конь о конь с Рене едет чужак в арцийском платье, то внешне это никак не проявилось. Спускаясь по широкой дороге, Роман не отрывал взгляда от таянских нобилей, стараясь удержать в памяти первое впечатление. Не раз выручавшее барда чутье настойчиво подсказывало, что здесь и сейчас закручивается самый тугий узел в его богатой на приключения жизни. Пользуясь случаем, Роман запоминал лица и консигны, пытаясь угадать, кто есть кто.

Принц Марко оказался мальчиком лет шестнадцати, обещавшим в недалеком будущем превратиться в красавца. Темноволосый, с правильными чертами лица, он немного напоми-

нал дядю по матери. Таким мог быть Рене Аррой, когда впервые ушел в море... Хотя нет – у Рене выше лоб, жестче линия рта, а глаза... Глаза адмирала слишком напоминали эльфу его собственные. Марко кажется милым мальчиком, не более того. Вряд ли от принца стоит ожидать каких-то сюрпризов, зато Анна-Илана! Роман не мог не залюбоваться гордым профилем таянки, темными тяжелыми волосами, отливающими на солнце осенней медью, отточенными, грациозными движениями...

Принцесса столь уверенно управляла своей кобылицей, что не оставалось сомнений – королевская дочка танцам и вышиванию предпочитает охотничий двор. Вот уж кому следовало родиться наследником: в одном ее мизинце больше воли, чем в иных королях, и хороша! Хороша той странноватой, прямой красотой, которой столь часто отмечены существа смешанной крови...

А вот это, видимо, кардинал Иннокентий. Приятное лицо, хоть и некрасивое. Похоже, его высокопреосвященство серьезно и долго болен, такие лица бывают у людей, сжившихся со своим недугом, но не сдавшихся и не раскисших. Всадник из кардинала никудышный. Святой отец так робко сидит на плотной, тихой кобыле, словно боится причинить животному неудобство. Странное все-таки у него выражение, то ли уставшее, то ли озабоченное. Положительно с Иннокентием надо познакомиться поближе, но герцог Михай... От таких разумные люди держатся подальше, а нелюди тем более.

Роман с возрастающим беспокойством разглядывал владетеля Тарски. Герцог вырядился в цвета своего знамени – цвета потухающего пламени. Алую сорочку украшал кружевной гофрированный воротник, а штаны и колет цвета старого вина поражали богатством вышивки. На мощных плечах герцога покоилась тяжелая золотая цепь, черный плащ был подбит огненно-красным шелком, а голову венчал черный же берет с роскошными малиновыми перьями.

Тарскиец направился напрямик к Рене, словно напрашиваясь на сравнение. Роман сравнил. Нарочито спокойные манеры, седина, черное платье, оживленное лишь белым воротником и цепью Паладина, делали Арроя старше, но лишь издали и на первый взгляд. Либер уже имел возможность оценить выносливость адмирала и кошачью точность его движений, а ясные голубые глаза и неожиданно вспыхивавшая усмешка превращали правильное лицо Рене в почти молодое, чего при всем желании нельзя было сказать про тарскийца. Сильный, тяжеловесный, без сомнения красивый, он производил впечатление человека опасного. Роман хорошо, даже слишком хорошо разглядел легкую отечность, темные круги вокруг глаз, яркие чувственные губы... Бард готов был побиться об заклад, что под роскошным беретом скрывается ранняя плешь.

Михай Годой приветливо наклонил голову, приветствуя Рене. Эландец ответил, завязалась обычная в таких случаях беседа. Роман, как правило, с уважением относился к чужим жизням, но сейчас его пронзило почти непреодолимое желание убийства. Бард во всех подробностях представил, как подъезжает к герцогу, выхватывает кинжал и по рукоять вонзает его в мощную короткую шею. Роман даже прикрыл ненадолго глаза, отгоняя наваждение. Это почти удалось, но смотреть на Годоя все равно было неприятно, и либер придержал коня, оказавшись рядом с кардиналом.

Отец церкви ничего не имел против спутника Рене Арроя и с готовностью подхватил предложенную тему, рассказав все известное лично ему о Всадниках Горды. Оказывается, перед грозой окрестный люд слышит конское ржанье и отдаленный топот, а если человек внезапно вспомнит Всадников, ему надо побережиться. Верно и то, что никто и никогда не видел лиц каменных исполинов – они поставлены так хитро, что, откуда ни посмотри, колоссы либо от тебя отворачиваются, либо чем-то прикрываются. Если кто все же увидит каменные лики – наяву ли, во сне ли, – жди беды. В ответ Роман заметил, что неудивительно, если всадники похожи на герцога Михая. Кардинал долго не отрывал выцветших глаз от лица Романа.

– Герцог Рене – самый смелый человек из всех, кого я знаю... – наконец сказал он. – И друзей он подбирает себе под стать.

– Хотелось бы верить, что и в Таяне у герцога есть таковые.

– Вряд ли Рене-Аларик сбросит со счетов товарища детских лет, хоть тот и принял монашеский обет...

– Вы так давно знакомы?

– Вся жизнь. Я имею в виду жизнь герцога Арроя. Я старше его на четыре года, но мы дружили. Я рос хилым, все уже тогда понимали, что Церковь – единственное место, где от меня может быть прок. Зато третий сын Рикареда был каким-то вихрем огня, он успевал всюду и везде быть первым. Когда Рене первый раз бросился спасать меня от моих сверстников, ему не сравнялось и четырех. В четырнадцать он ушел в море, я к этому времени уже принял постриг. Наши пути разошлись...

– Он очень изменился?

– О да! Раньше душа у него была нараспашку, он жаждал – нет, не славы и даже не подвигов, а открытий. Вообще-то детские мечты забываются, но у Рене слишком многое сбылось. Это не могло не причинить боль...

– Не понимаю.

– Понимаешь. Ты бард, значит, должен знать, что счастье – это не покой и не почет, а погоня. Пока у Рене оставалась надежда отыскать Острова Золотых Пчел³¹, он был счастлив, но у него отобрали мечту и сунули в руки власть, которая ему не нужна. Герцог, в сущности, несчастный человек, хотя тщательно это скрывает.

– Одна... колдунья (прошу прощения у служителя Церкви), которую мы встретили по дороге, предсказала Рене любовь, которая спасет нас всех...

– Что ж, если речь не о любви к женщине, очень может быть.

– Снова не понимаю.

– Наш язык, бард, не так богат, как кажется. Словом «любовь» мы обозначаем отношение ко многому. Есть любовь к Триединому Отцу нашему, любовь к родине, любовь к приключениям, к друзьям, музыке, сластям, золоту, власти... Сейчас в мире творится нечто странное. Люди, у которых достаточно тонкая душа (не сомневаюсь, ты из их числа, иначе тебя тут не было бы), ощущают какое-то напряжение.

Говорят, кошки знают, когда ждать землетрясения. Крысы вовремя покидают тонущий корабль. Собаки воем предсказывают наводнения. Триединый в великой мудрости своей дал неразумным тварям некий инструмент, позволяющий избежать беды. Кто знает, может, и людям дано предчувствовать, скажем, конец света или другие напасти, грозящие всему существу. Если так, любопытство герцога Арроя, его пристрастие к авантюрам заставят его в один прекрасный день забыть политику, отринуть повседневную суету и вывести «Созвездие Рыси» в море на поиск источника опасности. Я знаю Рене; если у кого и есть шанс на успех, то это у него.

– Значит, мы превратно истолковали слова предсказания...

– Полагаю, что да. В жизни герцога было, есть и, смею предположить, будет немало женщин, но никто из них не захватил его целиком, а сейчас уже поздно...

3

– Шани? – Стефан оторвался от толстой книги с потрепанным временем тисненым кожаным переплетом. – Помогите мне добраться до окна.

³¹ Острова Золотых Пчел (Берег Алых Роз, Золотые берега и т. д.) – легендарные острова, по преданиям, расположенные в Сером море за Запретной чертой.

Высокий темноволосый человек привычным жестом обнял больного за плечи, осторожно перевел через богато убранную комнату и помог устроиться в кресле. Стефан поморщился, но тут же усмехнулся:

– Что, капитан, не думал, что будешь таскать меня на руках?

– Мой принц...

– Прекрати! Мы были друзьями, друзьями и остались. Хоть я и калека, но не сбесился и память не потерял. Для тебя я Стефко, Стефком и умру.

– После меня. Знаешь, Белка, не без Казимиры, конечно, испекла для тебя что-то замечательное и ждет под дверью. Пустим?

– Ты все еще думаешь, что меня потихоньку травят, и пытаешься помешать? Вздор. Если меня чем и опоили, то осенью... И хватило одного раза.

Шандер недоверчиво покачал головой:

– Тогда почему тебе полегчало? Потом ты спустился к столу, и опять началось.

– Не знаю, может, совпадение... – Принц откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. – Поболтай со мной, что ли, а то я все читаю и читаю. За всю свою жизнь не прочел столько, как за эти проклятые полгода! Хорошо хоть Иннокентий завалил меня книгами. Похоже, старик собрал у себя все, что когда-то было написано.

– Ты становишься богословом...

– Отнюдь нет. Иннокентий, как и все эландцы, в глубине души язычник, а любопытство родилось раньше его. То, что он мне дает, к Церкви имеет мало отношения. Если вообще имеет, хотя... Все эти святые, пророки и столпы веры когда-то жили, ссорились, мирились, что-то кому-то доказывали и в конце концов умирали. Что ты так на меня смотришь?

– Нет, ничего, я не хотел...

– Не хотел показывать, что меня жалеешь? Я это и так знаю и, между прочим, за это благодарен и тебе, и Бельчонку. Вот от Михая, даже от отца с Ланкой мне жалости не нужно. Никакой!

– А от Герики?

– Герика – дело другое, это мне ее жаль. Я хоть и калека, но свободен. А девочка... Отец продает ее, как какую-то лошадь или козу. Зенон, потом Гергей... интересно, кто станет следующим?

– Такова участь всех наследниц.

– Всех ли? Посмотрел бы я, как кто-нибудь попытается продать Ланку.

– Сравнил ежа с ромашкой... Но Ланка все равно выйдет за это ничтожество, за Рика-реда...

– Сестрице хочется стать хозяйкой Эланда, и она никого не любит. Из Ланки, кстати, выйдет хорошая герцогиня. Когда прибывает посольство?

– Позавчера к вечеру прилетел голубь. Они подходили к Гремихе.

– Значит, сейчас у Всадников. Кто же их встречает?

– Марко, Ланка, Иннокентий и Михай.

– То-то со вчерашнего утра я только вас с Геро и вижу. И хоть бы сказал кто!

– Отец не хотел тебя расстраивать.

– А ты? Неужели капитан «Серебряных» не знал о приготовлениях? А может, он боялся, что я захочу выехать навстречу? Ты так и не понял, что кареты не для меня, а в седле я и часа не продержусь. Послушай, Шани, я, наверное, схожу с ума, но я жду их как последнюю надежду.

Граф Шандер Гардани изобразил некое подобие улыбки, хотя ему хотелось то ли взвыть в голос, то ли убить кого-то – знать бы еще кого! Капитан «Серебряных», личной гвардии наследника трона Таяны, славился как фамильной отвагой, так и фамильной же преданностью, а таянского наследника любил больше, чем себя. Шандер рос вместе со Стефаном и именно ему был обязан своим недолгим счастьем. По просьбе старшего сына король разрешил отпрыску

знатнейшего рода жениться на дочери эркарда³² Гелани, пусть богатого и уважаемого, но простолюдина. И это при том, что Шандер с детства был помолвлен с дочерью знатнейшего магната!

Гардани обожал свою чернокосую жену, и два года пролетели как единый миг. Теперь от любви остался лишь медальон с прядью смоляных волос и дочь Белинда. Белка, Белочка, Бельчонок, чье рождение стоило матери жизни. С тех пор Шандер принадлежал только дочери и другу. Гардани старался не подавать вида, но Стефан и Белка все прекрасно понимали, платя отцу и другу взаимностью. Болезнь друга для Гардани обернулась возвращением кошмара – тринадцать лет назад он терял Ванду, знал это и не мог ничего исправить. Сейчас погибал Стефан.

– Да не смотри ты на меня так, – рассмеялся принц. – Мы еще побарахтаемся. Понимаешь, все дело в дяде. Он всегда казался мне... Неважно, главное – он совершал невозможное. Не могу сказать, что так уж сильно верую в Триединого, разве что в Судию³³, но в Аларика верю с детства.

– В него трудно не верить, особенно когда он со шпагой. Но адмирал...

– Да, он моряк, а не врач, не колдун и не клирик. Умом я все понимаю, и тем не менее. Шани, у меня к тебе просьба. Устрой так, чтобы мы встретились наедине. Не думай, я не буду рыдать у дядюшки на груди... А может, и буду! Я не смогу при нем храбриться, а если сюда ввалится половина двора вместе со стариком и его распрекрасным Михаем, мне придется врать. Шани, я никогда не врал при Аларике и сейчас не хочу.

– Аларик?

– Ну да, одно из его имен Аларик, я его всегда так называл. Это было моей маленькой тайной... Даже от тебя. Так ты приведешь его?

– Приведу, Стефко, конечно же, приведу!

4

Открывающийся вид завораживал. Когда-то, в стародавние времена, владыка Червонных земель Стефан Старый подарил сыну к свадьбе новый город. Стефан был опытным воином и выбрал место, словно самой природой предназначенное для того, чтобы стать ключом к Червонным землям. Шло время, и городок Гелань превратился в столицу нового королевства. Воин стал придворным и купцом, но не разучился владеть мечом. Двойная стена с ошетилившимися пушками бастионами и ледяные воды Рысьвы надолго задержали бы любую армию, но этого таянским королям казалось мало. Над Геланью господствовала гора, на вершине которой красовалась грозная цитадель. Знаменитый Высокий Замок, гордость Таяны, обитель королей Ямборов. Путь кавалькады, однако, лежал к городской ратуше.

Всадники чинно проехали по горбатым, извилистым улочкам, заполненным разряженными горожанами, и остановились на просторной квадратной площади. Окружавшие ее дома принадлежали людям богатым, способным платить налог на окна и надстройки сверх положенных двух этажей. Из окон разноцветными языками свешивались дорогие ковры. Посреди площади возвышалось здание самой ратуши с высокой четырехгранной башней, украшенной шпилем, который венчал герб города – вставшая на задние лапы рысь с мечом, обороняющая крепостные ворота. Рысь красовалась и перед входом в ратушу. По углам площади журчали фонтаны, из которых окрестные жители набирали воду. Бассейны украшали аллегории времен года, у ног которых по древней привычке люди складывали незамысловатые приношения. Сейчас на площади царила Весна, чье изображение заботливо украсили ветками цветущей калины.

³² Эркард — бургомистр.

³³ Судия (Кастигатор) – одна из ипостасей Триединого наряду с Творцом (Креатором) и Спасителем (Калватором).

Кажется, все, кто имел среди проживавших на площади друзей или знакомых, заняли места у окон, а на ступенях ратуши стояли отцы города. Плотный седовласый эркард, завидев кавалькаду, медленно и торжественно прошествовал вниз по застеленной пурпурным сукном лестнице и встал у основания каменной рыси так, что геральдический зверь словно бы благословлял его степенство. За спиной эркарда выстроились городские гласные – все двенадцать.

Почтенные мужи постарались перещеголять друг друга в роскошестве. Тяжелые, отороченные мехами одежды и начищенные до солнечного блеска массивные цепи придавали именитым горожанам вид знатнейших сановников. Роман беднякам искренне посочувствовал – день выдался по-летнему жарким, и бархат, бобры и куницы хозяев радовали вряд ли, достаточно было взглянуть на красные, блестящие физиономии. Либер подавил ухмылку – этикет есть этикет – и перевел взгляд на Арроя. Рене уже спрыгнул со своего цевца и быстрой пружиистой походкой направился к эркарду.

Годой слегка замешкался, слезая с внезапно заупрявившегося коня, так что место рядом с герцогом волей-неволей занял кардинал. Принц и принцесса, согласно традиции, оставались в седлах. Они считались не гостями, а воинами, состоящими на службе у вольного города Гелани, ибо первейший долг королей – защищать своих подданных от всяческого урона и непотребства, а кого защищать в Гелани было. Роман не часто встречал девушек прелестнее, чем дочери города, вышедшие с традиционным приветствием к именитым гостям.

Статная красавица с тяжелыми каштановыми косами держала поднос, на котором красовались инкрустированные яркими камнями золотые кубки, а рядом застыла совсем юная брюнетка в белом платье, не отрывающая от гостей огромных оленьих глаз.

5

Марита почувствовала, что земля уходит у нее из-под ног. Мгновение назад девушка беспокоилась о том, не забудет ли нужные слова и не развяжется ли в самый неподходящий момент вроде бы ослабшая лента на правой туфельке. Тревожило и то, что гости могут встать не так, как нужно, и ей, чтобы подать Первую Чашу эландцу, придется пройти мимо герцога Тарски. От мужа покойной сестры Марита знала, что Михай Тарскийский – человек опасный, от которого лучше держаться подальше. Только и страшный Годой, и обувная лента имели значение лишь до тех пор, пока не послышались приветственные крики и из-за угла Собачьей улицы не потекла блестящая процессия. Марита быстро отыскала седого человека с украшенной ясными зелеными камнями цепью на груди, а потом... Потом взгляд девушки упал на золотоволосого рыцаря, ехавшего рядом с эландцем, и все было кончено. Годой, Аррой, отец, подруги – все полетело к Проклятому. В мире остался лишь незнакомец в ясно-синем плаще.

Люди суетились, толкались, переговаривались, бросали охапки весенних цветов, а Марита стояла как завороченная. К жизни девушку вернул ощутимый удар по ноге. Эвка, держащая поднос с кубками, недвусмысленно давала понять, что Маритке пора браться за дело. Сделав невероятное усилие и в глубине души безумно боясь, что рыцарь, стоит отвести от него взгляд, тут же исчезнет, Марита схватила первый попавшийся кубок, пригубила, как требовал обычай, терпкого прохладного вина и без слов протянула непостижимым образом оказавшемуся перед ней седому нобилю со смеющимися голубыми глазами.

Аррой принял кубок, но пить не спешил. Он знал таянский обычай и ждал, что девушка произнесет положенное: «Да будут путь твой долог, дом – полон, друг – честен, меч – верен, конь – послушен, а огонь – ясен».

Нужные слова, как назло, вылетели из прелестной головки, но адмирал не растерялся. Чуть помедлив, он расцеловал девушку в обе щеки и громко и весело пожелал славному городу Гелани процветания, особо отметив несравненную красоту его обитательниц. Марита, вспыхнув до корней иссиня-черных волос и не смея даже глянуть на свиту герцога, торопливо схва-

тила следующую чашу, предназначенную кардиналу. Его высокопреосвященство пить не стал и бестолково топтался с кубком, покуда его не принял худенький, бледный служака. Следующий кубок Марита подала эркарду города – своему собственному отцу, не понимая, почему тот смотрит с таким укором. Эркард же, выпив ритуального вина, разразился длиннющей витиеватой речью. В отличие от дочери, он не забыл ни словечка, и церемония пошла как по писаному.

Горожане радостно кричали, в окна летели заранее припасенные букетики вильин и атриол³⁴, и Рене весело махал всем рукой. На фоне закутанных в пышные мантии гласных он в своем черном платье казался по-юношески легким и подвижным. Марита изо всех сил старалась смотреть только на герцога и все равно не поняла, что тот обращается именно к ней. Зато это понял эркард, взявший бестолковую дочь за руку и подведший к дорогому гостю. Девушка вздрогнула, когда в ее руку вложили букетик сапфировых атриол, усыпанных бриллиантовой росой. Подобного чуда в Таяне, известной своими ювелирами, видеть еще не приходилось, но Марита поняла лишь одно – драгоценные цветы того же цвета, что и плащ прекрасного кавалера, и его глаза... Сердце девушки то подскакивало к горлу, то проваливалось вниз. Многословную отцовскую благодарность она пропустила мимо ушей, из себя же смогла выдавить лишь тоненькое: «Спасибо».

– Не стоит! Доставить удовольствие такой красавице, о чем еще может мечтать эландский маринер?! – Адмирал уже был в седле, и вороной, красиво опустив голову перед геланскими гласными, повинуясь руке хозяина, стал осаживать назад к кавалькаде – Рене умел в случае необходимости красиво пустить пыль в глаза. Взгляд Мариты опередил герцогского жеребца и мгновенно достиг всадника в синем. Возможно, ей показалось, но незнакомец смотрел на нее, смотрел и улыбался.

– Милый обычай, не правда ли? – Заглядевшийся на прелестную таянку Роман поспешно обернулся – к нему обращался Михай Годой собственной персоной, причем лицо его источало мед, смешанный с патокой.

– Все обычаи по-своему милые, – не показал своего недовольствия либер. – А что мне действительно понравилось, так это девушки.

– Это, насколько мне известно, родственницы эркарда. Дочь и, кажется, племянница. Я думаю, вы их еще увидите в Ночь Костров³⁵.

– Ее еще ждать и ждать.

– Не так долго, как вам кажется, или Роман Ясный куда-то спешит?

– Увы! Я благодарен герцогу Аррою за приглашение, меня всегда интересовала Таяна, но еще больше влекут Последние горы. Не хотелось бы терять лучшую часть лета даже ради столь изысканного общества.

– Я вас понимаю, более того, если вам понадобится помощь и проводники – мои люди к вашим услугам, меня ведь не зря называют Горным Хозяином. Но учтите, здешние дамы не отпустят вас без песен.

– Если они хотя бы вполовину столь хороши, как эти горожаночки, я к их услугам.

– Таяна славится красавицами. Как вы нашли принцессу?

– К сожалению, монсигнор, я не имею обыкновения смотреть на принцесс как на женщин. Это может принести неприятности и мне, и им.

– Ваша репутация себя оправдывает, – залился хохотом владетель Тарски. – Красив, как эльф, хитер, как десяток змей, и так же опасен. Как для женщин, так и для мужчин. О вашей шпаге ходит не меньше легенд, чем о вашей гитаре.

³⁴ **Вильина** — ярко-алый весенний цветок, растет только в Таяне, где считается символом страстной любви. **Атриола** – весенний цветок, представляющий собой гроздь голубых или белых колокольчиков с сильным сладковатым ароматом. В Таяне считается символом надежды.

³⁵ **Ночь Костров** – ночь летнего солнцестояния, в Таяне и Тарске отмечается как праздник.

- Вы преувеличиваете. Я никогда не нападаю. Первым. К тому же шпага герцога Арроя пользуется куда большей славой, причем заслуженной.
- И все же я рассчитываю найти в вас друга.
- О, мой герцог, дружба требует времени, а у меня в запасе лишь несколько дней...
- И на эти дни я приглашаю вас остановиться у меня.
- Сожалею, но я уже принял приглашение монсигнора Арроя.
- Надеюсь, когда-нибудь я все же опережу проклятого эландца. – Михай громко и залихватисто расхохотался, но в черных блестящих глазах мелькнуло нечто, заставлявшее считать прозвучавшие слова не просто шуткой.

Глава 5

2228 год от В. И. 16-й день месяца Медведя

Таяна. Высокий Замок

Таяна. Гелань. Торговые кварталы

1

Король Таяны Маркус-Иоанн-Иоахимм нетерпеливо мерил шагами щербатые плиты смотровой площадки. Марко, как за глаза его называли подданные, не признавался даже самому себе, до какой степени ждет гостей. Дело, разумеется, было не в заключении matrimониального союза. Брак принцессы Анны-Иланы и великого герцога Рикареда не сулил ничего нового. Два молодых хищника, выросшие на окраине стареющей Арцийской империи, прекрасно понимали друг друга, их совместные действия заставляли беспокоиться и министров двора его благочестивого величества Базилека, и толстосумов-купцов. Свадьба Иланы не была политической необходимостью, она просто подтверждала союз Рыси и Альбатроса. Марко беспокоило другое: то, что он мог откровенно обсудить лишь с герцогом Рене, которого знал больше тридцати лет. Король обернулся к капитану Серебряной гвардии, почтительно, но отнюдь не подобострастно застывшему у двери.

- Шани, что Стефан? Он сможет сегодня встать?
- Боюсь, что нет. Улучшение оказалось временным.
- Кто с ним?
- Камердинер и моя дочь. Утром со Стефаном была Герика, сейчас она поднялась к себе.
- Геро не поехала вместе с отцом?
- Вы же знаете, она не очень любит ездить верхом, особенно после случая с герцогом Гергеем. Отец позволил Герике остаться в замке.
- Что ж, ему виднее. Кажется, показали?

Король быстро, чтобы не заметили – негоже его величеству, подобно неверной жене, высматривать с башни дорогого гостя, – спустился в свои покои; Гардани задумчиво посмотрел ему вслед. Марко был далеко не молод, но живость и быстрота движений не позволяли считать его стариком. Впрочем, в последние месяцы король здорово сдал. Две смерти и исчезновение для одной семьи, пусть даже королевской, – это слишком, а если учесть, что наследником вот-вот окажется желторотый дурачок... Шандер с трудом отогнал от себя мерзкую мыслишку. Стефан может поправиться. Должен, Проклятый побери! Однако вряд ли ему, Шандеру Гардани, удастся выполнить поручение и сразу же привести к нему гостя. Похоже, эландцем сначала завладеет зять, а племянник уже потом. Шани поймал себя на мысли, что безумная вера Стефана и Марко в эландского Счастливику передается и ему. Что ж, людям свойственно надеяться на чудо...

2

Роман запоминал все особенности подъездов к замку. Не то чтобы бард предполагал, что ему в ближайшем будущем предстоит спастись бегством или тем более руководить штурмом, а на будущее. В мозгу либера хранились точнейшие сведения о множестве крепостей, и он готов был признать, что Высокий Замок едва ли не самая неприступная из них. Гора омывалась быстрыми волнами Рысьвы, при необходимости вода за пару десятинок³⁶ могла заполнить целую систему рвов и ловушек у ее подножья. От него к вершине вели две спиральные дороги, над пересечениями которых красовались невысокие, но грозные башни. Сама гора была разделена стенами на три яруса. Первая треть горы, относительно пологая, поросла тщательно скашиваемой травой, в которой не смог бы укрыться и кролик. Между второй и третьей стенами высились вековые деревья с подлеском, прорубиться через который было очень непросто. Ложные тропинки, волчьи ямы, настилы для лучников на деревьях – все это превращало путь через второй пояс защиты в преисподнюю. От третьей стены до башен Высокого Замка гора становилась крутой, земля сбрасывала глинистую шкуру, обнажая гранитные кости. Камни были искусно обработаны таким образом, что подняться наверх прямо по склону без помощи из замка казалось почти невозможным, а обе дороги, ведущие к двум воротам – Полуденным и Полуночным, проходили под нависшими скалами, с которых незваных гостей можно было угостить хоть великолепным обвалом, хоть кипящей смолой.

– Да, вот так. – Аррой словно читал мысли. – Добавьте к этому, что под замком находится целый лабиринт, а еще ниже пещеры, через которые протекает подземная река.

– Есть нечто, перед чем не устоят никакие стены. Это предательство.

– Это так, но предателям в Таяне делать нечего.

– А в Эланде?

– Надеюсь, тоже. Когда я перестраивал идаконскую цитадель, то постарался использовать все, что видел здесь. В Таяне – лес и река, у нас – море... Но места чем-то похожи.

– Это древние места, монсигнор. Их действительно создавали для боя, я... читал об этом.

– Я хотел бы увидеть эти книги, где они?

– Везде. Что-то в Кантиске, что-то в Эр-Атэве, что-то, я думаю, можно найти и здесь.

О, открыли ворота.

– Вот и конец нашему путешествию. Оно выдалось не столь безоблачным, как думалось, но, похоже, главные пакости впереди.

– Монсигнор так думает?

– Так же, как и либер...

3

Лупе сосредоточенно протискивалась сквозь толпу возбужденных горожан, ловко проскальзывая между дородными торговцами и их расфуфыренными супругами. Люди с удивлением оборачивались на странную женщину в полудеревенском наряде, с бледным напряженным лицом и дрожащими губами и тут же о ней забывали, а она с какой-то одержимостью уходила все дальше и дальше от единственных в мире людей, которые ей были дороги. В глубине души Лупе ничего так не желала, как чтобы кто-то из свиты Арроя заметил ее бегство и силой вернул, но этого не случилось. Честная во всем, знахарка сбежала, применив все свое немалое умение, а спутники были заняты кто разговорами с таянскими нобилями, кто разглядыванием славного города Гелани, кто, как либер Роман, собственными мыслями.

³⁶ Десятинка – одна десятая часа.

Прошло не менее получаса, прежде чем знахарке удалось выбраться из толпы; она быстро прошла почти пустой улицей Гелены Снежной и возле церкви уверенно свернула в кривоватый переулок, юркнула в щель между двумя домами и оказалась в городе ремесленников. Здесь было относительно тихо: те, кто собрался к ратуше, давно ушли, оставшиеся занимались своими делами. Лупе брела, низко опустив голову, словно боясь, что ее узнают. Наконец ноги вывели ее к аккуратному домику, украшенному изображениями Лиса³⁷. Женщина дернула шнур звонка, и колокольчик у дверей ответил знакомым звоном.

– Иду-иду, милая, – раздался бархатный баритон, – сейчас все будет хорошо, ты только не волнуйся. – Калитка распахнулась, и кругленький человечек в оранжевой лекарской мантии потрясенно всплеснул чисто вымытыми руками: – Троединый и все его вестники! Леопина, радость моя, мы и не надеялись, что ты вернешься...

Глава 6

2228 год от В. И. 16-й день месяца Медведя

Таяна. Гелань

Таяна. Высокий Замок

1

Роман лениво рассматривал себя в высоком зеркале, словно бы от скуки задавая вопросы личному цирюльнику герцога Михая Годоя. Тарскийский властелин, узнав, что Рене не озабочился прихватить с собой куафера, навязал «дорогим друзьям» своего. Бард, правда, подозревал, что со своей шевелюрой, равно как с бородой и усами, Аррой управляется сам. Это лысеющему Михая опытный цирюльник был нужнее воздуха, но угодливый раздушенный красавчик битый час крутился в отведенных эландцам апартаментах. Сам герцог отсутствовал – беседовал с королем, и раздраженный навязчивой любезностью либер не выдержал и принял удар на себя, подставив цирюльнику золотистые локоны. Прогонять кудреватую «любезность» Роман счел неудобным, хотя не сомневался, что адмирал, окажись он у себя, сделал бы именно это.

Отдавая себя в тарскийские руки, бард решил извлечь пользу из болтливости, как у всех куаферов, рта и несколькими ловкими вопросами ввел разговор в нужное русло. К концу процедуры Роман знал, что принц Стефан за время болезни сильно изменился, став капризным, подозрительным и злым; кардиналом Иннокентием довольны не все, а кое-кто поговаривает, что клирик втайне читает еретические книги и вообще епископ Тиверий был бы куда лучшим пастырем. С явным неодобрением тарские отозвались и о капитане Серебряной гвардии графе Гардани, из чего Роман сделал вывод, что тот наступил тарскийскому герцогу на мозоль.

Познаний в магии, которыми располагал Роман, хватало, чтобы понять – господарь Тарски грешит волшебством, причем такого рода, с которой либеру сталкиваться еще не доводилось. Сильной, холодной и очень, очень древней. Из этого вытекало, что все, кого недолюбливают Годой и его подручные, заслуживают пристального внимания.

До Великого Приема оставалось не более часа с четвертью. Цирюльник закончил свое дело вовремя, но усиленно делал вид, что продолжает подправлять безупречно лежащие локоны; похоже, ему было велено дожидаться Арроя. Именно поэтому Роман с некоторым злорадством выпроводил беднягу, которому было не миновать взбучки за проваленную миссию.

Либер был несказанно доволен, когда Аррой объявил, что они со знаменитым бардом – давние друзья и будут жить в одних покоях. Ощущение глухой тревоги, не покидавшее моряка

³⁷ Лис — знак гильдии цирюльников и медиков.

и либера после Белого Моста, объединяло лучше любой старинной приязни. Роман хотел поселиться с Рене еще и потому, что не слишком надеялся на Жана-Флорентина. Кроме яда существуют и кинжалы, и стрела, пущенная в окно, а на сей счет у Романа имелось несколько сюрпризов, раскрывать которые он пока не хотел даже эландцу. Теперь же либер мог сколь душе угодно превращать спальни и гостиные в крепости, чем и занимался, пока не явился непрошенный цирюльник. Когда дверь за пронырой наконец закрылась, Роман вернулся к прерванной работе. Последнее слово он произнес за мгновение до того, как вернулся хмурый Рене.

Герцог с размаху бросился в широкое кресло, рывком пододвинул себе кувшин с вином и наполнил два высоких бокала, протянув один Роману.

– Я говорил с Марко, – без обиняков объявил Аррой. – Меня беспокоит то, что здесь творится, его тоже, только бедняга не понимает, в чем дело. На первый взгляд все благополучно.

– Как и везде...

– Как и везде. Марко списывает свои тревоги на счет несчастий, обрушившихся на его семью, но нас-то подобные беды не коснулись... Проклятье! Не нравится мне этот штиль. – Герцог долил себе вина и залпом выпил его, оставившись в одну точку.

Роман хотел было сказать, что им предстоит пить целый вечер, но вовремя вспомнил, что про Счастличика, среди прочего, говорили, будто он никогда не пьянеет. Рене же задумчиво оставил пустой бокал и вернулся к утренней идее:

– Роман, ты бы пригляделся к хозяевам и гостям... И, знаешь ли, мне надоел этот клятый этикет. Называй-ка ты меня Рене. Согласен?

– Кто ж от такого откажется. – Бард не кривил душой: в мыслях он уже третий день называл эландского герцога именно так. – А что до «приглядывания»... Я только этим и занимаюсь. Кто тебя тревожит прежде всего?

– Не хочу пока говорить, чтобы не «замылить» тебе глаза. Никогда не был придирой, но, по-моему, от этого человека разит злом... Лезть тебе в душу я не собираюсь, хватит того, что ты знаешь нечто, недоступное нам, грешным. Посмотри Стефана. Лекари давно признали свое поражение, так что препон чинить никто не будет.

– Когда идти?

– Сейчас. Странная у него болезнь. Я, знаешь ли, в его возрасте не раз купался в ледяной воде и, как видишь, хожу на своих ногах. И не я один такой живучий. Стефан мог сгореть в три дня от лихорадки, мог поправиться, но превратиться в калеку... Не понимаю. Мне это очень не нравится – Стефко стал бы великолепным королем, а теперь в наследники выходит мальчишка, которого растили как третьего принца. Для охот и пиров.

При желании Роман мог возразить, что Рене сам когда-то был третьим принцем и вовсе не собирался управлять государством, но вместо этого молча собрал все, что могло пригодиться при осмотре, и взглянул на собеседника:

– Я готов.

Аррой встал, механически отбросив со лба белую прядь – Роман начал уже понемногу привыкать к этому жесту.

– Иди за мной, но тихо. Нам не нужны свидетели. При Стефане сейчас только его дядька. На старика можно положиться, он приехал сюда еще с сестрой.

Акме Арройя двадцать два года была королевой Таяны; естественно, ее неумный братец знал Высокий Замок как свои пять пальцев. Герцог уверенно свернул в проход для слуг и повел гостя узкими сводчатыми переходами. Маленькую дверь открыли сразу. Коренастый человек с крючковатым носом и колючими глазами сдержанно, но сердечно поклонился и отступил в сторону, пропуская посетителей. Герцог рывком отодвинул бархатную портьеру, и они оказались в комнате принца.

Стефан сидел в кресле у раскрытого окна. Яркий солнечный свет подчеркивал его бледность и темные круги под запавшими зелеными глазами. Роман помнил, что наследнику осе-

нию исполнится тридцать три, но определить возраст принца на глаз казалось невозможным: это существо уже находилось вне времени. Было трудно поверить, что еще недавно Стефан, смеясь, поднимал толстуху-повариху, мог несколько раз без отдыха переплыть Рогг и усмирить любого коня. Таянский наследник слыл прекрасным воином и при этом не чурался наук, ему пророчили блестящее царствование, пока в начале минувшей зимы он не бросился вытаскивать из полыньи сестру и ее подругу, дочь Михая Годоя...

Пользуясь привилегией врача, либер внимательно рассматривал осунувшееся лицо. Потом взял принца за плечи и впился взглядом в зеленые глаза с расширенными зрачками.

– Рене, мы должны остаться одни. – Герцог кивнул и поднялся, но тут дверь распахнулась, и в комнату вошла девушка.

– А, вот и Геро, господарка Тарскийская, – улыбнулся Рене, хотя Роман и так догадался. Дочь Годоя оказалась довольно красивой, но не красотой принцессы или королевы. До Ланки, во всяком случае, ей было далеко. Тарскийская наследница для женщины была достаточно высокой, зрелая фигура и милое полудетское лицо с пухлыми губами не вызвали желания отвернуться, но главным украшением (будь в дочери Михая хоть немного огня, это свело бы с ума многих) были волосы, отливающие всеми оттенками от серебристого до золотисто-рыжего. Разноцветные солнечные локоны, признак смешанной в стародавние времена людской и эльфийской крови, заплели в две толстые косы, которые тарскийка не удосужилась перевить хотя бы ниткой жемчуга.

Более всего Герика Годоя подошла бы в жены богатому купцу или немолодому остепенившемуся барону. Первое, что бросалось в глаза, – мягкость и покорность, ни следа кокетства и самолюбования, как у большинства знатных ноблесок. Это было бы мило, не будь девушка напрочь лишена и той задиристой солнечной отваги, что так подчеркивала дерзкую красоту ее подруги.

– Геро, – негромко попросил принц, – нам надо поговорить. Извини...

Девушка испуганно распахнула очень неплохие глаза, пролепетала что-то вроде того, что уходит, поставила, почти уронила на стол корзиночку с какими-то травками и выскочила прочь, неловко зацепив дверной косяк. Рене вышел следом, оставив либера наедине с больным.

2

– Как я могу идти в этом платье? Ты думаешь, что говоришь? – Марита возмущенно уставилась на племянницу.

– Это ты думай! Мы просто поглядим из сада, и ты покажешь мне своего рыцаря.

– А если меня увидят...

– Никто не увидит. Ну нельзя же быть такой трусихой. Дедушка знает, что ты у нас. Ему, конечно, Шани не нравится, но ссориться с ним он не станет. Ой... Хочешь, я попрошу Стефана пригласить тебя на прием? Он позволит, он очень добрый, хоть и больной. Мы с Шани его ужасно любим. Если Стефан велит, тебе найдут платье. Я бы отдала тебе свое, с незабудками, но оно короткое.

– Успокойся, Белочка. Я только хочу посмотреть. Я знаю, что на приеме могут быть только нобили, да и сопровождать меня некому...

– Как это некому, а Шани?! Знаешь, если Стефан попросит Герику, она ему отдаст любое платье. Правда, она толще тебя, и волосы у нее светлые, но у меня есть очень хороший пояс.

– Белочка, милая, это неприлично.

– Ну и дура! Смотри тогда на твоего рыцаря в окно, а он в это время в кого-нибудь влюбится.

3

Герцог Аррой галантно довел Герику до ее покоев и раскланялся, выразив надежду на скорую встречу. Девушка робко кивнула и поспешила скрыться за дверью. Рене задумчиво тронул все еще непривычный золотой браслет и пошел прочь. Встреча с дочерью Михая напрочь выбила герцога из колеи. Не то чтобы девушка не понравилась адмиралу, скорее наоборот. Герику внешне ничем не напоминала своего неприятного отца, а ее фигуре и особенно волосам позавидовали бы многие красотки. Дело было в другом – они рука об руку прошли через весь замок, и за все время Герику не сказала ни одного слова, только виновато улыбалась.

Когда-то Счастличик Рене выиграл в карты у купца из Эр-Атэва глазастого мальчишку, на поверку оказавшегося пятнадцатилетней девочкой. Потом Ирийя составила счастье одного из помощников Рене, научилась звонко смеяться и кокетничать, но когда герцог ее увидел впервые, на смуглом личике стыла та же ничего не выражающая улыбка, что и у наследницы Тарски. Если до встречи с Геро Рене только подозревал, что Михай Годой – человек страшный, то теперь сомнения исчезли. Довести до состояния забитого животного собственную дочь мог только мерзавец, знать бы еще, имеет ли этот мерзавец отношение к тому, что произошло в пуще, и другим странным событиям, вести о которых приходили в Эланд отовсюду.

– Мне кажется, вы нашли не лучшее место для размышлений. – Скрипучее ворчанье вырвало Арроя из задумчивости. Герцог не сразу сообразил, что с ним заговорил Жан-Флорентин. Философский жаб честно молчал весь день, но, похоже, его терпение иссякло. Впрочем, Рене был рад любому поводу отвлечься от мыслей о Михе.

– Как тебе нравится Высокий Замок? Простите, вам.

– Охотно прощаю. Более того, эта оговорка отражает истинное положение вещей. Я претендую на дружбу, но не на вежливость, к тому же со мной невозможно выпить на брудершафт. Итак, отныне мы переходим на «ты», и ты задал вопрос. Мне кажется, чем быстрее ты покинешь сию обитель скорби, тем будет лучше.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что тебя пытались отравить. О люди, зловещие порождения крокодилов...

– Постой! Кто, когда и почему крокодилы?

– Крокодилы ни при чем. Они не виноваты. Просто так говорится. Яд был в вине, что стояло в твоей спальне, но кто его принес, я не знаю.

– Весело. Но как ты сумел...

– О, есть многое, друг Рене, что тебе и не снилось. Я не считал возможным отвлекать тебя по пустякам, к тому же яд был плохонький. Не сомневаюсь, мы все узнаем... Своевременно или несколько позже. Тайное всегда становится явным, но, похоже, сюда идут.

– Шандер? Я полагал, ты уже в большом зале.

– Монсигнор, я искал вас. Я не хотел бы, чтобы вы ходили по Высокому Замку в одиночку. У нас многое изменилось.

– Как я понимаю, не к лучшему. Но не думал, что меня примутся убивать прямо в день приезда. Или ты полагаешь, чем скорее, тем лучше?

– Вы шутите, монсигнор.

– Нет, я не шучу, но меня никто не убьет. Не сможет. По крайней мере сейчас. А вот ты, Шани... Стефан очень привязан к тебе и к Белинде. Я думаю, девочке будет хорошо в Эланде...

– Монсигнор...

– Я почти двадцать лет был монсигнором, но сейчас, похоже, мне придется вновь стать маринером. Хотя бы наполовину.

– Но... Зачем вам нужно, чтобы Бельчонок уехала с вами?

– Сам не знаю. Просто в голову пришло. Показалось, что так будет лучше. Если ты все-ррез решил меня сопровождать, то я иду к себе. Негоже «монсигнору» появляться на Великом Приеме в дорожном платье. И все-таки подумай. Белинде будет интересно увидеть море.

– Я подумаю.

4

– Это правда?! Вы уверены? – Стефан не сводил с Романа горящего взгляда.

– Уверен настолько, насколько можно в наше время быть уверенным хоть в чем-то. У вас есть шанс, принц, но пусть это останется нашей тайной.

– Конечно. Вы просто дали мне какое-то снадобье...

– ...а Иннокентий его освятил и отслужил девять молебнов о вашем здоровье.

– Правильно! – Стефан неожиданно звонко рассмеялся, запрокинув назад красивую темноволосую голову, и стал поразительно похож на Рене. – И пусть после такого чуда попробуют заменить его на этого несносного Тиверия! Или Таисия.

– А эти кто такие?

– Первый – напыщенный дурак. Второй – фанатик. В худшем смысле этого слова. Ему по ночам святая Циала является и учит бороться с ересью.

– Неприятно.

– Да уж... Но чудеса ему не по плечу, так что мы их всех обставим. Но Аларик... то есть мой дядя должен знать все.

– Разумеется. Герцог – замечательный человек.

– Вы его давно знаете?

– Несколько дней, но за это время произошло достаточно, чтобы понять, что из болтовни о нем – правда, а что – идиотские сказки.

– Я много слышал о вас, Роман Ясный, но никогда не думал, что именно вы дадите мне надежду. Только человеку всегда мало того, что он получает. Мне хотелось бы услышать ваши песни.

– Прямо сейчас? Что ж, это будет неплохим завершением вечера.

– Аларик хотел видеть вас на приеме, и он прав, а вот завтра... Я думаю, дядя не откажется посидеть с нами.

– А вы тонкий политик, принц.

– Стефан.

– Пусть будет Стефан. Разумеется, герцог Аррой с моей помощью попробует вас развлечь, а если я буду не только петь, но и говорить, это никого не касается.

– Значит, до завтра? Спасибо.

– До завтра. – Роман вышел через ту же дверцу, в которую их впустил старый слуга. Очевидно, тот что-то понял, поскольку в глазах эландца плескалась такая радость, что Роману стало неловко. Он непроизвольно сжал руку старика и шепнул: – Все будет хорошо, только пока это тайна.

– Понимаю, господин либер. Да хранят вас Великие Братья³⁸.

– Мне нужно попасть в Большой зал.

– Можно по Красной лестнице, можно через сад.

– Лучше через сад.

³⁸ **Великие Братья** – мифические покровители маринеров. Высшие существа, являющиеся смертным в облики дракона и гигантского орла и не имеющие ничего общего как со Светом (Триединым), так и с Тьмой (Антиподом). Существует легенда, что черная цепь Первого паладина – дар Великого Орла. Дар Великого Дракона утрачен, но, когда Эланду будет грозить опасность, он отыщется.

– Тогда по этому коридору до конца, там дверь, а дальше сами увидите. Огни зажгли, музыка... Не ошибетесь.

– Спасибо, друг. Береги Стефана.

– На пороге лягу...

Роман вприпрыжку сбежал по крутым ступенькам, на сердце было тревожно, но весело. Он сделал шаг к разгадке тайны и нашел друзей, которые, когда придет время, встанут рядом с ним. С ними... О такой удаче бард не смел и мечтать. Правда, и дело, что им предстояло, было не из легких, но сегодня Роман позабудет о грустном и страшном. Для этого будет время – завтра, послезавтра, через месяц, через год. Впереди много боли и ужасов, но эта ночь его!

Сад был полон дурманящих весенних запахов. Влажная после недавнего дождя листва блестела. На лоб Роману упала прохладная капля, и он засмеялся от неожиданно охватившего его счастья. Ему хотелось петь, дурачиться, целовать девушек. Нагнувшись, эльф сорвал нарцисс и прикрепил к колету. Сладкий аромат цветка вызывал воспоминания – пение соловья, темные локоны... Это было прекрасно, но впереди ждет лучшее! Бард прислушался – звуки скрипок и флейт указывали дорогу вернее любой тропинки, и эльф пошел напрямик, гибкими текучими движениями уклоняясь от нависающих мокрых веток. Ни одна кошка не могла проскользнуть так легко и незаметно, как это делал Роман Ясный. Неудивительно, что две юные особы, занятые очень важным для них разговором, ничего не услышали.

Роман остановился, заметив две затаившиеся в тени фигурки, и осторожно отступил за кусты цветущей калины. Девушки спорили яростным шепотом. Бард хотел тактично удалиться, но в разговоре промелькнуло имя Рене, и либер прислушался.

– Ты уверена, что он эландец? – Голосок был звонкий, совсем детский, но его обладательница держалась с собеседницей как с несмышленышем.

– Уверена... Он ехал рядом с герцогом, но его здесь нет. – В тоне слышалось горькое разочарование.

– Герцог пришел один. С ним не было никаких рыцарей, я спрашивала. Только воины из свиты, и все они тут бывали. Новенький только один, но он белобрысый. И курносый.

– У того были золотые кудри, синие-синие глаза и плащ тоже синий...

– У сигурантов³⁹ Аррой плащи темно-синие с белым подбоем, и на них знак Полнолуния.

– Он друг герцога. Белочка, он должен быть где-то здесь!

За спиной раздалось вежливое покашливание, и собеседницы резко обернулись и замерли, напомнив потревоженных котят. На залитой лунным светом поляне стоял немислимо прекрасный рыцарь в светлом платье и коротком плаще. На груди красавца трепетал цветок, светлые волосы ласкал весенний ветер. Незнакомец склонился в изящном поклоне:

– Сударыни! Умоляю простить мою навязчивость, но мне показалось, что у вас ко мне какое-то дело. Чем могу служить?

Спорщицы молчали. Та, что постарше, смотрела на пришельца с такой мукой в огромных глазах, что тот растрогался чуть ли не до слез, что не помешало ему узнать девушку: эта она подносила гостям вино на площади у ратуши. В ночном саду таянка выглядела еще очаровательнее. Вторая была скорее подростком, чем девушкой.

– Так это она тебя искала? – заявило это чудо с растрепанными волосами. – А ты действительно очень красивый. Ты рыцарь?

– Я – либер, сударыня.

– А у эландцев ты что делал?

– Монсигнор Аррой удостоил меня своей дружбой, моя госпожа. Разрешите представиться – Роман че Вэла-и-Пантана.

³⁹ Сигурант – личный гвардеец знатной особы.

– Это ты?! А я много твоих песен знаю, только думала, что ты – старый или даже умер. Ой, я не должна была так говорить... А Марита в тебя влюбилась. Это вот она Марита. Она моя тетя, если смотреть по матери, но мой дедушка... Ее отец говорит, что таким в замке не место. А мы с Шани, с отцом, думаем, что он дурак. То есть это я думаю, что он дурак, – поправилась девчонка, – а отец просто говорит, что дед не прав и что его скромность хуже гордости. Я – Белинда-Лара-Этина, графиня Гардани...

Белинда-Лара-Этина болтала, а Роман не мог отвести глаз от замершей Мариты, выглядевшей словно прелестное мраморное изваяние – только тоненькие руки теребили цветущую ветку.

Днем таянка не показалась барду и вполнину такой прекрасной. Она могла поспорить красотой с эльфийками, но в отличие от них производила впечатление удивительно хрупкой и беззащитной. Ее прелесть была прелестью цветка или бабочки, которым отпущена недолгая жизнь, в то время как Светорожденным больше пристали сравнения со звездами или драгоценными камнями.

Усилием воли Роман вернулся в таянскую ночь. Юная графиня продолжала трещать, в лицах изображая, как Марита прибежала в замок, чтобы разыскать прекрасного рыцаря. Такого бедняжка вынести уже не могла и со слабым криком бросилась в кусты. Роман не задумываясь кинулся за ней. Он настиг беглянку в зарослях калины, насквозь промокшую, с растрепанными волосами. Девушка с вызовом вскинула головку, но голос ей не повиновался, и она с трудом прошептала:

– Уходите!

– Но почему?

– Потому... потому. Я вела себя ужасно... Я не думала, что вы услышите. Вы должны презирать меня.

– Но почему? Я не сделаю вам ничего дурного. Я очень рад, что отыскал вас. Там, на площади, я не мог оторвать от вас глаз.

– Правда?

– Конечно.

– Но я сейчас... ужасно выгляжу.

– Не ужасно, а прекрасно, но ночь слишком холодна, чтобы бродить в мокром платье по саду. Вы не откажетесь накинуть мой плащ?

– Нет, – пролепетала Марита.

– А, вот вы где! – Из кустов высунулась мордашка Белки. – Нам пора смотреть Большой выход. Ой, да как ты растрепалась. Хуже меня, право слово. Нет, так идти нельзя!

– Да я не пойду никуда. В таком платье, без приглашения...

– Я вас приглашаю. А что до платья, мы это сейчас поправим.

Заклятье воды и земли, убирающее влагу и грязь, было совсем простым, Роман произнес его почти непроизвольно. Волосы, туфельки и платье Мариты стали такими же сухими, как если бы она не покидала стен дворца.

– Но у меня же нет украшений...

– Я могу отдать тебе свое жемчужное ожерелье, – с готовностью предложила Белка. – На время, конечно, а то оно фамильное. Я должна буду в нем жениться. Его только надо найти, я быстро...

– Не надо камней. Они неживые и не всегда добрые. Лучше цветы.

– Они завянут.

– Нет, если их уметь срывать. – Роман сам украсил черные локоны цветами нарциссов. – А вот эти прикрепим к поясу, и пусть меня поцелует Проклятый, если вы не затмите всех принцесс и графинь. Разумеется, кроме вас, сударыня, – бард подмигнул Белке, – вы неповторимы.

– Это мне многие говорят, – с важным видом кивнула девчонка.

5

Марита была на седьмом небе. Все вокруг нее – горящие нежным светом восковые факелы, то томные, то веселые звуки скрипок, роскошные туалеты знатных дам – служило лишь дополнением, оправой к охватившему девушку чувству. Ее рыцарь был рядом, улыбался ей, а во время танца обнимал за талию, брал за руки, легко приподнимал. Марита не могла отвести глаз от точеного лица, обрамленного золотыми кудрями. За всю свою семнадцатилетнюю жизнь она не испытывала ничего подобного! Девушка не задумывалась ни о том, что скажет отцу, ни о том, что будет завтра. Сегодня она была счастлива и хотела только одного – чтобы эта ночь длилась вечно. К сожалению, Роман не был столь свободен.

Эльф поддался мгновенному порыву и привел Мариту в Большой зал. Они вошли вместе с первыми тактами нового танца, и либер сразу же помчал черноволосую красавицу в лихой майерке⁴⁰. Глядя на запрокинутое к нему прелестное личико, он на мгновение забыл обо всем, но Роман не был бы Романом, если б позволил очарованию праздничной ночи захватить себя полностью. Его отрезвил чужой взгляд – тяжелый, недобрый, настороженный и... безмерно удивленный. Привыкший чувствовать подобные вещи, бард легко обнаружил наблюдателя. Им, разумеется, оказался Михай Годой. Роману не составило труда извернуться таким образом, чтобы его лицо было обращено в сторону Михая. Оказалось, либеру перепадали лишь крохи того внимания, которое тарский герцог уделял Марите.

В устремленных на девушку темных глазах, однако, билось не вожеление, а удивление и... настороженность? С этого мгновения Роман вернулся к своему ремеслу. Да, он продолжал улыбаться и кружить в танце счастливую Мариту, но вроде бы рассеянные и затуманенные страстью синие глаза барда подмечали абсолютно все. Позже он припомнит каждую услышанную фразу, каждый шаг, каждый цветок в волосах придворных красавиц. Нужно во что бы то ни стало понять, чем обеспокоен Михай Годой. Он не отрывает взгляда от Мариты? Прекрасно. Представим девушку Рене.

Марита смутилась, когда Роман, ловко проведя ее между танцующими, остановился у ряда обитых темно-вишневым бархатом кресел, в которых располагались король Марко с детьми и самыми знатными из гостей. Разумеется, бард не осмелился бы подойти при всех к коронованным особам, но Аррой был не менее наблюдателен, чем его новый друг. Раз Роман счел нужным привести сюда девушку, значит, так надо. Эландец учтиво поклонился обомлевшей Марите и представил его величеству Золотой голос Благодатных земель и самую прелестную девушку Гелани (разумеется, о присутствующих здесь принцессах речь не идет!), столь мило угостившую его, Рене Арроя, вином во время церемонии у ратуши. Он просил своего друга разыскать красавицу.

Марита присела в реверансе; стоявший за креслом паж бросился за стульями, король милостиво, но довольно рассеянно кивнул, зато на лицах остальных промелькнули самые противоречивые чувства. Годой на один короткий миг перестал улыбаться. Этого хватило, чтобы Роман понял: тарские что-то скрывают или чего-то опасаются, и это «что-то» связано с Маритой. Зато молодой Марко, позабыв все приличия, воззрился на дивное видение в белых цветах. Лицо принца то краснело, то бледнело, юноша переживал тот же всплеск чувств, что и Марита несколько часов назад, когда впервые увидела рыцаря в синем плаще. Герика, разряженная в тяжелое пышное платье, которое ей удивительно не шло, выглядела испуганной. По тому, как тарскийка косилась на отца, можно было понять – причиной страха было настроение герцога. Годой превосходно владел собой, но дочь слишком хорошо его знала. Самым же странным было поведение Ланки, смотревшей на барда с едва скрываемым бешенством.

⁴⁰ Майерка — бравурный, быстрый парный танец, особенно любимый в Таяне.

В пурпурном платье, с гранатовой диадемой в волосах, принцесса казалась духом огня; яростный блеск глаз и румянец на высоких скулах лишь подчеркивали ее прихотливую красоту. Илана сдерживалась из последних сил, и Роман с облегчением вздохнул, услышав музыку. На этот раз оркестр заиграл медленный плавный танец. Герцог Аррой поднялся и подал руку Марите:

– Разрешите мне.

Девушка подняла огромные глаза на Романа, тот промолчал, и она покорно пошла с эландцем. Юный Марко проводил их отчаянным взглядом. Роман обернулся и встретился с яростным взглядом принцессы. Так вот в чем дело! Бард учтиво поклонился Герике и ее отцу:

– Я прошу дозволения.

– Дозволяю. – Герцог благодушно кивнул. Возможно, внутри его продолжала бушевать буря, но он с собой уже справился. – Платой за этот танец будет ваша песня.

– И правда! – воспрянул Марко. – Пройдемте на Виноградную террасу, только пусть вернется... дядя. Вы ведь споете для нас?

– Разумеется. Прошу вас, сударыня.

Танцевать Герика умела, но делала это без удовольствия. Танец, так же как и богатый розовый наряд, жемчуга и аметисты, не доставлял дочери герцога никакой радости. Либбер изучающе смотрел в набеленное лицо тарскийки, обрамленное уложенными в замысловатую прическу светлыми волосами. Она, видимо, провела немало времени в обществе его знакомого-куафера, но не испытывала радости, нормальной для любой женщины, побывавшей в руках умелого мастера. Девушка старательно выполняла фигуры, но и только. Роман поймал себя на том, что давно не встречал женщины, которая до такой степени его бы не волновала, и чувство это, похоже, было взаимным.

Музыканты опустили смычки, и Роман с чувством облегчения отвел свою так и не сказавшую ни единого слова даму к отцу. Рене с Маритой уже вернулись, и, взглянув на раздувающиеся ноздри Ланки, бард понял, что причину угадал правильно. Принцесса увлеклась собственным дядюшкой! Страстная натура, обожающая оружие, лошадей и рассказы о подвигах и приключениях, не могла не поднять на пьедестал легендарного героя, каковым, без сомнения, был герцог Рене. Что ж, для Эланда это, наверное, хорошо – молодая герцогиня будет во всем помогать Первому паладину, но чем это обернется для них обоих? Роман поклонился королю и, взяв из рук пажа гитару, последовал на террасу. Вокруг Мариты теперь увивался юный Марко, Ланка вошла под руку с Арроем, король сопровождал Герика, оставшийся без дамы Годой благодушно улыбался.

Роман взял несколько аккордов:

– Что бы вы хотели услышать?

– Мы полностью полагаемся на ваш вкус.

– Тогда я буду петь о любви...

6

Шандер Гардани не имел права веселиться, даже если бы хотел.

В последнее время граф не доверял никому, и чем спокойнее была обстановка и беззаботнее окружающие, тем внимательнее становился капитан «Серебряных». В казармах шутили, что молодой Шандер заткнул за пояс старого Лукиана, капитана «Золотых». И действительно, честный и смелый, но бесконечно далекий от «верчения в мозгах», как ветеран именовал все недоступное его пониманию, начальник личной гвардии Марко не видел в веренице событий ничего, кроме скверного стечения обстоятельств. «Золотой» не позволял себе задумываться, «Серебряный» думал день и ночь.

Встреча с Рене и Романом только усилила его подозрительность, одновременно обнадежив – отныне они со Стефаном были не одни. Шандер не сомневался, что Аррой притащил странноватого либера не для того, чтобы слушать его песни. Барды знают и умеют многое, недоступное простым смертным. Впрочем, услышав Романа, Шандер почти забыл о добровольно взваленной на себя ноше – либер пел так, что привычно мрачные мысли отступали, вытесненные искусством певца. Мало-помалу половина придворных переместилась на Виноградную террасу. Песня лилась за песней, время летело к полуночи, когда произошло последнее чудо. На переливчатые аккорды, напоминающие птичью трель, отозвался соловей. Теперь они пели вдвоем – король певчих птиц и непревзойденный Роман Ясный.

Веселые песни сменялись грустными, и Шандер, сам не заметив как, отпустил себя на свободу. Впервые за прошедшие со дня смерти Ванды годы. Граф был близок к тому, чтобы вспомнить, как может быть прекрасна жизнь, но этого так и не случилось. Из мира звуков и стихов его вырвал лейтенант Гашпар Лайда. Выйдя, чтобы не привлекать внимания, вслед за подчиненным, капитан, еще находясь во власти музыки, шепотом осведомился:

– Что случилось?

– Господин капитан, пришли из города, спрашивают вашу свояченицу. Она вроде бы к даненке Белинде отпросилась.

– Да, она здесь, а в чем дело?

– У нее отец умирает.

– Дан Альфред?! Не может быть! Он же днем был совершенно здоров!

– Говорят, удар. Жарко было, говорят, а он в мантии на солнце стоял. Если даненка поспешит, может быть, еще застанет...

– Готовь лошадей. Мы сейчас!

7

Марита сперва не поняла, куда и зачем ее вызывают. Она была так счастлива, что превратить волшебный сон наяву ей казалось святотатством. Девушка едва не притворилась, что не видит родича, но, взглянув на Шандера повнимательней, покорно пошла к выходу. Юный Марко, не отрывавший восторженного взгляда от черноглазой богини, невольно вскрикнул:

– Данна Марита, куда же вы?! Еще так рано!

Роман положил ладонь на струны, мелодия оборвалась.

Марита беспомощно огляделась вокруг и пролепетала:

– Меня зовут.

Марко порывисто бросился к капитану «Серебряных»:

– Дан Гардани, еще так рано! Не уводите вашу очаровательную свояченицу, она здесь под моей защитой!

– Мне очень жаль, ваше высочество, – Шандер был спокоен и краток, – я получил известие, что отец Мариты тяжело заболел. Она должна немедленно вернуться домой.

– Заболел? Он был совсем здоров.

– Марита, надо ехать, там все узнаем.

– Мне кажется, – подал голос Рене, – что мой друг Роман должен вас сопровождать. Он прекрасно разбирается в болезнях, к тому же замечает... некоторые вещи, ускользающие от внимания обычного лекаря.

– Разумеется, я поеду. – Бард ободряюще улыбнулся девушке. – Надеюсь, все закончится благополучно.

Роман ошибся. Когда спустя три четверти часа они въехали во двор эркарда, помощь тому уже не требовалась. Марита молча плакала, не вытирая слез. Дородная домоправительница, громко причитая, сновала по комнатам: там, где кто-то умирает, всегда появляется масса

дел. Шандер с бледным отрешенным лицом гладил свояченицу по спутанным косам. Роман тихо прошел в комнату, где тщательно мыл руки кругленький человечек в оранжевой мантии члена гильдии медикусов.

– Почему он умер? – Роман задал вопрос просто так, чтобы разрушить гнетущую тишину, но ответ заставил либера насторожиться:

– Придется признать, что от удара.

– «Придется признать»?

– Все признаки налицо. К тому же покойник был тучен, любил выпить, покушать. Когда господин эркард впадал в ярость, а такое с ним бывало, ему часто становилось плохо. Мне не раз доводилось ставить пиявки...

– И все же вам что-то не нравится?

– Молодой человек, – лекарь принял важный вид, напомнив о философском жабе, – вы состоите в свите герцога Арроя, не правда ли?

– Правда.

– Почему вы сейчас в этом доме?

– По нескольким причинам, главная из которых – просьба герцога. Дело в том, что я несколько сведущ в медицине, и не только. – Бард сделал красноречивую паузу. – Рене Аррой хочет, чтобы я рассказал ему, что случилось.

– Не советую вам делать это при посторонних.

– Почему?

– Пойдемте.

Они тихо прошли в жаркую спальню, где на пышной кровати с резными столбиками лежал усопший. Мариту увели, врач и бард были одни. Маленький доктор поднял безвольную, еще не успевшую оконечить руку и развел в стороны средний и безымянный пальцы.

– Видите, достопочтенный либер?

– «Святая» метка?

– Уже исчезает. Через час не останется и следа...

– Мне кажется, нам есть о чем поговорить, доктор...

– Медикус третьей степени Симон к вашим услугам.

– Бард Роман че Вэла свидетельствует свое почтение.

– Наслышан, наслышан... И о ваших песнях, и о том, что интересуетесь вы не только музыкой. Не соблаговолите ли отужинать со мной, если это, гм... печальное зрелище не лишило вас аппетита? И если у вас нет более неотложных дел.

– С радостью приму приглашение, но сперва хочу убедиться, что с Маритой все в порядке.

– Девочка уже спит. Тереза дала ей нужное снадобье. До полудня ей не понадобится ни вы, ни кто другой.

– Тогда едем ужинать.

– Чудесно. Я живу не так далеко отсюда...

Глава 7
2228 год от В. И. 16–17-й день месяца Медведя
Таяна. Гелань
Таяна. Высокий Замок

1

Рене лечь не спешил, ему был нужен Роман, а тот странным образом задерживался. Конечно, либер вполне мог остаться с Маритой, но герцогу отчего-то казалось, что этого не будет. По крайней мере сегодня.

Адмирал ждал, пил потихоньку вино и в который раз перебирал события последних месяцев. Новости не радовали, и хуже всего было то, что он, Рене Аррой, не мог понять, что все это, в конце концов, значит и какая роль отведена в происходящем лично ему. Чутье на опасность, не раз выручавшее Счастливчика, орало во весь голос, но откуда и какого удара следует ждать, оставалось неясным. Это бесило. Герцог отбросил изящные щипцы для сахара и поморщился – нельзя давать волю чувствам. Водрузив вещь на место, Рене подошел к окну и распахнул его. Ночной ветерок не мог заменить ветры дальних морей, разве что разбередить память.

Эландец вглядывался в затканное знакомыми узорами созвездий темное небо, вспоминая иные годы и иные небеса. Движение в коридоре заставило адмирала резко обернуться задолго до того, как тяжелая, отделанная бронзой дверь раскрылась, пропуская знакомую легкую фигуру.

Аррой убрал руку с эфеса и обратился к Роману... по-эльфийски. Говорил адмирал, с трудом подбирая слова, путаясь в окончаниях и предлогах, но смертных, овладевших речью никогда не существовавших, по мнению умников из Академии, Светорожденных, либер еще не встречал. Если эландец хотел поразить собеседника, он своего добился. Роман в первый и, возможно, в последний раз в жизни утратил дар речи. Рене же спокойно повторил свою чудовищную фразу:

– Дорогого друга! Надо есть очень немного деловать волибу от злых и больших уха или идти на свежий ночь. Но это хуже много раз – мы увидены быть можем на ненужные человеки.

На сей раз бард ожил. Очертив круг и положив в его центре маленький золотистый камешек, он произнес несколько слов на эльфийском. Камень вспыхнул мягким светом заходящего солнца, осветив все попавшее в границы круга. Воздух наполнили звуки леса – шелест листьев, звон ручейка, переключка устраивающихся на ночлег пичуг. Роман взял герцога за руку и ввел внутрь.

– Я действительно эльф и не стыжусь этого. После... ночи в пуще продолжать это скрывать было глупо, но я как-то привык, что нас нет. А что до предосторожностей... Теперь нас сможет подслушать разве что Проклятый.

– И то хорошо, – откликнулся Рене. – Никогда не был трусом, а в Высоком Замке всегда жили друзья, но снимать кольчугу как-то не тянет. Что с эркардом?

– Яд, и очень нехороший. Не представляю, кому мог помешать бедняга. Завистников вроде бы у него не имелось, жадных наследников тоже. Зато я нашел...

– Лупе, я полагаю.

– Монсигнор ясновидящий?

– Куда мне. Просто колдунья – единственная наша знакомая, которую мы потеряли из виду. Почему она убежала?

– Долгая история и очень обычная. Захочет, расскажет сама.

– Ты хотя бы знаешь, где ее искать?

– Знаю. И у нас появился очень славный друг. Некий лекарь, которого выгнали из Академии за излишнюю приверженность науке.

– Ему можно верить?

– Мне кажется, вполне, Лупе за него ручается.

– Если только мы не ошиблись в Белом Мосту...

– А мы ошиблись?

– Очень надеюсь, что нет. – Герцог задумчиво посмотрел на жабий браслет, но ответа не последовало. – Надо бы узнать, кому помешал бедняга Альфред... Знаешь, мне казалось, что он всегда был эркардом Гелани и всегда им будет... Светлая ему память, добрый был человек, хоть и гордый, не нам чета... Что Стефан?

– Неудивительно, что дворцовый маг-медикус оказался бессилён и списал все на счет простуды. Не знаю, насколько ты силен в магии, тем более эльфийской...

– В медицине я полный профан, разве что кровь остановить смогу.

– Но ты говоришь по-эльфийски.

– Говорил, да и то кое-как. Это память об одном давнем походе. Где меня только не носило... Однажды меня забросило на острова, где жили эльфы, не желавшие иметь ничего общего не только с людьми, но и с себе подобными. Они мне помогли, я прожил на островах пару лет, потом мне удалось вернуться.

– Я много слышал о приключениях Счастливчика Рене, но об этом никогда не говорили.

– Об этом никто не знал. Я дал клятву и держал ее двадцать лет. Сейчас я должен сказать правду, чтобы в свою очередь ее услышать. Итак, я знаю, что эльфы существуют, обладают собственной магией, при этом преследуя разные цели, и что ты – один из них, хотя в тебе много человеческого. Пожив среди Светорожденных, я не могу ошибаться.

– Я – разведчик. Кому я помогаю, долго рассказывать, но пославшие меня озабочены тем, что прочли в старых книгах.

– Ты имеешь в виду Пророчество?

– Звездный Лебедь, вы знаете и *это*?

– Повторяю, я жил среди эльфов. Не знаю всех тонкостей, но у меня ощущение, что над миром подвешен меч.

– Пожалуй, да, если представить, что меч этот как плод. Сначала была завязь, потом этот меч рос, долго рос, а теперь созрел и готов упасть на наши головы... Самое печальное, что мы о нем почти ничего не знаем. Да, были некоторые знамения, упоминавшиеся в Пророчестве, но они говорят о сроке, а не о сути угрозы...

– Что будем делать?

– Разбираться в том, что в состоянии постичь, монсигнор.

– Роман, я второй раз прошу тебя, оставь этикет. Впереди нас ждет Проклятый знает что, а ты строишь между нами стенку. Ты мне можешь рассказать о Пророчестве?

– Я *должен* это сделать. Ты – Первый паладин Зеленого храма, истинный правитель Эланда, твое имя известно в Святом граде, и только ты можешь добиться для меня аудиенции у Архипастыря.

– У Филиппа? Умный человек, но не представляю, чем его святейшество может быть нам полезен. Я не верю, что молитвами мы сможем оттянуть конец света.

– Хвала Великому Лебедю, что он послал нам встречу! Ты в самом деле бесстрашный человек. И ты не слеп.

– Просто я не умею и не люблю молиться. Мы сами отвечаем за себя и за тех, кто слабее нас. Если считать, что мы созданы по образу и подобию божьему, то это не две руки и две ноги, а свобода воли... Конечно, Филипп тебя примет, только что это нам даст?

– Возможность узнать о Пророчестве больше.

– Ты хочешь сказать, что у эльфов нет полного текста?

– Нет и никогда не было. Более того, единого Пророчества как такового никогда не существовало. Это эклектика...

– Понимаю...

– Нет, ты все-таки необыкновенный моряк, Рене.

– Я много повидавший моряк. И я требую, чтобы ты наконец объяснил мне все.

– Изволь. – Роман какое-то время помолчал, а потом медленно начал: – Мне известны шесть вариантов Пророчества, пересказываемые церковниками, эльфами, гоблинами, атэвами, кангами и племенами Черного Сура. Все они по понятным причинам знают лишь что-то одно, причем на каждое истинное слово приходится мешок шелухи, а понятия «белого» и «черного», «своих» и «врагов» у сначала враждовавших, а затем разделенных столь разное, что я не уверен, что сложенная мною и моими союзниками мозаика – правильная. Да и дыр в ней больше, чем хотелось бы.

Что говорит Церковь, тебе известно. Обычная горько-сладкая смесь из угроз и обещаний. По словам Уанна, засевшие в Последних горах гоблины полагают, что уничтожившие истинные святые люди рано или поздно поплатятся. Что после «века сытного лета», когда человечество забудет об осторожности и станет доверчивым, как когда-то гоблины, объявятся «Истинные Созидатели» и вернут себе власть над Таррой. Некоторые люди выживут, но участь их будет столь страшна, что они позавидуют участи вытесненных в горы гоблинов. В этом вроде бы нет ничего страшного – какой побежденный не пророчит несчастья победителям, если бы...

– ...не «век сытного лета», – перебил Аррой. – Последний стоящий ураган над Скалистым мысом случился девяносто восемь лет назад. Примерно тогда же по побережью прошлась гигантская волна, смывшая несколько поселений, после этого море стало добрым. Слишком добрым.

– И я о том же. Неурожаи, нашествия саранчи, землетрясения, суровые зимы – все осталось в прошлом. Церковь говорит, что это потому, что люди не преступают границу Дозволенного и живут в страхе божьем, за что Триединый их вознаграждает. Хаонги придерживаются иного мнения, считая затишье предвестником бури.

– Они правы. Предательств, измен, интриг и прочих грехов в «век сытного лета» стало не меньше, а больше, чем столетие назад. Так что награждать всех людей оптом особо не за что.

– Увы. Теперь суриане. Эти верят, что задолго до Перворожденных мир был населен всякими чудовищами, чьи останки они и сейчас находят в своих лесах. С ними боролись некие существа, весьма смахивающие на богов, которых чернокожие шепотом называют «Многоединые». По каким-то причинам «Великие» ушли. Чудовища же затаились где-то поблизости и ждут возможности вернуться, но открыть им дорогу можно только с нашей стороны, и сделать это непросто. Сперва должен появиться некий отступник, который запустит их в наш мир, что погубит всех, ибо твари эти бездушны, безжалостны и ненасытны.

– Ты полагаешь, «Великие» и «Истинные Созидатели» – одно и то же?

– А ты нет?

– Трудно сказать. Может, да, а может, именно «Великие» как-то изгнали «Истинных созидателей». Гоблины и суриане, насколько мне известно, никогда не встречались. Что думают атэвы и их Баадук, я слышал, а что говорят эльфы?

– У нас нет единства. В эпоху Исхода большинство Светорожденных ушло из этого мира, а от оставшихся отделились те, кого стали называть темными. Оставшиеся в Свете вычеркнули из памяти все связанное с отступниками. Считается, что последние из эльфов-изгоев воспитали могучего чародея, известного нам как Проклятый, победить которого удалось лишь с помощью чуда (как утверждает Церковь) или хитрости (как полагают эльфы).

– Или небывалого предательства, – вставил Рене, в очередной раз поразивший собеседника. – Вероятно, встреченные мной эльфы были несколько... темноваты, но я хорошо помню рассказ одного из них о некоей человеческой женщине, соблазнившей и предавшей на гибель

величайшего мага, надежду эльфов. Предательница не знала, что обрекает на гибель и своих потомков, так как только погубленный ею маг мог противостоять страшному врагу, который рано или поздно уничтожит мир.

– Вот и седьмое Пророчество, – задумчиво произнес Роман – И, возможно, не последнее. Хотел бы я поговорить с твоими знакомыми.

– Я пытался отыскать вновь эти острова, – отозвался герцог. – И не смог. Я, кого называют Первым паладином Зеленого храма...

– Жаль. Что ж, вернемся к тому, что нам доступно. Мои сородичи помнят, что на границах этого мира притаились злобные изголодавшиеся существа, удерживаемые только древним запретом. Существа, на милость которых нельзя рассчитывать. Эльфы были предупреждены Творцом, что он отвращает свое лицо от Тарры и те из любимых чад его, кто добровольно останется здесь, разделят ужасную участь смертных. Если не смогут выстоять в грядущем сражении.

– Значит, надежда остается.

– Значит, остается.

– Роман, послушай, эти легенды ходят по миру не меньше тысячелетия. С чего ты взял, что срок близок, ведь и раньше выдавались плодородные годы и мирные десятилетия. Зачем тебе нужен Архипастырь? Так нужен, что ты предпринял целое путешествие ради «случайной» встречи со мной?

Эльф усмехнулся, но усмешка вышла невеселой.

– Ты страшный человек, Рене. Я никогда больше не возьмусь тебя обманывать. А что до Архипастыря, то лучше один раз увидеть. – Эльф сощурился, словно прицеливаясь, потом взял собеседника за руку: – Теперь на какое-то время моя память станет и твоей.

2

Маг Уанн постучал к Роману, когда солнце запуталось в кленовых ветвях.

– Я слышал, ты завтра уходишь...

– Как всегда. Я привык идти навстречу возвращающимся птицам.

– Хочу попросить тебя об одной услуге. Не возражай, я знаю, что эльфийский разведчик не обязан выполнять просьбу смертного, допущенного в Убежище из милости...

– Не кокетничайте, сударь. Ваша магия немногим слабее нашей, если, конечно, слабее. Заключив союз с Преступившими, клан Лебеда не прогадал, вы это знаете не хуже меня. Как и то, что для меня люди и эльфы в одинаковой цене.

– В отличие от твоей сестры...

– Да, Аутандизель подвержена предрассудкам. Вернемся к вашей просьбе. Ее довольно сложно выполнить, не так ли?

– И да, и нет. Я прошу тебя узнать, не говорят ли в Благодатных землях о Белом Олене.

– О Белом Олене? – Роман, считавший себя знатоком всяческих легенд, был искренне удивлен. – Никогда не слышал ни о чем подобном. Конечно, если бывают белые вороны, волки и даже тигры, может случиться и белый олень, но почему я должен его разыскивать?

– Не разыскивать! Как только услышишь об огромном Белом Олене, ты должен бросить все и известить меня. Возможно, от этого зависит судьба Благодатных земель, да и всей Тарры. Если твоя находка окажется бредом пьяного охотника или уродом-альбиносом, я первый возблагодарю хоть Триединого, хоть Проклятого. Но если мы по недомыслию пропустим появление Белого Оленя, то можем не пережить следующей зимы.

Уанн шутить не любил и не умел, и Роман сразу понял – дело плохо. Спрашивать было бесполезно, маг-одиночка никогда не говорил больше, нежели считал нужным. Разведчик кивнул, полагая разговор оконченным, но Уанн внезапно предложил прогуляться до Лужи.

Лужей Уанн прозвал малюсенькое озерцо на восточной окраине Убежища. Эльфы называли его Зеркалом Залиэли. Даже те, кто не имел ничего против появления Преступивших, были поражены решением местоблюстителя Лебединого трона, отдавшего людям любимое место покойной матери, но время успокаивает даже Светорожденных. В благодарность глава Преступивших Примеро отваживал от Убежища перелетных птиц. Жить в гармонии с полчищами уток и гусей не смогли бы даже любящие все живое эльфы, однако удовольствия от борьбы с пернатými путниками они не получали и с радостью свалили эту обузу на плечи беглых чародеев. Надо отдать справедливость последним, крылатых гостей они отгоняли умело. Исключение сделали лишь для певчих пичуг и нескольких пар лебедей и белых журавлей, что и летом и зимой оставались с эльфами, радуя детей Звезд своей красотой. Впрочем, к Луже ни одна из птиц не совалась. Озерцо, заросшее гигантскими желтыми кувшинками, служило обиталищем лишь стрекозам и множеству лягушек, большую часть года находившихся в состоянии свадебных песнопений. Эльфы это местечко не жаловали, так что Роман и Уанн подошли к берегу никем не замеченные.

Маг уверенно ступил на плотные кожистые листья, сплошным ковром покрывающие водоем. Роман последовал его примеру, живые зеленые плотники мягко пружинили под ногами, предвещая что-то необычное. Двое дошли почти до центра пруда, и листья расступились – блеснула вода. Уанн прикрыл глаза, сосредоточиваясь перед заклинанием, и забормотал нечто невразумительное. Водная гладь подернулась серебром, внутри закружились и затанцевали зеленоватые вихри. Они утихли, и Роман увидел полутемную комнату.

Окна скрывали тяжелые драпировки. Дубовые резные панели и массивный письменный стол создавали обстановку мрачной торжественности. За столом в кресле сидел полный седой человек в светло-зеленом одеянии. Роман узнал Архипастыря и с удивлением глянул на Уанна. Разведчик помнил, что главный клирик Благодатных земель – человек умный и занимается не столько делами небесными, сколько земными, обычно именуемыми политикой, но Белье Олени?!

Маг-одиночка прижал палец к губам, и эльф вернулся к водному зеркалу: разглядеть Архипастыря вблизи было полезно в любом случае. К главе Церкви людей Роман испытывал спокойное уважение. При Филиппе не сжигали ни еретиков, ни книг, не устраивали великих походов, не пытались разнести в клочья уцелевшие языческие постройки. Архипастырь подкармливал художников и музыкантов, стараясь с их помощью сделать церковные обряды красивее и светлее, а причитающуюся Церкви «тринадцатую долю» собирал в основном с людей состоятельных. Поговаривали, что Филипп сведущ в Высокой магии. Это не удивляло. Для того чтобы определить рамки Дозволенного, что входило в компетенцию Церкви, главе последней следовало знать больше, чем положено простым смертным. Филипп знал. Одним словом, его святейшество был человеком достойным, но пути его с тропами эльфов еще не пересекались.

С четверть часа бард рассматривал детали мебелировки. Наконец Филипп очнулся от задумчивости и взялся за стоящий на столе колокольчик. Вошел кругленький монашек в очках и с обвязанным горлом.

– Брат Парамон, мне сообщили, что была предпринята попытка проникнуть в библиотеку.

– Ваше святейшество, сторож поднял тревогу, но злоумышленнику удалось бежать.

– Какой ущерб нанесен?

– Вор вслепую перерыл все помещение. В конце концов ему пришлось зажечь фонарь, свет которого его и выдал. Насколько известно мне...

– А тебе, брат Парамон, насколько известно мне, известно все связанное с библиотекой, – с улыбкой заметил Архипастырь.

Брат Парамон расплылся от похвалы, став до невозможности похожим на симпатичного сурка.

– Ваше святейшество, – доложил сияющий монах, – к счастью, не пропало ничего. Тем не менее я с большой долей вероятности могу предположить, что искал вор. Он рылся в хранилище гравюр в ящиках с литерой «Ж» – «животные», «К» – «Копытные» и «Р» – «Разное». Очевидно, ему была нужна некая гравюра с изображением копытного животного, но в необычном ракурсе. Не лошади и не мясного скота. «Лошади» и «Скот» у меня хранятся отдельно (вы же знаете, что кардинал Мирийский интересуется породистыми лошадьми, а Его Высокопреосвященство Иоахиммиус занимается мясными животными). Лично я готов предположить, что искомым предмет – старинная гравюра, выполненная в так называемом стиле темных эльфов и не имеющая аналогов. Это очень ценный экземпляр, и я не рисковал хранить ее в общем зале. Она находится в моем рабочем кабинете, куда вор не добрался.

– Принесите ее.

Роман взглянул в лицо мага; оно оставалось бесстрастным, зато на лице Архипастыря отчетливо читались тревога и нетерпение. Брат Парамон вернулся, торжественно неся потертый футляр черного сафьяна. Филипп торопливо отбросил крышку, и перед ним (и двумя сторонними наблюдателями) предстало изображение Белого Оленя.

Великолепное животное, увенчанное короной сияющих рогов... раздирало клыками человеческое тело. На заднем плане дымились развалины, а в море на всех парусах уходил корабль.

Архипастырь долго не мог оторвать взгляда от изображения. Наконец он резко повернулся:

*– Брат Парамон, я прошу вас забыть об этой гравюре. Я позабочусь, чтобы **никто**, вы слышите, **никто** и **никогда** ее не увидел. И, кстати, почему в вашем каталоге она не числилась ни под литерой «Ж», ни под литерами «К» и «Р»?*

– Ваше святейшество, она принадлежала ее святейшеству Циале и была ею собственноручно зарегистрирована на литеру «П» – «Пророчества»...

3

– Такие дела, Рене, – тихо сказал эльф. – Уанн, лучший из живущих магов, что б там ни говорил Примеро и его дружки, по каким-то лишь ему ведомым причинам наблюдал за Архипастырем и подслушал этот разговор. Старик, конечно, что-то скрывает, но и сказанного вполне достаточно, чтобы добиваться встречи с Архипастырем.

Рене Аррой молчал, прикрыв глаза. Возможно, он и был поражен, но на породистом лице не дрогнул ни один мускул.

– Филипп тебя примет, но сначала надо понять, что творится под нашим носом. Что со Стефаном?

– Для начала скажи – если ты столкнешься с чем-нибудь, что можно объяснить только чудом...

– Если других объяснений не будет, соглашусь на чудо.

– В таком случае придется согласиться с тем, что Стефан стал жертвой колдовства, но колдовства, совершенно чуждого человеческому или нашему. Гоблины и сурианская нелюдь здесь также ни при чем. Я никогда не сталкивался ни с чем подобным. Разговоры о простуде или простой порче – бред. Говорю как медик и маг.

– При этом Стефко не может ходить, а болезнь медленно, но верно его догрызает...

– ...и по ночам ему снятся кошмары, которые он не помнит. Я заглянул в сознание Стефана. С его разрешения, разумеется. Обычно ужасы гнездятся в нас самих, но у твоего племянника удивительно твердая и ясная душа. В ней нет ни злобы, ни безумия. Я нашел едва

заметные следы эльфийской памяти крови – кто-то из его, а может, и твоих предков был Светорожденным; самой же сокровенной тайной принца является любовь к дочери Годоя.

– Это как раз ни для кого не тайна, хоть мне его и не понять... Такая женщина может вызвать жалость или удивление, но никак не любовь.

– Стефан ее любит. Но к его болезни бедняжка не имеет никакого отношения.

– Ты все же недоговариваешь...

– Скорее, готовлю к «приятной» новости. Я усыпил Стефана, и... вот тут-то я и поймал их за хвост. Когда принц уснул, его сознанием и его телом тотчас же попробовала овладеть какая-то сущность, непонятным мне образом вцепившаяся в его астральное естество. Это нечто до такой степени чужеродное, что я едва его не упустил. Оно пытается полностью подчинить Стефана...

– И? – Украшенная браслетом рука с треском переломила изящный стилет.

– Единственным объяснением болезни я считаю то, что принц, сам того не понимая, противится превращению в чудовище, несущее гибель всему, что он любит. Потому-то он и дал своему телу не осознанный им самим приказ – «умри!». Стефан жертвует собой, как если бы он, будучи болен чумой, бросился в костер, чтобы предотвратить эпидемию. Повторяю, твари не повезло: у принца слишком сильная воля, он умрет, но не подчинится...

– Похоже на правду. Что будем делать?

– Я постарался воздействовать на эту тварь всеми имеющимися у меня средствами, но это то же, что идти с таким ножичком, – эльф тронул пальцем останки стилета, – на медведя.

Герцог оценивающе сощурил глаза:

– Ну, если сразу вогнать куда нужно...

– Я постарался сделать именно это, но я боюсь. Откуда «оно»? Как и почему прицепилось к Стефану? Одно или нет?

– Это не могут быть те самые демоны, которых вроде бы наловчилась изгонять Церковь?

Роман с отвращением махнул рукой:

– Если сравнивать это... эту сущность с голодными духами, которые сдуру вселяются в людей, можно додуматься до того, чтобы переплыть море в дырявом тазу...

– Извини, я не разбираюсь в таких делах.

– Это ты извини. Как ни странно, в чем-то ты прав – церковный обряд не помешает, но больше всего я надеюсь на Стефана. Я рассказал ему все, он меня понял и мне поверил. Теперь вся его воля будет направлена на то, чтобы удерживать тварь на цепи. Кроме того, я объяснил твоему племяннику, как запоминать сны. Узнай мы, отчего Стефан кричит ночами, мы многое поймем... Сейчас главное – выяснить, что это за мразь... Знаешь, Рене, судьба принца вполне может быть наказанием роду людскому, о котором вещали все, кому не лень. Что могло бы произойти, окажись Стефан человеком слабым, мне и подумать страшно!

– Тебе надо задержаться тут и понаблюдать за этой тварью, а заодно и за остальными жителями сей обители. Если мне не изменяет память, всяческие, как ты говоришь, «сущности» впиваются в человека или когда тот сам по глупости их вызывает, или же когда их на него натравят...

– Вижу, ты не тратил времени зря на таинственных островах. Конечно, попробуем разобраться. Кому мог мешать Стефан? Почему эту тварь спустили именно на него?

Рене помолчал, видимо обдумывая, с чего начинать.

– Я расскажу тебе сперва, что знаю, а потом – что думаю. Королю Марко зимой исполнилось шестьдесят три. Я знаю его тридцать с лишним лет. Первый раз я увидел таянца, когда сопровождал Акме в Гелань. – Аррой на мгновение запнулся. – Мужа сестра никогда не любила, но, насколько мне известно, была ему верна. Марко жену обожал, у них родилось три сына и две дочери. Принца Марко и принцессу Илану ты видел.

– Удивительная девушка...

– Ланка – любимица отца и братьев и совсем не похожа на покойную сестру. Лара была мягче, нежнее, а Ланка удалась в отца – своенравна и готова постоять за свое счастье. Она предпочитает гонять дичь по лесам, а не кокетничать в дворцовых залах, и не мне ее за это судить. Я в ее годы двор тоже не любил. Осенью я увезу Илану в Идакону, она станет великой герцогиней Эланда, хотя заслуживает лучшей участи. Мой племянник слишком много пьет и слишком мало думает, чтобы быть достойным такой жены. С другой стороны, Ланка достаточно умна, она будет хорошей герцогиней...

Адмирал задумался, перебирая бахрому скатерти. Роман его не торопил. В который раз его приводила в недоумение внешность адмирала. Родословная владык Эланда была известна – предки Рене были людьми, пусть и выдающимися, на первый взгляд никаких загадок... И тем не менее точеные кисти рук, неистово-голубые чуть раскосые глаза, уже доказанная примесь эльфийской крови в племяннике, дружба с загадочными островными эльфами (с этим надо разбираться особо), странные слова болотницы – все это заставляло задуматься.

– Лара – Илария Ямбора, – Рене оставил в покое скатерть и как ни в чем не бывало вернулся к прерванному рассказу, – очень походила на мать. Долг для нее был превыше всего, и она без колебания вышла за Эгона Лиддского. Брак оказался удачным. Смерть Лары кажется естественной, если позабыть о том, что женщины в нашем роду обычно здоровы. По крайней мере я не припомню, чтобы кто-нибудь в семье Арроев или Ямборов умер родами.

– Ребенок выжил?

– Нет. Теперь сыновья. Стефана ты, похоже, теперь знаешь лучше, чем я. Скажу только, что никто не сомневался, что он будет достойным королем. Сейчас ему тридцать два. В двадцать семь он по настоянию отца женился на племяннице арцийского императора Марине-Митте. Я был на свадьбе, так что могу засвидетельствовать – пару красивее вообразить трудно. Митта очень быстро стала звездой Гелани, оттеснив даже Ланку. О, арцийка великолепно играла роль супруги наследника. Митта и Стефан производили впечатление очень счастливых и довольных друг другом, пока не началась история с Зеноном.

– Средним братом?

– Да. Зенон вырос изрядным шалопаем; слава о его выходках вышла далеко за пределы Таяны. Когда число бастардов стало угрожающим, а принц с молочниц и горничных перешел на девиц благородного происхождения, Марко решил принять меры. Чтобы «сокровище» остепенилось, ему просватали единственную дочь старого союзника и друга короля Герику Годойю.

– Герика... Странное имя для принцессы. На староэльфийском «гэрикэ» означает вереск. Она, наверное, родилась осенью.

– Да, в месяц Волка, а что до имени... В Тарске, знаешь ли, смешались все легенды и сказки, которые когда-либо были в Благодатных землях. Церковь и та вынуждена с этим мириться. Просто к любому не каноническому имени клирики добавляют Мария или Анна, и все в порядке, так что на самом деле бедняжка Мария-Герика...

Тарска вообще странная земля. Три ее четверти занимают Последние горы, а коренных тарскийцев могут считать людьми только придурки из Академии. Что до меня, то я моряк и гор не люблю, они слишком любят загораживать горизонт, но Таяне они нужны.

Марко хочет, чтобы союз Таяны и Тарски сохранился и после смерти нынешнего герцога. Ведь преемник Михая, став властителем пусть небольшого, но крайне удачно расположенного государства, смог бы требовать с Таяны тройную цену.

– Драгоценные камни, руды, шкуры, древесина, которую сплавляют по рекам гоблины...

– Здесь предпочитают называть их горцами...

– Понимаю. Мы сейчас опять отвлечемся.

– О Герики я знаю мало, она не из тех, на кого обращаешь внимание. Безропотна, послушна и неинтересна, несмотря на сносную внешность и роскошь, которой ее окружал отец. Говорят, Михай не хотел отдавать дочь Зенону. Годой предпочел бы старшего из братьев,

однако Стефан к тому времени уже был женат, но детей у него не случилось. Нет и сейчас. Эта поганка Митта хотела блистать при дворе, а не рожать.

– Стефан болен и бездетен. Кого в Таяне считают следующим наследником?

– Зенона, но он пропал. По закону он жив, пока три свидетеля под присягой не подтвердят, что видели его мертвым, или пока не пройдет двенадцать лет. Это не так уж и страшно. Марко-старший может прожить еще лет двадцать, он здоров и крепок. Прежний король умер в девяносто шесть.

– Как пропал Зенон?

– Я знаю не так много. Узнав о предполагаемой женитьбе, Зенон вскинулся на дыбы, но когда невесту ему все-таки показали, сменил гнев на милость. Как мне рассказывал Марко, Зенон казался влюбленным и даже торопил со свадьбой. Если он и притворялся, то делал это весьма искусно, а среднего из братьев Ямборов можно было обвинять в чем угодно, только не в лицемерии.

– А невеста?

– Герика, как всегда, была покорна. Жених выглядел нетерпеливым. Надо сказать, что ниточка между Герикой и Стефаном протянулась сразу же, а Ланка, не жалующая Марину-Митту, во всеуслышание заявляла, что лучше бы королевой стала тарскийка. Я, впрочем, считаю, что курица на троне не лучше козы...

– А что делал Стефан?

– С первого дня играл роль старшего брата и благородного рыцаря. Впрочем, они и виделись-то всего ничего, Годой до свадьбы увез дочь в Тарску. До венчания оставалось два месяца, когда забросивший своих подружек Зенон засобирался в гости к невесте. Тайны из этого не делали: весь замок видел, как принц с друзьями, оруженосцами и тремя десятками воинов ускакал по Тарскийскому тракту. Его ждали через месяц, но он не вернулся. Не вернулся никто. Поиски оказались напрасными, след терялся после развилки дорог, одна из которых вела в Тарску, другая – в Арцию. О разбойниках в тех краях давно не слышали, да и справиться с отрядом Зенона могла лишь добрая сотня клинков. Никаких ураганов и паводков не было, земли там паханные-перепаханные – ни лесов, ни болот.

Естественно, все подумали, что принц сбежал от семейных радостей, а эскорт подался на поиски приключений вместе с ним. Марко пришел в бешенство от выходки сына, но о нем самом не волновался. Чтобы загладить мерзкий поступок, он пригласил Герика в Таяну. Ее привезли, и тут тарскийка неожиданно-негаданно стала любимой и единственной подружкой взбалмошной Ланки, уговорившей «сестричку» перезимовать в замке.

– А как случившееся восприняли Стефан и его супруга?

– Стефан никак не мог прийти в себя после поступка Зенона и, мне кажется, продолжал поиски, когда все отступились.

– Он что-нибудь нашел?

– Спроси сам, вы же теперь друзья.

– Действительно. А Марина-Митта?

– Эта Герика ненавидела. То есть ненавидела-то она Ланку, но с принцессой были шутки плохи – могла и хлыстом протянуть, а уж язычок-то у нее и вовсе змеиный. Годойю Ланка взяла под свое крыло, думается, из-за ее беззащитности. Девочка никогда ни на что и никому не жаловалась, вот Митта и принялась ее изводить, когда этого не видели. Однажды рядом случился Стефан. Что между супругами произошло, никто не знает, но вечером Митта перенеслась в отдельные покои. Марко же пригласил в замок своего троюродного племянника, владельца Гварского плоскогорья... Гергей прекрасно понимал, что ему предлагают загладить выходку Зенона, но согласился с радостью – он и мечтать не смел о столь выгодной партии. Герика ко второму суженому относилась так же, как к первому, – покорно и равнодушно. Жених, будучи старше невесты лет на пятнадцать, ждал свадьбы с удовольствием, но ему

судьба готовила другой обряд. Во время осенней охоты беднягу понесла лошадь. Гварец был наездник каких поискать, однако в седле не удержался. Он умер мгновенно, ударившись об оледеневший валун. Кто-то решил сорвать зло на коне, за беднягу вступилась Герики, и Стефан распорядился отвести помилованного жеребца на конюшню.

– Я поговорю завтра со старшим конюхом.

– Изволь. Я должен был сам догадаться. Начало зимы ознаменовалось новым несчастьем. Девчонки умудрились провалиться под лед. Ланка наверняка бы выбралась, но Герики тонула. Стефан, наблюдавший за подругами с берега, бросился их спасать, все кончилось благополучно, но после «купания» принц слег. Истинную причину знаешь только ты.

– А что Митта?

– Красотка не собиралась сидеть у изголовья больного мужа. Он, впрочем, также не горел желанием ее видеть. Неудивительно, что ранней весной Митту обнаружили в постели с одним придворным. Разразился скандал. Жене наследника по всем канонам грозила казнь или, самое малое, монастырь, но Стефан ее отпустил, отписав Базилеку, что, поскольку врачи и астрологи в один голос утверждают, что до конца своих дней он будет прикован к постели, он просит развода, дабы не губить вместо одной жизни – две.

Узнавший от своего посла (кстати, умелого шпиона и неплохого человека) истинную причину разрыва, Базилек, а вернее, его многомудрый зять не только безропотно принял опозорившуюся дуру, но даже прислал в Таяну отступного. Теперь Герики просиживает целыми днями у кресла Стефана, и, похоже, несмотря на несчастье, им вместе хорошо. Даже самые отъявленные сплетники не смеют бросить в них камень. Более того, девочка первый раз в жизни проявила характер, отказавшись от найденного отцом и Марко очередного жениха.

Годой, кстати, теперь тоже живет тут. Вместе с Марко они гадают, слать ли посольство к Архипастырю, испрашивая благословения на брак Герики и Стефана, или же принц не жилец и не успеет гонец одолеть половину пути, как все будет кончено. К тому же развод был дан Церковью из-за невозможности Стефана исполнять супружеские обязанности.

– Теперь мы знаем причину болезни, а значит, у Стефана появился шанс...

– Значит, Архипастырь пойдет навстречу, хотя тесный союз Эланда, Таяны и Тарски может окончательно добить Арцийскую империю. Правда, я готов старушку не трогать, – Рене усмехнулся, – пока ты не поймаешь своего оленя.

– И все-таки что собой сейчас представляют, если так можно выразиться, наследники наследника?

– Ланка, как женщина и как будущая великая герцогиня Эланда, не имеет прав на таянский престол. К тому же девчонка ненавидит все связанное с придворными церемониями. Она мне заявила, что отдуваться в Идаконе за нее придется мне, раз уж мы не воспитали путного герцога, а ее дело – гонять белых лисиц. По закону Стефану наследует Марко-младший, которому сейчас семнадцать. Он – милый паренек, но говорить о его талантах я не рискнул бы.

– Рене, тебе не кажется, что все крутится вокруг Герики?

– Побери меня Проклятый! – Адмирал удивленно сверкнул глазами. – Да я скорее поверю, что человек оцарапал кошку, чем в то, что в глупышке есть какое-то зло!

– Я не говорю, что зло в ней. Оно может быть вокруг. И еще меня волнует Зенон. Куда делся целый отряд? А эти несчастные случаи...

– Случай?

– Случай. Ведь девчонки как-то оказались в полынье.

– Но если можно «уронить» человека с коня или спустить под лед, зачем таинственное исчезновение?

– Надо, пока не поздно, получше расспросить слуг.

– Это нетрудно, но чаще всего самое простое объяснение и есть самое верное. То есть Зенон отправился путешествовать, Гергея сбросила перепуганная лошадь, а лед был слишком тонок.

– А Стефан?

– Тут я молчу. Но связано ли все друг с другом?

– Связано, Рене. Ты сам это прекрасно понимаешь... И еще. Когда ты говорил мне про кого-то, от кого «разит злом», ты думал про Годоя?

– Да. Я его давно ненавижу, хоть и не могу объяснить почему. Тарска всегда была верным союзником. Мне хотелось бы думать, что причина в том, что моряки и горцы так же чужды и неприятны друг другу, как кошки и собаки, но к другим тарскийцам я ничего подобного не испытываю.

– Дело не в том, что он горец. В нем в самом деле есть нечто до предела отталкивающее. Михай лжив и жесток, к тому же он неплохо смыслит в магии, уж в этом-то я не ошибаюсь. Вопрос в том, имеет ли он отношение к исчезновению Зенона и смерти Гергея, а если да, зачем ему это нужно.

Роман поднялся, и светящийся круг погас. Тотчас же утихли и лесные шорохи и шумы. Они вновь стояли в роскошной гостиной, громко рассуждая об охоте и таянских традициях. Затем эльф вытащил из потайного кармашка два темно-красных шелковых шнурка и прикрепил их по обе стороны двери. Шнурки зашевелились как живые и прилепились к стене, в точности повторяя прихотливый орнамент, после чего стали менять цвет, пока не подладились под обивку. Теперь даже самый внимательный наблюдатель их бы нипочем не заметил. Роман удовлетворенно оглядел дело рук своих.

– У Стефана я оставил такое же украшение, – шепнул он. – Теперь без нашего разрешения никто сюда не войдет и отсюда не выйдет.

– А слуги?

– Придется им исполнять свои обязанности в присутствии Димана. Я думаю, он не откажется проследить.

– Не то слово. Ему тоже не нравится происходящее в Высоком Замке. А я его суждениям верю...

– И я тоже, – подытожил молчавший до сего времени Жан-Флорентин. – Я выслушал все, что здесь говорилось, и беру на себя смелость утверждать – мы оказались в центре политического заговора. А раз так, заговорщики себя вскоре обнаружат. Кстати, я уже говорил Рене, что в вино были добавлены посторонние вещества. Очень слабый яд, который вызывает общую слабость, ломоту в костях и глубокий сон с кошмарами.

– Но кому было нужно нас усыплять?

– Я считаю гадание бесполезным занятием. Это мог быть кто угодно, имевший доступ или к вину, или к отведенным вам покоям. На вашу жизнь пока не покушались, но тем не менее я привел вино в порядок.

– Мне кажется, тот, кто попытался нас усыпить, скоро появится, – предположил адмирал, – иначе зачем бы ему понадобилось портить вино?

– Тогда лучше лечь, – отозвался бард, освобождаясь от серебристой парадной одежды.

– А как же наш отравитель?

– Кто бы он ни был, он вряд ли появится, пока мы подаем признаки жизни. К тому же я принял кое-какие меры... Да и Жан-Флорентин будет настороже.

– Уговорил, – откликнулся Рене, снимая колет. – Я был бы очень благодарен этому негодяю, если б он подождал до утра, я просто с ног валюсь. – Герцог отбросил меховое покрывало и обернулся к Роману: – А как он, кстати, сюда зайвится? Насколько я знаю, в этих комнатах потайных дверей нет, а в передней комнате караулят наши люди.

– Самому любопытно. Я, когда ты был у Марко, все проверил: прокрасться сюда – задача почти невыполнимая.

– Но ведь зачем-то нас решили усыпить. Раз сюда нельзя проникнуть, когда двери заперты изнутри, остается одно. – Рене вскочил и принялся лихорадочно высекать огонь. – Они не хотят, чтобы мы им где-то помешали. – Эландец зажег свечу и взялся было за сапоги, но передумал. – Пойдем разутыми, а то еще услышит кому не следует. Гардани наверняка в городе с Маритой...

– Вот и ответ, почему понадобилось травить безобидного эркарда. Капитан «Серебряных» не мог не остаться со свояченицей, нас, как они считают, усыпили. Стефан – калека. Словом, приходи и делай что хочешь...

– А вот этого не будет! – Герцог, забыв, как только что мечтал о нескольких часах сна, торопливо застегивал неприметное темное платье.

– Куда и как? – Роман деловито пристроил на перевязь четыре метательных ножа и выжидательно глянул на друга.

– Для начала растолкаем Лукиана и обойдем дворец. А там поглядим. – Эландец тронул было плечо расположившегося в прихожей Зенека, но передумал. – Спит мертвым сном. Ну и пусть. На твои заклятия можно положиться?

– Пока не сбоили.

– Ну и славно. Стражу оставим здесь, чем меньше народу, тем больше возможностей их поймать.

4

Эльф и маринер крадучись выбрались в пустой коридор. Стоял самый глухой час ночи, когда спят все: и утихомирившиеся ночные гуляки, и встающие до света труженики; даже собаки и те в это время затихают. Время для злодеяния было самое подходящее, но крик все равно прозвучал неожиданно. Это был даже не крик, а дикий булькающий вой, вырывающийся из глотки погибающего животного.

– Похоже, у Стефана! – Лицо Рене стало жестким. – Мы должны успеть!

Они бегом мчались по лестнице, расталкивая спешащих «Серебряных» и понимая – не успевают! Поворот. Лестница, еще поворот... Двери в комнатах принца распахнуты, внутри слышатся голоса, мерцает пламя светильников. Они не первые, кто примчался на крик.

Опередившие Романа и Рене гвардейцы растерянно толпились посреди спальни. Стефан был невредим, но возле двери дергалась и извивалась оплетенная багровыми лозами фигура. Верней всего, именно это существо и кричало, но сейчас вопли смолкли, сменившись приглушенным хрипом. Расталкивая стражу, вбежал Лукиан, влетели взлохмаченный младший принц и Илана, следом появился король. Марко недолго думая выставил лишних и только потом поинтересовался:

– Что это?

– Красная стража, ваше величество, – объяснил Роман, вовремя вспомнивший, что на «ты» он только с Рене и Стефаном и знать об этом не обязательно даже королю. – Я полагал, что его высочеству грозит опасность, и с его разрешения и по просьбе герцога Арроя постарался защитить принца.

Король, прищурившись, рассматривал дергающийся кокон.

– Мы можем увидеть лицо?

– Разумеется. – Эльф выкрикнул короткое, резкое слово, и щупальца стали разматываться и словно бы таять, обнажая добычу. Это был темноволосый человек в порванной и перемазанной одежде из дорогих тканей. Лицо скрывала кожаная маска, а в правой руке ночной гость сжимал кинжал, который так и не смог выпустить – красные змеи намертво прикрутили

пальцы убийцы к рукояти. Рене обернул руку плащом и вырвал оружие из скрюченных пальцев с черными обломанными ногтями.

– Хотелось бы узнать, кто не в силах дожидаться, когда я умру своей смертью. – Стефан говорил очень спокойно. – Он воспользовался тем, что этой ночью я ухитрился заснуть. Интересно, где дежурный лекарь? Меня всегда раздражало его присутствие. Забавно будет, если он удрал в единственную ночь, когда мог быть полезен.

– Он тут, – откликнулся Лукиан. – Лежит в малой прихожей. Его умело зарезали, бедняга вряд ли понял, что происходит...

– Значит, цель нашего гостя сомнений не вызывает...

– Похоже... Думаю, самое время посмотреть, кто же нас осчастливил. Марко, не возражаешь? – Адмирал рывком содрал маску и отпрянул, будто увидев привидение.

Открывшееся лицо было молодым и красивым. Высокие скулы, волевой подбородок, надменные брови... Убийца одновременно напоминал короля Марко, Стефана и, как ни странно, самого Рене. Имя еще не было произнесено, но Роман уже знал – перед ним исчезнувший принц. Жених Герики, младший брат Стефана.

Первым опомнился король. Марко набросился на блудного сына с яростью, подтвердившей его юношескую кличку Скаженный.

– Как ты мог, подонок?! Стефко тебя всегда защищал, а ты... Поднял руку на брата, на больного... – Король приоткрыл дверь: – «Золотые»! Взять. В железа!

– Постой, отец, я его не оправдываю, но, может быть, он скажет...

– Да что он может сказать?! Трус!

– Нет, ваше величество, – Роман заговорил тихо и грустно, – не трус. И не подлец, и не предатель. Он тяжело болен, чтобы не сказать больше. Собственно говоря, от вашего сына осталось только тело, а душа... Душа подчинена чьей-то воле. Он ничего не скажет, по крайней мере сейчас.

– Ты можешь помочь?

– Не уверен, но попробую. А пока отведите его куда-нибудь и не спускайте глаз. Все, что есть в человеке животного, у него в порядке, потому он и кричал, когда попался. Насколько я понимаю, настоящий Зенон не стал бы убивать спящего и не растерялся бы, если б его схватили... А оставшаяся оболочка, она будет есть, пить, спать, желать женщин, но не говорить и не думать... Пока мы не вырвем его из его сна или пока он не сделает то, за чем пришел, он останется таким.

– Но для чего он пришел?

– Думаю, ему велено убить брата.

– Кем?!

– Если бы я знал. Надо проследить путь его отряда, тогда мы, возможно, что-то и пойдем.

– А сейчас? Что можно сделать сейчас?!

Роман взглянул на почти сломленного старого человека и как мог мягко ответил:

– Я попробую подслушать того, кто держит его душу. Если повезет, мы узнаем тайные мысли, владевшие мерзавцем, пока творились заклятья. Отойдите все.

Они отошли. Даже Рене шагнул назад. Роман приблизился к пленнику и очертил себя и его тройным кругом. Теперь положить обе руки на плечи Зенона, пристально взглянуться тому в глаза и...

Время словно остановилось. Вламываться в чужой враждебный мир, используя как проводника полностью поработанное чужой волей человеческое существо, было делом опасным, тяжелым и болезненным. Роман чувствовал, как по его собственному лбу текут капельки пота, виски сжимала пульсирующая боль, перед глазами замелькали острые цветные вспышки, но он терпел, хоть медленно, но продвигаясь к цели. Когда эльф понял, что забрался слишком далеко и пора остановиться, если он не хочет закончить жизнь идиотом с текущей изо рта слюной,

Зенон зашевелился. Тупое выражение на его лице сменилось озабоченным, в глазах вспыхнул неприятный огонек. Еще мгновение, и с губ принца слетела странная фраза:

– Зажигать Темную звезду – не гоблинов дурачить. Время, проклятое время! Осень близится, а сколько еще не сделано. Бледные волнуются, да и впрямь сколько можно тянуть! Варгх хродэ, она...

Взгляд Зенона вновь стал пустым и диким, потом глаза закатились, принц вскрикнул и затих.

– Он жив? – первым очнулся Стефан.

– Если это можно назвать жизнью. Сейчас его можно унести.

– А тот... то... – Король явно не знал, как назвать их незримого врага.

– Он не прорвал мою защиту, но все обернулось хуже некуда. Мы почти ничего не узнали, зато он наверняка понял, что Зенон в наших руках и что в замке объявился кто-то, разбирающийся в магии.

– Это не так уж плохо, пусть знает, что мы во всеоружии. Проклятый, надеюсь, этой ночью больше не случится ничего, тем паче она на исходе. Я приказываю всем отдыхать. – Марко прошел к выходу первым. На оставшихся король не оглядывался.

– Он прав. – Рене положил руку на плечо племянника: – Доброй ночи, Стефко, мы придем завтра. Пошли, Роман, я уже ничего не соображаю.

Бард, едва державшийся на ногах, с благодарностью оперся на плечо адмирала, который почти на руках поволок эльфа из комнаты. Последнее, что заметил Роман в покоях принца, – искаженное ужасом лицо наследницы Тарски. Захваченный астральным поединком, бард даже не заметил, откуда и как она появилась... Задержался и Лукиан. Капитан «Золотых» был изрядно встревожен:

– Мой принц, я настаиваю на том, чтобы удвоить охрану!

– Зачем? Стражи Романа стоят целого отряда, к тому же отец прав, второй раз в одну ночь он не посмеет. Хотя знаете что? Прошу вас подождать в прихожей. Мне нужно поговорить с Герикой.

Глава 8

2228 год от В. И. 17-й день месяца Медведя

Таяна. Высокий Замок

Роггский тракт

1

Солнце вовсю светило в узкие окна с причудливыми витражами, по наборному паркету плясали радужные пятна. Роман с наслаждением потянулся и привстал на локте. Все было спокойно. Герцог еще спал, и, судя по ровному, глубокому дыханию, спал глубоко. Бард соскочил со своего ложа и, стараясь не шуметь, принялся собираться.

– Не волнуйся, он не проснется еще около четырех часов.

– Проклятый меня возьми, это ты?!

– Разумеется, я. – Жан-Флорентин был очень доволен собой. – Я уже перешел с адмиралом на «ты» и готов перейти на «ты» с тобой, а Рене должен отдохнуть. Люди, знаешь ли, очень хрупкие существа, даже лучшие из них. Им столько нужно, чтобы чувствовать себя хорошо... Вы, эльфы, сделаны намного рациональнее, при необходимости можете не спать, не умираете без веских на то причин, видите в темноте... Вчера ты истратил столько сил, что, будь ты человеком, два дня провел бы в постели, а ты уже на ногах. Нет, порода – это порода!

– Ты нам льстишь. – Роман вытащил костяной гребешок и занялся своей шевелюрой. – Жан-Флорентин, а откуда ты знаешь, сколько Рене еще проспит?

– Если вчера я убрал из вина яд, то утром, когда вы вернулись, я считал, что снотворное будет очень полезным. По крайней мере для человеческого организма...

– Ну и хитрец!

– Я не хитрец, просто я в ответе за здоровье моего друга. Если о нем не позабочусь я, этого не сделает никто.

– Ты великолепно с этим справляешься. Судя по всему, мне тут нечего делать. Я с твоего позволения умоюсь, а потом попробую поговорить с Шандером Гардани о Зеноне.

– Вполне разумно, – милостиво одобрил философский жаб. – Хотя расследование лучше проводить по горячим следам.

Роман возвел очи горе и, усмехаясь, вышел из спальни.

2

Капитана «Серебряных» эльф без труда разыскал у Арсенальной башни. Шандер тепло поздоровался с гостем и предложил осмотреть крепость. Они медленно пошли по стене: Гардани предпочитал разговаривать на продуваемых всеми ветрами стенах, бард нашел эту предосторожность весьма разумной, и собеседники неторопливо побрели к Монетной башне, поглядывая на едва различимую под горой Гелань. Небо над замком было ясным, но внизу еще держался ночной туман. Белесая мгла потихоньку таяла, распадалась на клочья, отползая совсем уж в укромные уголки. Из редющего марева проступали черепичные крыши и увитые диким виноградом и плющом стены; нестерпимым блеском заиграла вздувшаяся от прошедших в горах дождей Рысьва, даже серые камни цитадели в весенних лучах начинали светиться серебром.

День обещал быть жарким, но утренняя свежесть делала пребывание на стенах весьма приятным и объяснимым. Роман взгляделся в умное и встревоженное лицо спутника и заявил без обиняков:

– Вчера по просьбе герцога Рене и с согласия Стефана я осмотрел принца. То, что я сейчас скажу, знают только Рене и Стефан.

Шандер подался вперед, в темно-карих глазах зажглись острые огоньки:

– Яд? Порча?

– В известном смысле да. – Роман задумался, не представляя, как рассказать воину о вещах, которые он и сам понимал не до конца. К счастью, Шандер двенадцать лет командовал личной гвардией наследника и разбирался в интригах и болезнях лучше, чем могло показаться на первый взгляд.

Капитан догадывался, что принца терзает нечто необъяснимое, от которого не избавиться, пока не найдешь причину. То, что привезенный эландцем (а Рене граф доверял как себе) бард балуется волшебством, начальника «Серебряных» несколько не пугало. Раз с магами могут совладать только маги, значит, даешь колдуна! От Церкви в этом проку мало – одни разговоры о грехах да чудесах.

То, что исчезновение Зенона и несчастье с принцессами и Гергеем не были случайностями, подозрительная натура Шандера чувяла и раньше, а ночное покушение показало, что либер не новичок в колдовских делах. Поэтому граф с готовностью рассказывал гостю не только то, что знал, но и то, о чем догадывался. Романа интересовал Зенон. Шандер же по просьбе Стефана проследил путь пропавшего отряда от заурядного начала до таинственного конца.

Как выяснилось, жених торопился, с пути не сворачивал, останавливался ровно на столько, сколько требуется, чтобы накормить людей и лошадей. Никаких подозрительных

встреч, никаких отлучек. Проезжая городок Гжижец, известный на все Благодатные земли фигурками из цветного стекла, принц задержался, покуда лучший мастер в его присутствии не выдул несколько игрушек с гербами Таяны и Тарски. Мало того, жених Зенон купил у стеклодува его гордость – вделанную в шар из прозрачного хрусталя темно-алую розу с сидящим на ней мотыльком, – очевидно, в Гжижеце Зенон еще не собирался отклоняться от конечной цели. Путешествие и дальше шло без помех.

Последний раз принца видели в гостинице «Полная бочка» на окраине Моктувы, в которой горная дорога из Тарски вливалась в Большой Арцийский тракт. Разумеется, Гардани облазил местечко вдоль и поперек и отыскал множество свидетелей того, что Зенон уехал именно по Тарскийской дороге. Из Моктувы принц послал одного из оруженосцев с запасными лошадьми вперед, предупредить невесту о своем прибытии. Всадник, меняя коней, честно проделал весь путь в четыре дня, прибыл ко двору герцога Годоя, вызвал там переполох и спешную подготовку к приему гостя, который, как известно, не приехал. Вот, собственно, и все.

Роман задумчиво покрутил кольцо с сапфиром:

– Где теперь этот оруженосец?

– В Тарске. Любовь с первого взгляда. Впрочем, он ничего не знает, его расспросили как следует. Ехал быстро, ни с кем не разговаривал. После отъезда гонца Зенон целую ночь и полдня провел в Моктуве.

– Значит, не так он и торопился...

– Зенон никогда не брал на себя труд все продумать как следует. Именно в тот день моктувский магистрат отмечал один из дней святой Циалы и нижайше попросил приехавшего принца принять участие в праздничных церемониях. Собственно, поэтому гонец и понадобился. Зенон при всем своем разгильдяйстве не решился оскорбить подданных и задержался. Больше мне ничего не известно: на каменистой дороге следов не остается.

– Надо, чтоб влюбленный оруженосец вернулся в Таяну. У него остались родичи?

– Отец... Я вполне уверен, что он вот-вот заболит. Сегодня же отправлю гонца. Проклятый побери! К нам направляется мой кузен. Не советую в присутствии этого индюка говорить о чем-то важном.

– Тогда прощайте, граф. Я наведуясь к своим лошадям.

Роман уже разобрался с планировкой цитадели и без труда отыскал конюшни, находившиеся в первом Полуденном дворе рядом с Фуражной башней. Сытые и веселые Топаз и Перла приветствовали хозяина нетерпеливым ржаньем. Возле жеребца вертелось несколько конюхов, глазами страдавших знатоков взиравших на золотистое чудо. Роман спрятал улыбку, представив, как всполошились бы бедняги, узнав истинные способности эльфийских красавцев.

Весело поприветствовав собравшихся и сообщив, что он не мог не проведать своих бесценных, хоть и не сомневался, что к ним отнесутся с должным вниманием, бард легко завоевал расположение собеседников. Можно было спрашивать, а уж это Роман умел. Поговорили о лошадях вообще и о таянских дрыгантах⁴¹ в частности, о дороге, о герцоге Рене, знакомство с которым эльф самовольно продлил с семи дней до шести лет. Песни Романа Ясного в Таяне пели с не меньшим удовольствием, чем в других краях, а близость к обожаемому всеми эландцу, красавцы-кони и простота в обращении превратили барда в желаннейшего из гостей.

Ясновельможный Роман желает посмотреть лошадок? Конечно! Вот на этом, крапчатом, ездил принц Стефан, пока был здоров, а вот эта чалая – принцессы Иланы... Это трехлетка Марко-малого, а вот и толстوشка Герики.

Либеру не составило труда перевести разговор с лошадей на всадников. Заговорили о принцессах. Ланке воздавали по заслугам, как хорошей наезднице и ценительнице лошадей,

⁴¹ Дрыгант – порода лошадей, приспособленная к передвижению по лесам и болотам. Могут при необходимости передвигаться почти оленьими прыжками.

но сетовали, что, войдя в раж, принцесса может сгрубить поводом, заставить коня прыгнуть через опасное препятствие, а то и загнать. Герику любили все, хотя относились к тарскийке с покровительственной жалостью.

Дочь Михая всего пугалась, верхом ездил е-е-е, лошадка у нее была спокойная, но слишком уж раскормленная. Девушка предпочитала кормить кобылу морковкой и яблоками, а не ездить на ней. Но именно Герика спасла Бойца, не вмешайся она, коня ждала бы неминуемая смерть, а жаль – жеребец-то хорош. Что на него тогда накатило, никто понять не мог.

– Может, опоили или напугали чем? – предположил Роман.

Нет, ни царапин, ни ожогов не было, поили его с другими скакунами. Конь считался прекрасно выезженным, непугливым, фортелей не выкидывал ни до, ни после. По просьбе Герики Бойца подарили сыну старшего конюха, так тот не нарадуется. Вот судьба-то.

Жаль Гергея Гварского, но, не случись беды, никогда бы шалопут Мишка не получил такого красавца!

– Да что ж там такое случилось? – спросил Роман, медленно проверяя и так безупречную сбрую. – Не белка ж шишкой запустила!

– Доезжачие рассказывали, вроде что-то светлое мелькнуло в кустах, – наперебой принялись объяснять конюхи. – Боец – на дыбы, шарахнулся, а потом и понес как бешеный...

– Поводья оборвались, хотя были совсем новые...

– От лучшего шорника.

– Сроду со сбруей Косого Яся таких конфузов не случилось.

– В кустах пошарить не догадались?

– Как не догадались, обязательно посмотрели. Не было там ничего.

– Только лошадиные следы, да олень еще, видать, пробежал. Здоровущий.

– Не, Боец не в первый раз на охоте, чтоб от оленей и лосей шарахаться...

Как ни был Роман готов к тому, что он только что услышал, а по спине пробежал неприятный холодок. Что-то белое, мелькнувшее в кустах, взбесившаяся лошадь, олени следы... Уж не белым ли был тот олень?

Бард поднял копыто Топазу и принялся осматривать подкову. С чувствами он справился быстро, но разговор продолжить не удалось. Послышались быстрые шаги.

– Вот ты где, а мы тебя всюду ищем. – Белка не сомневалась, что только ее тут и не хватало. Конюхи с улыбкой ретировались, оставив Романа один на один с разгневанной графиней Гардани. – Марита давно проснулась и все время плачет, а ты на лошадей смотришь!

– Дорогая Белинда, я, конечно, поеду к ней, но вряд ли ей кто-то нужен, кроме родных.

– А к ней не надо ехать, Шани и ее, и Мику в замок забрал. И правильно, потому что Марита лучше любой ноблески... Нечего ей там одной сидеть, а дом Тереза постережет. Это которая ее нянька. Родни у Маритки только мы и брат, так отец его сюда тоже взял, но Мика совсем еще глупый. Семи и то нет...

– А вам, сударыня?

– Тринадцать исполнилось в месяце Иноходца, но раз ты меня не успел поздравить, можешь сделать это сейчас.

– Непременно сделаю, только отыщу достойный вас подарок.

– Мне нужен хороший кинжал, такой, как у «Серебряных», но с моими ици... ициниями! И чтобы были такие камни, чтобы подходили к глазам.

– Значит, кошачий глаз?

– А он какой?

– А вот увидите!

– Ладно, но сейчас иди к Марите, потому что родные и так все тут, а она все равно плачет. Она в тебя с первого взгляда влюбилась, тебе что, непонятно? Когда траур кончится, ты на ней женишься, и все будет в порядке. Ты ведь нобиль, раз у тебя шпага и консигна?

- Да, но...
- Вот и хорошо, значит, она станет ноблеской и сможет жить в замке...
- Белка, оставь дана в покое. Марита опять спит, мы едем по делу, а когда вернемся, жди гостей. – Подошедший Рене откровенно наслаждался явным замешательством Романа. – Кстати, графиня Гардани, вас ждет Стефан. Он говорит, вы обещали перебраться с ним графюры...
- Бегу! Ясновельможная данна должна держать слово. – Вихрь в зеленом платье устремился к двери.
- Что, Роман, нелегко сдерживать натиск такой свахи?
- Знаешь, я действительно растерялся.
- Я видел. Ты завтракал?
- Да, пока ты спал...
- А пообедаем с Иннокентием. Надо с ним посоветоваться, он многое замечает.

3

Кони бежали легкой рысью по обсаженной тополями дороге. Диман настоял-таки на том, чтобы герцога сопровождал эскорт из дюжины эландцев. К кавалькаде самовольно присоединился и Зенек на Романовой Перле, которая, похоже, воспринимала парня как неизбежное зло. Свита вежливо отставала на полсотни шагов, и Роман с Рене могли говорить не стесняясь. Перебрав по нескольку раз события минувшей ночи и сведения, собранные бардом, пока герцог заботами Жана-Флорентина отсыпался, собеседники пришли к обнадеживающему выводу, что дело плохо.

Гадать, не имея нужных сведений, смысла не имело, и Аррой спросил, как эльф стал либером. Роман принялся рассказывать, мимоходом дивясь собственной откровенности. Примеро бы лопнул от злости, но тайна, тщательно оберегаемая сотни лет, была поведена человеку, которого бард знал восьмой день. Рассказывал Роман с удовольствием: Рене был именно тем слушателем, на которого хочется вывалить опротивевшие секреты. Секретов же у разведчика было немерено.

Судьба Романа, вернее Нэо Рамиэрля, была предрешена, когда у темноволосой и звездноглазой Нанниэли Водяной Лилии родилась столь редкая у эльфов двойня. Девочка и мальчик. Эанке Аутандиэль выдалась в мать, а сын походил на отца, Астена Кленовую Ветвь, младшего брата Местоблюстителя Лебединого престола Эмзара Снежное Крыло.

За несколько лет до рождения Эанке и Рамиэрля Лебеди пустили на свой остров магов-Преступивших. Не все в Убежище были этим довольны, но дом Розы, к которому принадлежал Астен, сумел настоять на своем. Маги прижились. Они были ненавязчивы, честно исполняли свою часть договора и занимались какими-то тайными делами, о которых знал лишь Эмзар.

По ряду причин никто из пришельцев, кроме уже знакомого Рене Уанна, не рисковал покидать Убежище. Отгородившиеся много веков назад от мира непроходимыми топями эльфы также не стремились в большой мир, но Уанн убедил Местоблюстителя и его брата в необходимости следить за жизнью Благодатных земель и даже, если потребуется, влиять на нее. Эльфы вспомнили времена, когда две расы жили бок о бок. Тогда вторые сыновья знатнейших эльфийских семей отдавались на воспитание в дома людских владык, а затем служили посредниками между Светорожденными и смертными.

Мысль была хороша, но в клане Лебеда дети рождались редко, и рисковать единственным чадом ради неясной цели не желал никто, да и люди давно считали эльфов кто еретической выдумкой, кто сказкой. Прерывать добровольное затворничество было опасным, и все же эта мысль нашла своих приверженцев. Самым ярким сторонником единения с Таррой был отец Романа, и именно его жене судьба послала двойню.

У Астена был выбор – отдать сына в чужие руки или признать свою неправоту. Кленовая Ветвь пошел до конца. Деревенская лекарка, собиравшая травы на краю великого болота, нашла «брошенного» младенца и усыновила его. Найденыш рос писанным красавцем, ладил со всякой живностью, а в лекарском деле стал разбираться лучше приемной матери. В пятнадцать лет Роман увязался с сельчанами на ярмарку в ближний городишко и был потрясен песнями старика барда. Певец обратил внимание на золотоволосого паренька, не отходившего от него целый день, и в шутку попросил повторить одну из песен. Роман повторил.

В болотную деревню он больше не вернулся – Сивый Анн взял паренька с собой. Несколько лет они странствовали вместе, потом учитель умер, и ученик остался один. Роман болтался по градам и весям Арции, снискал себе славу непревзойденного певца и забияки, несколько раз собирался жениться, но всякий раз что-то мешало. Когда ему сравнялось сорок, он начал подумывать о том, чтобы прекратить бродяжничать и встретить старость как положено добрым людям. Каждый новый поход бард искренне считал последним, а в каждом городе пытался подыскать себе жену, но почему-то откладывал женитьбу еще на месяц. На год. И снова на год.

В один прекрасный день Роман понял, что старость, которую он собирался встретить во всеоружии, запаздывает. Дело было так – бард забрел в какой-то город на берегу Серого моря, где к нему с дурацкими расспросами о каком-то отце бросился толстый румяный дядька. Сперва Роман ничего не мог понять, потом сообразил, с кем его столкнула капризница-судьба. Лет тридцать назад он знал толстяка, они даже дружили, потом жизнь развела приятелей в разные стороны, и вот теперь постаревший Иак принимает его... за сына тогдашнего Романа.

Бард как-то выкрутился, и приятель давних лет удалился в уверенности, что видит перед собой плод мимолетного увлечения своего взбалмошного дружка. Встреча эта заставила Романа как следует рассмотреть себя в ближайшем зеркале и осознать, что в пятьдесят с небольшим он кажется двадцатипятилетним. Это смахивало на чудо, а чудеса в Арции не жаловали. У барда было два выхода – странствовать по белу свету, время от времени меняя имя, или же вернуться на родину и попытаться разобраться, что же он на самом деле такое. Роман выбрал второй путь, но загадка разрешилась куда быстрее, чем он добрался до болотного края. На дороге в Фей-Вэйю его остановил один человек...

Досказать свою историю эльф не успел. Из-за тополей выскочил всадник в темно-зеленой одежде монашествующего клирика. Святой отец нещадно гнал рыжую лошадку, хотя бедняжка была вся в мыле. Поравнявшись с Арроем, монах остановил несчастное животное и уставился на герцога. Выражение отчаяния на его лице сменилось облегчением. Аррой дал бедняге отдышаться и мягко, но требовательно спросил:

- Святой отец, вам, я вижу, нужна помощь? Что-то случилось?
- У... умирает!
- Кто?
- Его высокопреосвященство!

Рене резко выслал своего цевца. Вороной, сделав огромный скачок вперед, пошел галопом. Роман пустил Топоза следом, следя, чтобы кони шли ноздря в ноздю.

Глава 9
2228 год от В. И. 17-й день месяца Медведя
Таяна. Высокий Замок
Таяна. Монастырь Триединого

1

Стефан медленно прошелся по комнате. Ноги казались ватными, в голове звенело, но какое это имело значение? Он сумел встать без посторонней помощи! Доковыляв до стола, принц с наслаждением выпил горький напиток, приготовленный вчера Романом и дотошно проверенный Жаном-Флорентином перед самым отъездом герцога. Любого другого человека от пахнувшей полынью гадости передернуло бы, но Стефану зелье доставляло немислимое наслаждение – боль сразу же отступала, и какое-то время он чувствовал себя почти здоровым. В первый раз его отпустило всего на десятинку, но постепенно число мгновений без боли увеличивалось, и теперь почти час после приема лекарства принц оставался на ногах.

Наследник Таяны с удивленной радостью следил из окна, как Белка воюет с братишкой Мариты. Для Стефана сейчас вновь было все: и полевые цветы, которые собрала Герика, и рассеявшиеся на карнизе голуби, и пересмеивающиеся в галерее «Серебряные».

Еще полдюжины дней назад принц почти прощался с жизнью, и только детская надежда на помощь Арроя удерживала его от полного отчаянья. Эландец приехал и привез с собой светловолосого либера, который нашел причину болезни. Если б он смог помочь еще и Зенону! Стефана передернуло, когда он вспомнил бессмысленное лицо брата.

Они оба стали жертвой колдовства, но если ему удалось спасти свою душу, хоть и страшной ценой, то Зенон подчинился. Роман предупредил, что помочь брату он сможет, лишь полностью расправившись с той сущностью, что вцепилась в него, Стефана. Это заставляло принца бороться с утроенной силой, и успехи были налицо.

Белка с Микой разошлись не на шутку, и Стефан вдруг решился спуститься во двор, благо рядом не было докучливых сиделок. Лестница показалась бесконечно длинной, но он ее все же преодолел. Кругломорденький Мика никак не прореагировал на появление высокого худого человека, что, пошатываясь, брел к ним, но Белка от радости и возмущения аж завизжала. Бросившись к Стефану, девица Гардани обхватила его обеими руками и, ворча, повела к скамейке.

Стефан протестовал, но не слишком сильно. Во-первых, привязанность дочки Шани всегда его трогала, а во-вторых, помощь была не лишней – он свои силы переоценил. Белка заботливо усадила принца на скамейку и пристроилась на земле у его ног.

– Бельчонок, ты же вымажешься, как поросенок!

– Здесь сухо, – отмахнулась девочка. – Ты почему один ходишь?

– Захотелось прогуляться... Смотрел на вас в окошко, стало завидно – солнце, птицы летают... Это твой новый друг?

– Братишка Маритки. Бестолковый совершенно. Орет, что станет адмиралом, а сам плавать не умеет, боится воды.

– Ну так научи.

– Ладно уж, – великодушно кивнула Белинда. – Только он толстый.

– А ты тощая, как бродячая кошка, – окрысился подбежавший мальчишка.

– А у тебя уши торчат. У адмиралов таких ушей не бывает!

– А ты откуда знаешь?!

– Знаю. Рене – мой друг! И ничего у него не торчит.

– А вот и нет. Он друг барда, а бард и Маритка – жених и невеста. Вот скажу Маритке, она скажет, и бард велит герцогу с тобой не разговаривать!

– С чего ты решил, что они жених и невеста? – откровенно потешаясь, осведомился Стефан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.